

Светлана Александровна Солнцева

Родилась в 1959 г. в г. Москве. В 1976 г. окончила среднюю школу № 5 г. Красногорска Московской области и поступила на работу в Центральный музей Вооруженных Сил СССР (позже — РФ). В 1978–1983 гг. без отрыва от производства окончила с отличием исторический факультет Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина (ныне — МПГУ). В 2008 г. перешла на работу в Московский государственный объединенный музей-заповедник (Коломенское-Измайлово-Люблино), откуда ушла на пенсию в 2018 г. Кандидат исторических наук. Сфера научных интересов — социально-модернизационные процессы в русской армии в 1917 г.

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

Светлана Солнцева

5

**РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО
В ЭЛЕКТРОННОМ ВИДЕ**

Социальная модернизация
русской армии в период
войны и революции
(февраль — ноябрь 1917 г.)

Светлана Солнцева

БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ

Социальная модернизация
русской армии в период
войны и революции
(февраль — ноябрь 1917 г.)

МОСКВА
2020

УДК 355.48
ББК 63.3(2)53
С 60

Рецензенты:

Гребенкин Игорь Николаевич

*доктор исторических наук, профессор кафедры истории России
и методики преподавания истории и обществознания
Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина*

Копылов Николай Александрович

*кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной
и отечественной истории Московского государственного
института международных отношений (университета)
Министерства иностранных дел Российской Федерации*

Оформление переплета М. Левыкина

Солнцева, Светлана Александровна

С 60 Без царя в голове. Социальная модернизация русской армии в период войны и революции (февраль — ноябрь 1917 г.): монография / Солнцева С.А. — Москва : Издательский дом «Российское военно-историческое общество»; Пятый Рим, 2020. — 160 с.

ISBN 978-5-6043329-5-5

Русская армия в 1917 году. Какой она была? Что происходило с бывшей опорой трона после Февральской революции? Как трансформировался один из важнейших государственных институтов самодержавия, попав в непривычные и во многом чуждые ему условия существования? Насколько возможно было успешно реформировать Вооруженные Силы в обстановке войны и революции? Эти и другие проблемы преобразования армии в период русской революции 1917 г. рассмотрены в представленной монографии.

Книга издана Российским военно-историческим обществом.

УДК 355.48
ББК 63.3(2)53

© Российское военно-историческое общество, 2020

© Солнцева С.А., 2020

© Издательство «Пятый Рим»™, 2020

© ООО «Бестселлер», 2020

ISBN 978-5-6043329-5-5

Моему деду Сергею Матвеевичу Скороглядову
и его старшему брату
Георгию Матвеевичу Скороглядову —
офицерам-фронтовикам
Первой мировой войны посвящается

Во всем свете у нас только два верных союзника:
наша армия и флот...

Император Александр III

Особенно благоприятную почву для социальных потрясений представляет... Россия, где народные массы несомненно исповедуют принципы бессознательного социализма.

...армия, лишившаяся... за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованною, чтобы послужить оплотом законности и порядка...

Из меморандума статс-секретаря П.Н. Дурново императору Николаю II. Февраль 1914 г.

Это было с бойцами, или страной...

В. Маяковский

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вступление</i>	5
<i>Глава 1.</i> Российско-императорская армия: изменение внешнего «облика».	20
<i>Глава 2.</i> Кадровая политика в войсках после Февральской революции	40
Ударные формирования русской армии в 1917 г.	
Формирования «смерти»	75
Ударные формирования из волонтеров тыла	87
<i>Глава 3.</i> Структуры политического влияния и контроля в армии	113
Институт военных комиссаров	113
Военно-политические органы	138
<i>Заключение</i>	149

ВСТУПЛЕНИЕ

История царской армии на последнем этапе ее существования привлекала и продолжает привлекать внимание профессиональных исследователей и любителей отечественной истории. Великие перемены, в эпоху которых вступила тогда Россия, затронули все сферы жизни русского общества, не обойдя стороной ни одного социального или государственного института. «Твердыни русского царизма», сотни лет обеспечивавшие поступательное развитие страны, в феврале 1917 года, одряхлев, «пали»¹, освобождая место новому. Продолжавшаяся Первая мировая война потребовала немедленного и существенно обновления одной из основополагающих структур государства — царской армии, которая за 2,5 года боевых действий не достигла ни Берлина, ни Вены, ни Стамбула. С началом же Февральской революции она выплеснула наружу свои внутренние противоречия, сдерживаемые дотоле скрепами самодержавного режима, и переключила внимание на внутрироссийские дела, что привело к расколу в ее рядах по социальному признаку и стремительной потере боеспособности. В новое время были предприняты значительные усилия для восстановления последней, однако в силу ряда причин добиться каких-либо существенных и устойчивых результатов не удалось.

Попытки осмыслить произошедшее в «опоре трона» были предприняты сразу по завершении ее существования. Первыми исследователями этого процесса стали очевидцы и активные участники событий того времени. Уже в 1918 г. появился сборник статей «Народ и армия», в котором содержался анализ политики Временного правительства и правящих тогда политических партий по военным вопросам; их успехов и ошибок, а также ближайших результатов проводимого ими курса. Авторами сборника были видные фигуры Военного министерства Временного правительства: бывший начальник Кабинета военного министра В.Л. Барановский, последний правительственный комиссар при Верховном главнокомандующем В.Б. Стан-

¹ «Граждане! Твердыни русского царизма пали» — начальная фраза Манифеста ЦК РСДРП(б), выпущенного 26 февраля 1917 г. (все даты в монографии приводятся по старому стилю). История гражданской войны в СССР. М., 1935. Т. 1. С. 74.

кевич и др.² Гражданская война прервала на несколько лет процесс осмысления социальных трансформаций, начавшихся в России в 1917 г., в т. ч. попыток переустройства армии, но по ее окончании он сразу же возобновился. И в Советском Союзе, и за его пределами уже в первой половине 1920-х годов появилось значительное количество мемуаров (за рубежом — преимущественно русских эмигрантов³), отдельные из которых носили исследовательско-монографический характер. Многие авторы воспоминаний были в недавнем прошлом военнослужащими, правительственными чиновниками и партийными функционерами, работавшими в 1917 г. в войсках, что неизбежно фокусировало их воспоминания на армии. Наиболее крупными и значительными трудами этого периода являются «Семнадцатый год» А.Г. Шляпникова⁴ и «Очерки русской смуты» А.И. Деникина⁵, представляющие собой тип мемуаров-исследований, которые дают широкую панораму процессов, происходивших в армии после свержения царизма, и стремятся провести их глубокий анализ. Аналитическая тенденция продолжила свое развитие в исследованиях конца 1920-х и в 1930-е годы, когда произошел переход к изучению отдельных аспектов истории Вооруженных Сил России в период между Февралем и Октябрем. В это время появляются статьи и монографии Н.В. Крыленко⁶, О.Н. Чаадаевой⁷, С.Е. Рабиновича⁸, И.Г. Кизрина⁹, других советских авторов, а за рубежом — А.А. Керсновского¹⁰, принадлежавших к поколению более молодых исследователей. Во Франции,

² Народ и армия. Пг., 1918. Вып.1.

³ Упомянем хотя бы такое многотомное издание, как «Архив русской революции», выходявшее в течение 1921-1937 гг. в г. Берлине.

⁴ В данной монографии использовались издания: Шляпников А.Г. Семнадцатый год. 2-е изд. В 2 кн. М., [1924]. Кн. 1; Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. М., 1992-1994 (ссылки даются на последнее издание за исключением специально оговоренных).

⁵ Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. Париж, Берлин, 1921-1926.

⁶ Крыленко Н.В. Февральская революция и царская армия // Пролетарская революция. 1927. № 2-3 (61-62).

⁷ Чаадаева О.Н. Добровольческое движение в 1917 г. // Пролетарская революция. 1928. № 9(80).

⁸ Рабинович С.Е. Борьба за армию в 1917 г. Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 году. М., Л., 1930.

⁹ Кизрин И.Г. Распад старой армии. Воронеж, 1931.

¹⁰ Керсновский А.А. Упущенная возможность // Какая армия нужна России? Взгляд из истории. Российский военный сборник. Вып. 9 (далее — Какая армия нужна России?) М., 1995. С. 299.

кроме того, выходит труд, посвященный истории Корниловского ударного полка¹¹. В эти же годы были изданы такие работы общего характера, затрагивавшие в числе прочего различные проблемы старой армии в постфевральский период, как 1-й том коллективной монографии «История гражданской войны в СССР», посвященный 1917 году; а за границей — фундаментальный труд участника Первой мировой войны, русского эмигранта генерал-лейтенанта Н.Н. Головина «Усилия России в мировой войне 1914–1918 гг.»¹². Излишне говорить, что историография, созданная участниками и младшими современниками событий 1917 г., не могла не нести на себе такой отпечаток эпохи, как политизация исследований, что вело к их мифологизации и, следовательно, искажению или, по меньшей мере, одностороннему отражению исторических реалий. В частности, в советской исторической науке утвердился взгляд на период, когда у власти находилось Временное правительство, как переходный от буржуазно-демократической революции к социалистической, всего лишь предваряющий главное событие XX века, Великую Октябрьскую революцию, и, следовательно, малозначительный.

Развитие культа личности Сталина в нашей стране, задававшего в т.ч. и параметры исторических исследований, а также Вторая мировая война и — как ее составляющая — Великая Отечественная привели к наступлению фактического «периода молчания» как в советской, так и в зарубежной историографии русской революционной армии 1917 г. За 1940-е — начало 1950-х годов можно назвать только статью полковника П. Сергеева в «Военно-историческом журнале» об ударных формированиях старой армии в годы Первой мировой войны¹³ и кандидатскую диссертацию М.С. Лазарева о прекращении деятельности Ставки Верховного главнокомандующего старой армии в ноябре 1917 г., которая, несмотря на название, освещает события всего 1917 года, начиная с Февральской революции¹⁴.

¹¹ Корниловский ударный полк. Париж, 1936.

¹² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. В 2 т. Париж, 1939.

¹³ Сергеев П. Штурмовые команды русской армии (1914–1918 гг.) // Военно-исторический журнал. 1940. № 11.

¹⁴ Лазарев М.С. Победа Великой Октябрьской социалистической революции и ликвидация Ставки старой армии как очага всероссийской контрреволюции (сентябрь–ноябрь 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. М., 1952. Впоследствии автор опубликовал статью по этой теме (Лазарев М.С. Ликвидация Ставки старой армии как очага контрреволюции // Вопросы истории. 1968. № 3).

Новый период в историографии указанной проблематики наступил в связи с ликвидацией культа личности Сталина и празднованием 40-летия и 50-летия Февральской и Октябрьской революций. Так, в 1961 г. в журнале «Исторический архив» Д.В. Ознобишиным была опубликована подборка документов «О попытках Временного правительства реорганизовать армию», сопровождавшаяся его вступительной статьей и комментариями¹⁵. Указанная публикация является востребованной историками и сегодня. В 1963 г. появилась статья В.Д. Поликарпова «Разгром белогвардейских ударных батальонов под Белгородом в 1917 году»¹⁶ о последних днях существования ударных формирований старой армии, а в 1965 г. — В.В. Кутузова «Донесения комиссаров Временного правительства и командиров как источник для изучения истории революционного движения в русской армии (февраль-октябрь 1917 г.)»¹⁷, привлекая внимание к самому институту военных комиссаров периода Временного правительства, считавшихся до этого исключительной принадлежностью Красной Армии первых десятилетий ее существования.

Вообще во второй половине 1950-х — первой 1980-х гг. было издано значительное количество работ по истории 1917 года, в которых так или иначе затрагивались вопросы изменений в старой армии. Среди них назовем статьи и монографии Э.Н. Бурджалова¹⁸, А.Г. Кавтарадзе¹⁹, А.Х. Клеванского²⁰, В.И. Миллера²¹,

¹⁵ Исторический архив. 1961. № 4. Выражаю благодарность С. Н. Базанову за привлечение внимания к указанной публикации.

¹⁶ Поликарпов В. Разгром белогвардейских ударных батальонов под Белгородом в 1917 году (далее — Разгром белогвардейских ударных батальонов) // Военно-исторический журнал. 1963. № 1.

¹⁷ Кутузов В.В. Донесения комиссаров Временного правительства и командиров как источник для изучения истории революционного движения в русской армии (февраль — октябрь 1917 г.) // Источниковедение истории советского общества. М., 1964. Мое внимание к указанной публикации было привлечено Л.М. Гавриловым.

¹⁸ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967; Он же. Вторая русская революция. Москва. Фронт. Периферия. М., 1971.

¹⁹ Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году // Военно-исторический журнал. 1967. № 5.

²⁰ Клеванский А.Х. Чехословацкие интернационалисты и проданный корпус. М., 1965.

²¹ Миллер В.И. Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.: возникновение и начальный период деятельности. М., 1974.

И.И. Минца²²; эмигрировавшего в 1974 г. из СССР М.С. Френкина²³. Все перечисленные труды отличает опора на обширную, серьезно проработанную исследователями источниковую базу. Неслучаен и выход в те годы фундаментальных публикаций источников, например, многотомного академического издания «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы» с обширными послетекстовыми научными комментариями, которое освещало события всего 1917 года²⁴; а также трудов, написанных в 1920-е гг. партийными, государственными и военными деятелями СССР, погибшими в годы сталинских репрессий, например, советского Верховного главнокомандующего старой армией Н.В. Крыленко²⁵. Общество, порывая со сталинизмом, хотело знать правду о прошлом страны. Конечно, наивно было бы думать, что тогда исчезла государственная цензура. Тематика работ и публикаций источников, а также односторонность подачи материала в большинстве из них свидетельствует об обратном. Тем не менее по сравнению с предшествующим периодом советская историческая наука, несомненно, совершила в те годы прорыв на новый уровень своего развития, в т. ч. в области исследований истории русской армии в период Временного правительства. А вышедшая в ФРГ неподцензурная работа Френкина, хотя и имела, как и ее советские аналоги, яркий налет политизации, самим своим появлением поставила вопрос о необходимости альтернативных разработок исторических проблем, проведения научных дискуссий и упразднения административного надзора за исторической наукой. Вместе с тем новая историография армейской

²² Минц И.И. История великого Октября. В 3 т. М., 1967–1973. В конце 1970-х гг. вышло второе издание труда (Он же. История великого Октября. В 3 т. М., 1977–1979) (ссылки даются на последнее издание. Указанное издание было предоставлено мне для работы А.Г.Кавтарадзе).

²³ Френкин М. Русская армия и революция 1917–1918. Мюнхен, 1978. Монография была предоставлена мне для работы А. Г. Кавтарадзе.

²⁴ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы: Революционное движение в России после свержения самодержавия. М., 1957; Революционное движение в России в марте-апреле 1917 г. М., 1958; Революционное движение в России в апреле 1917 г. Апрельский кризис (далее — Революционное движение в России в апреле 1917 г.). М., 1960 и т. д.

²⁵ Крыленко Н.В. Смерть старой армии // Военно-исторический журнал. 1964. № 11–12.

тематики 1917 г. впервые привлекла к себе интерес зарубежных исследователей, не принадлежавших к среде русских эмигрантов. Наиболее крупным из них является американский историк А.К. Уайлдман, выпустивший в 1980-е гг. двухтомную монографию «Конец Русской императорской армии»²⁶.

Наступление «застоя» привело к постепенному отходу от позиций «оттепели» в описываемом секторе отечественной историографии. Это нашло свое выражение в усилении «стандартизации» тематики исследований, которая теперь посвящалась главным образом работе в армии в 1917 г. большевиков и революционному движению в войсках, причем исключительно в аспекте борьбы за «мир во что бы то ни стало» и установление в стране Советской власти. Лишь вскользь упоминалось о внутренних трансформациях в армейском организме — в основном в виде реакции солдатских масс и войсковых комитетов на различные официальные нововведения в армии²⁷.

«Перестройка» вдохнула новую жизнь в исследования по интересующей нас тематике, поскольку политическая цензура ослабла и это позволило историкам более свободно и объективно оценивать анализируемые события и процессы и ставить новые проблемы. В эти годы вышли фундаментальная монография А.Г. Кавтарадзе²⁸ и работа А.А. Буравченкова²⁹ о влиянии Октябрьской революции на офицерский корпус старой армии и переходе части его представителей на службу Советской власти. В них в качестве предыстории рассматривались события всего 1917 года. Тогда же были опубликованы интересные статьи А.С. Сенина о совершенно забытом к тому времени Политическом управлении Военного министерства Временного правительства и жен-

²⁶ Wildman A.K. The end of the Russian Imperial Army. The old army and the soldier's revolt. - Princeton. New Jersey, 1980; The end of the Russian Imperial Army. The road to Soviet power and peace. Princeton, New Jersey, 1987.

²⁷ Революционное движение в русской армии в 1917 г. Сб. статей. М., 1981; Якупов Н.М. Революция и мир (солдатские массы против империалистической войны. 1917-март 1918 гг.). М., 1980 и т. д.

²⁸ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. 1917-1920 (далее — Военные специалисты на службе республики Советов). М., 1988.

²⁹ Буравченков А.А. В ногу с революцией. Демократическое офицерство в Великой Октябрьской социалистической революции. Киев, 1988.

щинах-военных добровольцах в 1917 г.³⁰, диссертация П.К. Корнакова по «немодной» теме символики³¹ и пр., что свидетельствовало о наличии лагун в изучении истории русской армии в период между Февралем и Октябрем и нарастании интереса к этой проблематике у отечественных историков.

Изменение государственного строя и политического режима на пространстве Советского Союза в 1991 г. привели к открытию новых направлений в историографии русской революционной армии, дополнительный импульс которым придали мероприятия, посвященные 80, 90 и 100-летию событий Первой мировой войны и Второй русской революции. Появились и продолжают появляться работы о военном строительстве в России в годы Первой мировой войны, в т. ч. в 1917 г.³²; военной политике Временного правительства³³; структуре и деятельности его Военного министерства и новых военно-политических институтов, которыми оно руководило³⁴; изменениях в офицерском корпусе старой армии³⁵; попыт-

³⁰ Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году // Вопросы истории. 1987. № 10; Он же. Политическое управление Военного министерства // Государственные учреждения и общественные организации СССР. Проблемы, факты, исследования. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1991.

³¹ Корнаков П.К. 1917 год в отражении вексиллологических источников (по материалам Петрограда и действующей армии): Дис... канд. ист. наук. Л., 1989.

³² Олимпиаев В.В. Армия России в годы Первой мировой войны: опыт строительства: Дис... канд. ист. наук. М., 1994.

³³ Кубаткин В.А. Военная политика Временного правительства (март-октябрь 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. М., 1996.

³⁴ Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. М., 1995; Комаров Н.А. Военные комиссары Временного правительства (март-октябрь 1917 года): Дис... канд. ист. наук. М., 2001; Солнцева С.А. Комиссары в армии революционной России (февраль 1917 г. — март 1918 г.) // Отечественная история. 2002. № 3.

³⁵ Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993; Он же. Российское офицерство как служилое сословие // Российский военный сборник. Вып.17. Офицерский корпус русской армии. Опыт самопожертвования. М., 2000; Панов И.Н. Офицерский корпус Вооруженных Сил России в годы Первой мировой войны: Автореферат дис... канд. ист. наук. Киев, 1999; Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии: социальный состав, мировоззрение. 1917-1920 гг.: Дис... канд. ист. наук. Орел, 2000 (в 2005 г. автор, переработав диссертацию, выпустил одноименную монографию (Орел, 2005), но тексты не совпадают, поэтому в данной работе даются ссылки на диссертацию); Кузнецов Д.А. Офицерский корпус России (февраль-август 1917 г.): Дис... канд. ист. наук. Воронеж, 2000 и др.

ках постфевральской власти в России восстановить понизившуюся в результате революции боеспособность войск для достижения победы в войне³⁶; новых типах войсковых формирований³⁷; социально-политических настроениях армии в этот период³⁸; отдельных военных и политических фигурах того времени³⁹ и пр. Расцвела историография вспомогательных исторических дисциплин (униформологии, вексиллологии, фалеристики и т. п.), касающаяся военной истории 1917 г.⁴⁰, которая в предшествующую эпоху счи-

³⁶ Солнцева С.А. «Обязуюсь повиноваться Временному правительству...» // Военно-исторический журнал. 1997. № 2; Ипполитов Г.М., Васильева Л.Ф. «Не большевики развалили армию...» Временное правительство в борьбе за сохранение Вооруженных Сил России: исторический опыт, уроки. Самара, 2005.

³⁷ Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. 1998. № 8; Маслаков А. Предшественники Добровольческой армии // Белая гвардия. 1998. № 2; Иванов Д. Рожденный на заре свободы — за нее умрет. Части смерти в русской армии 1917 г. // Военный сборник. Альманах российской военной истории. Статьи и публикации по российской военной истории до 1917 (далее — Военный сборник). М., 2004; Фомин М. Батальон смерти 38-й пехотной дивизии // Военная бль. 1996. № 8; Солнцева С.А. Ударные формирования русской армии в 1917 году // Отечественная история. 2007. № 2; Васильев М.В. 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 г. // От противостояния идеологий к служению идеалам: российское общество в 1914–1945 гг. Сб. статей (далее — От противостояния идеологий к служению идеалам). М., 2016. Выражаю благодарность К.А. Пахалюку за привлечение моего внимания к указанной публикации и другим статьям данного сборника.

³⁸ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. // Первая мировая война. Дискуссионные проблемы истории. М., 1994; Он же. Политико-нравственное состояние русской армии в 1917 году и позиция Верховного командования (по материалам РГВИА) // Голоса истории. Сб. научных трудов Государственного Центрального музея современной истории России. М., 1999. Вып. 24. Кн. 3; Маркевич А.М. Солдатские письма в центральные Советы как источник для изучения общественных настроений в армии в 1917 г.: Дис... канд. ист. наук. М., 2002; Асташов А.Б. Моральный дух и настроения русской армии в Первой мировой войне (далее — Моральный дух...) // От противостояния идеологий к служению идеалам.

³⁹ Боханов А.Н. Александр Иванович Гучков // Исторические силуэты. Сб. статей. М., 1991; Иоффе Г. Семнадцатый год: Ленин, Керенский, Корнилов. М., 1995; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. М., 1996; Дроков С. Предисловие к русскому изданию // Бочкарева М. Яшка. Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы. В записи Исаака Дон Левина. М., 2001 и др.

⁴⁰ См., например: Солнцева С.А. Награды Временного правительства // Военно-исторический журнал. 1998. № 3; Она же. Военная символика Февральской революции // Военно-исторический журнал. 1999. № 5; Юшко В. По обстоятельствам военного времени... Варианты новой формы одежды в годы Великой войны 1914–1918 // Военный сборник. Дубровская Е.Ю. Символы революции 1917 года

талась легковесной и поэтому малопривлекательной⁴¹. Были также осуществлены переиздания многих трудов 1920–1930-х годов⁴², часто сопровождаемые научными комментариями, что существенно повысило их ценность для исследователей. В качестве примера можно привести научное издание «Очерков русской смуты» А.И. Деникина⁴³, к сожалению, незавершенное.

Вместе с тем историография русской армии 1917 года еще отнюдь не исчерпала себя, оставляя ряд проблем для дальнейшего исследования. В данной монографии автор как раз и стремится восполнить один из таких пробелов, рассматривая задачи, направления и фактический ход коренного обновления императорской армии, перешедшей к постфевральской России по наследству от самодержавия. Такой подход позволяет увидеть процесс социальной модернизации указанного государственного института России в целом. В монографии по возможности полно представлены и проанализированы все основные социальные новации, появившиеся в русских войсках в феврале-октябре 1917 г., за исключением аналогов гражданских институтов (войсковых комитетов; армейских органов политических партий; структур общественных, политических и профессиональных организаций самих военнослужащих), и исследованы особенности преобразования армии как государственного института России в условиях развития революционного процесса в стране и продолжавшегося участия войск в боевых действиях. При этом автор старалась дать возможность читателям не просто познакомиться с некоторыми аспектами жизни русской армии образца 1917 года, но услышать голос эпохи, погрузиться в нее.

в письмах российских военнослужащих в Финляндии // Россия в XX веке. Реформы и революции. В 2 т. М., 2002. Т.1; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012. И т. д.

⁴¹ По этой тематике автор может назвать только статью 1983 г. П. К. Корнакова «Знамена Февральской революции», опубликованную в ленинградском сборнике «Геральдика: материалы и исследования. Сб. трудов Государственного Эрмитажа».

⁴² Например: Деникин А.И. Очерки русской смуты. В 5 т. // Вопросы истории. 1990–1995; Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год. В 3 т. М., 1992–1994.

⁴³ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Репринтное воспроизведение. М., 1991. Т. 1: Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г.; Т. 2: Борьба генерала Корнилова. Август 1917 г. — апрель 1918 г. (ссылки приводятся на это издание).

Ведь там в горниле войны и революции ковались все последующие события XX века, происшедшие и в нашей стране и в мире, и были сотканы нити судеб миллионов людей, в том числе наших близких предков. И, следуя за Цицероном, автор стремилась «не сметь сказать никакой лжи, затем — не сметь умолчать ни о какой правде и чтобы написанное не вызывало никакого подозрения ни в пристрастии, ни во враждебности».

С учетом того, что большая часть личного состава армии России была сосредоточена на фронте, процессы рассмотрены преимущественно на примерах фронтовых частей. Напомним, что в 1917 г. действующая армия России была представлена пятью фронтами (Северным, Западным, Юго-Западным, Румынским, Кавказским) и русскими войсками во Франции. Хронологические рамки монографии охватывают период с конца февраля по конец октября 1917 г. ввиду того, что в это время новая власть и общество стремились к обновлению старой армии. После же свержения Временного правительства произошла кардинальная смена внешнеполитического курса России. Советская власть направила свои усилия на вывод страны из войны и, соответственно, демобилизацию старых Вооруженных Сил.

Источниковую базу исследования составили материалы из собраний различных архивов, музеев и библиотек, прежде всего Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (г. Москва), где автором были использованы фонды Ставки Верховного главнокомандующего, Кавказского военного округа, Кавказского фронта, Особой армии Юго-Западного фронта, 2-й пехотной дивизии Румынского фронта, ряда частей действующей армии. Многие из материалов, принципиально важных для понимания процессов, происходивших в русской армии в 1917 г., ранее не привлекались исследователями, что способствовало введению их автором в научный оборот.

Подавляющее большинство привлеченных архивных дел является комплектно полными, т. е., например, приказы по тому или иному полку за 1917 г. представлены за каждый день года без пропусков, а в некоторых случаях в этих подшивках имеются также и все приказы за 1918 г. до момента полной демобилизации части, что позволяет проследить многие нюансы рассматриваемых в монографии проблем. Кроме того, в условиях революции такие приказы отражали политическую жизнь страны и фронта, ибо, служа

основным источником регулярного официального информирования войск, они содержали тексты воззваний центральной власти и отдельных ее представителей к армии; государственных актов, затрагивавших интересы военнослужащих или касавшихся изменений и нововведений военно-политического или военного характера. В 1917 г. в приказах часто объявлялись резолюции собраний и митингов личного состава частей и подразделений, войсковых комитетов разных уровней, инструкции и правила проведения политических мероприятий в войсках и т. д., что позволяет рассматривать указанные подшивки приказов как своеобразные хрестоматии, достаточно полно освещающие политическую жизнь армии в тот период. Не следует забывать и о том, что в войсках существовала практика распространения разного рода распоряжений командования одного фронта на другие фронты, если Ставка признавала их существенными для всей действующей армии. Т. о., имея ряд полных комплектов приказов по частям за 1917 г., мы можем получить ясное представление о многих процессах, происходивших в Вооруженных Силах в целом.

Любопытным показался автору и такой источник, хранящийся в РГВИА в фонде Ставки, как приказания по штабу Верховного главнокомандующего, фиксировавшие поступление добровольных пожертвований от населения на нужды всей армии в целом, определенных войсковых частей или отдельных военнослужащих, которые отражают взаимоотношения общества и Вооруженных Сил в новых социально-политических условиях. Среди жертвователей — представители всех сословий и классов России.

Вторым комплексом источников, на который автор опиралась в ходе своей работы, послужили материалы, находящиеся в собрании Центрального музея Вооруженных Сил РФ (ЦМВС РФ) (г. Москва) и почти не использованные исследователями. В основном это документы, фотографии, негативы, а также печатные издания 1917 г., отражающие боевую и политическую жизнь русской армии в интересующий нас период, в частности, новые взаимоотношения солдат и офицеров. Так, в документальном фонде музея можно ознакомиться с воспоминаниями бывшего солдата учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка А.Н. Глинкина о присоединении волынцев к восставшему народу в феврале 1917 г.; протоколом заседания войскового комитета 84-го пехотного Ширванского полка по поводу проведения в пол-

ку праздника Знамени Свободы (лето 1917 г.); информационным листком Ставки Верховного главнокомандующего, сообщаящим, в частности, что новый Главковерх великий князь Николай Николаевич (младший) принял присягу на верность Временному правительству⁴⁴; другими материалами. Значительную ценность представляют фотографии 1917 г., хранящиеся в фотофонде ЦМВС. Кроме того, автором были привлечены отдельные книги и издания периодической печати, находящиеся в научной библиотеке музея, например, сборник 1936 г. «Корниловский ударный полк», переданный туда представителями Общества русских эмигрантов в США «Родина».

Автором были также использованы пресса 1917 г., прежде всего общественно-литературные журналы «Искры» (г. Москва) и «Огонек» (г. Петроград) и редкие издания периода Первой мировой войны, например, многотомное «Законодательные акты, вызванные войною 1914–1917 гг.»⁴⁵; написанная в 1917 г. генералом П.Д. Бурским брошюра «Революция и офицеры»⁴⁶; сборник приказов по армиям Первой Французской республики, изданный в 1917 г. с пропагандистскими целями Военно-политическим отделением штаба Северного фронта⁴⁷. Указанные источники находятся в собраниях Российской государственной, бывшей им. В.И. Ленина (РГБ) и Государственной публичной исторической (ГПИИБ) библиотек (обе — г.Москва).

Наконец, исследователь обращалась к документальным источникам, опубликованным в тематических подборках документов в исторических журналах, в отдельных сборниках и многотомных изданиях документов и материалов. Хронологически первый из них — сборник документов «Разложение армии в 1917 году», вышедший в 1925 г. и являющийся сегодня библиографической редкостью⁴⁸, в котором опубликованы принципиально важные армейские материалы весны-осени 1917 г. Автором привлекались также

⁴⁴ ЦМВС. Ф. 4. Оп. II.8.1. Ед.хр. 16876.

⁴⁵ Мое внимание к указанному изданию было привлечено А. Г. Кавтарадзе.

⁴⁶ Бурский П.Д. Революция и офицеры. М., 1917.

⁴⁷ Приказы по армиям Первой Французской республики (1793–1794 год). Б.м., 1917.

⁴⁸ 1917 год в документах и материалах. Разложение армии в 1917 году (далее — Разложение армии в 1917 году). М., Л., 1925.

сборники документов «Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917» (М., 1968), «Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г.» (далее — Войсковые комитеты действующей армии) (М., 1982) и «Военно-революционные комитеты действующей армии. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.» (далее — Военно-революционные комитеты) (М., 1977), отдельные тома из многотомной академической серии «Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы» и многотомников «Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции»⁴⁹ и «Декреты Советской власти»⁵⁰. Интересные материалы публиковались «по горячим следам» в 1920-е годы в виде тематических подборок в журналах «Красный архив», «Красная летопись» и т. д. Помимо этого, были использованы отдельные документальные источники, опубликованные в 1990-е и последующие годы.

Большую группу источников составили труды и мемуары видных деятелей 1917 г., которые издавались в разное время: В.И. Ленина⁵¹; А.Ф. Керенского⁵², М.В. Родзянко⁵³, А.А. Брусилова⁵⁴, А.И. Верховского⁵⁵, П.Н. Врангеля⁵⁶, П.А. Половцова⁵⁷, В.Б. Станкевича⁵⁸, В.С. Войтинского⁵⁹, П.Е. Дыбенко⁶⁰ и др. В качестве примера приведем неоднократно выходящий в 1920-е гг. сборник материалов

⁴⁹ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции (далее — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году). М., 2003. Т. 4.

⁵⁰ Декреты Советской власти. М., 1957. Т. 1.

⁵¹ Ленин В.И. Письмо к делегатам съезда крестьянских депутатов // Полн. собр. соч. 6-е изд. М., Т. 32.

⁵² Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. М., 1993.

⁵³ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Репринтное издание. М., 1991. Т. VI.

⁵⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001.

⁵⁵ Верховский А.И. Россия на Голгофе (далее — Россия на Голгофе) (из походного дневника 1914–1918 г.). Пг., 1918; Он же. На трудном перевале. М., 1959.

⁵⁶ Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. — ноябрь 1920 г.). В 2 кн. М., Пенза, 1991.

⁵⁷ Половцов П. Дни затмения (записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 году). М., 1999.

⁵⁸ Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919 // Станкевич В.Б. Воспоминания. 1914–1919. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции. М., 1994.

⁵⁹ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999.

⁶⁰ Дыбенко П.Е. Из недр царского флота к великому Октябрю. М., 1958.

«Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев»⁶¹, пользующийся и сегодня заслуженным вниманием историков, (был дважды переиздан в 1990-е гг. во второй раз — будучи дополнен иными документами 1917 г.)⁶²; «Переписка Николая и Александры Романовых»⁶³; «Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой», где в качестве приложения опубликован знаменитый доклад следователя Н.А. Соколова о расследовании обстоятельств расстрела царской семьи⁶⁴, и др.

Представленные источники можно разделить на следующие категории: акты государственной власти (постановления, декреты, приказы и пр.), исходившие от царского, Временного и Советского правительств, а также Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и от военных министров Временного правительства;

приказы, приказания и объявления Верховного главнокомандующего и начальника штаба Верховного главнокомандующего;

приказы командования фронтов, соединений и частей русской армии;

донесения и рапорты военнослужащих;

данные фронтовой разведки действующей армии о противнике и составленные на их основании аналитические материалы;

сводки Главной Квартиры русской армии о состоянии дел на фронте для широкого информирования;

статистические сведения;

сообщения и другие материалы прессы 1917 г., касающиеся реформирования армии;

агитационные материалы и документы, связанные с учреждением и деятельностью военно-политических структур и общественных организаций военнослужащих (уставы, Положения, правила, резолюции, постановления, воззвания и пр.);

⁶¹ См., например: Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. 2-е изд., доп. Л., 1927.

⁶² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Репринтное издание. М., 1990; Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы (далее — Отречение Николая II). М., 1998 (ссылки даются на последнее издание).

⁶³ В монографии использован 5-й том переписки (Переписка Николая и Александры Романовых. 1916-1917 гг. М., Л., 1927. Т.V).

⁶⁴ Последние дневники императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918г. Новосибирск, 1999.

документы личного происхождения (удостоверения, предписания, частная переписка и пр.), а также труды деятелей 1917 г., дневники и воспоминания очевидцев и непосредственных участников событий.

В завершение хочется сказать о том, что эта монография — не просто исследование. Она — своеобразный поклон автора тем людям, которые растили, воспитывали, учили, наставляли и поддерживали меня; без которых этот труд не мог бы состояться: моему незабвенному научному руководителю и наставнику, ученому-энциклопедисту в области истории русской армии, кандидату военных наук, полковнику в отставке Александру Георгиевичу Кавтарадзе; моим ушедшим дорогим маме Людмиле Сергеевне Солнцева и бабушке Евгении Николаевне Скороглядовой; моим тоже уже ушедшим школьным учителям Вере Андреевне Викторовой, Галине Павловне Куркиной и Льву Викторовичу Веселовскому; всем живым и ушедшим преподавателям Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, работавшим на историческом факультете в 1978–1983 гг.; моим начальникам и коллегам по работе в Центральном музее Вооруженных Сил СССР (затем — РФ) полковнику кандидату исторических наук Александру Федоровичу Швечкову, недавно ушедшему; Валентине Антоновне Богданович и Ольге Сергеевне Толстой-Бобковой; ученым-историкам докторам исторических наук капитану 1-го ранга в отставке Ивану Анатольевичу Анфертьеву, Владлену Терентьевичу Логинову и ушедшим академику Российской академии наук Юрию Александровичу Полякову и доктору исторических наук Станиславу Васильевичу Тютюкину; моим друзьям Надежде и Николаю Гусевым, Татьяне Погорелой и Галине Гришиной. Хочется также выразить особую благодарность Российскому военно-историческому обществу и лично Константину Александровичу Пахалюку за предоставленную возможность издания данной работы.

РОССИЙСКО-ИМПЕРАТОРСКАЯ АРМИЯ: ИЗМЕНЕНИЕ ВНЕШНЕГО «ОБЛИКА»

15 марта 1917 года был издан приказ Верховного главнокомандующего № 7, который гласил: «За последние дни... из разных мест великой Русской Земли поступил ряд телеграмм от городов и уездов, сел, слобод, станиц, поселков, обществ... железнодорожных служащих и рабочих в разных общественных предприятиях, в коих передаются приветствия великой Русской армии, выражаются чувства беспредельного уважения к мужеству родных войск...»¹. Так революционная Россия откликнулась на поддержку армией восставшего народа, что обеспечило свержение самодержавия. Перестав в ходе февральских событий играть роль опоры трона, войска приобрели в глазах общества статус защитников свободы.

Актом, закрепившим этот статус юридически и превратившим российско-императорскую армию в официально «революционную», стала присяга войск на верность новому режиму. Уже 7 марта Временное правительство утвердило новый текст клятвы, и со следующего дня переприсяга началась. Как и раньше, основная формулировка предназначалась для военнослужащих-православных и католиков, а для лютеран, мусульман, иудеев и пр. в ней содержались некоторые изменения, соответствующие догматам их веры². Ритуал принятия присяги не подвергся изменениям за исключением того, что в условиях войны и революции он приобрел коллективную форму, совместную для солдат и лиц начальствующего состава, и что во многих местах в соответствии с духом времени на церемонию выносились самодельные красные знамена и исполнялась «Марсельеза»³. Вот как описывал переприсягу в Ставке Верховного главнокомандующего один из ее очевидцев: «...утром, часов около десяти, на площади Могилева⁴ перед старой ратушей

¹ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917г. (подшивка). Приказ № 7 от 15 марта 1917 г.

² РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 251.

³ Там же. Л. 263,107.

⁴ Во время Первой мировой войны Главная Квартира русской армии находилась сначала в г. Барановичи, а с 8 августа 1915 г. в г. Могилеве (Военная энциклопедия. М., 2003. Т.7. С. 634).

и зданием присутственных мест... и близ дома, где жил государь, собрали войска, все офицерство и весь генералитет Ставки. Духовенство в зеленых военных ризах поместилось в центре шеренг солдат и групп офицеров. Поставлен аналой с... крестом и евангелием... Седой священник громко читал новосозданную присягу... и вся площадь с солдатами, офицерами и даже великими князьями, поднявши правые руки, повторяла новые, во многом неясные слова присяги и затем целовали... крест и евангелие»⁵. Во многих местах после этой церемонии проводились революционные торжества: «Солдатики... устроили неопишумую по проявленному душевному восторгу манифестацию: все явились с красными розетками и ленточками, с красными флагами и аншлагами (транспарантами. — С.С.), на которых красовались золотые слова: “братство”, “свобода”, “равенство”; выдавался (выделялся. — С.С.) большой черный аншлаг с белыми буквами на нем “Вечная память павшим в борьбе за свободу”. Стали произносить зажигательные речи, в которых проклинал старый режим и благословлялся новый; выступали ораторы из офицеров, из солдат... Качали солдат, качали офицеров, целовали друг друга как на Пасху. Затем манифестанты большой массой под непрерывающиеся звуки “Марсельезы”, чередовавшиеся с пением “Вы жертвою пали”, двинулись далее. Ликование народное продолжалось до глубокой ночи»⁶.

После принятия 8 марта присяги личным составом штаба Верховного главнокомандующего его начальник генерал от инфантерии М.В. Алексеев⁷ отправил военному министру А.И. Гучкову от лица чинов штаба послание с изъявлением готовности служить всеми делами Отечеству⁸. 9 марта принял присягу «на верность Отечеству и новому государственному строю» генерал от кавалерии

⁵ Дубенский Д.Н. Как произошел переворот в России // Отречение Николая II. С.74.

⁶ Из записок военного врача В. П. Кравкова. На Юго-Западном фронте в марте 1917 г. // Великая война. Сто лет. М. — СПб., 2014. С. 322. Выражаю благодарность К.А. Пахалову за привлечение внимания к этой и другим публикациям указанного сборника.

⁷ Полный чин или звание и инициалы военнослужащего в обязательном порядке указываются при первом упоминании о нем в монографии.

⁸ Искры. 1917. № 15. С. 116–117. Любопытно, что еще 28 февраля в телеграмме командующим фронтами генерал Алексеев требовал «сохранить верность долгу и присяге (императору. — С.С.) в войсках действующей армии» // Материалы и документы // Отречение Николая II. С. 238.

великий князь Николай Николаевич, сменивший отрекшегося императора на посту Главковерха⁹. В течение марта — начала апреля 1917 г. Временному правительству присягнули все фронты и военные округа, командующие и главные начальники¹⁰ которых в ответ на свои рапорты военному министру¹¹ о приведении войск к присяге получали от него приветственные телеграммы с выражением твердой веры в непоколебимый дух революционной армии, тесно связанной с народом¹². В целом переприсяга прошла спокойно¹³.

Вместе с тем формулировка «Обязуюсь повиноваться Временному правительству... впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного собрания» не могла не породить ощущения временности и самой клятвы и новой власти, что снижало пафос и идеологический эффект ее воздействия. Это нашло свое проявление, в частности, в усилении дезертирства, которое не только не прекратилось, но продолжало от месяца к месяцу приобретать все более массовый характер¹⁴. В свете этого выпускались бесконечные воззвания командования и обращения общественных организаций к солдатам с напоминаниями о «революционной» присяге и угрозами судебного преследования. Например, резолюция временного мусульманского комитета 2-й пехотной дивизии (Румынский фронт) гласила: «Мы, мусульмане 2-й пехотной дивизии твердо веруем за своего священного Корана (стиль оригинала. — С.С.) и не будем мы, мусульмане, изменять присяге

⁹ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II.8.1. Ед.хр. 16876. Правда, в этот момент великий князь был «очень нервно настроен», а его руки при подписании присяжного листа тряслись (Дубенский Д.Н. Указ.соч. С.75). «Главковерх» — официально употреблявшееся сокращение наименования должности «Верховный главнокомандующий».

¹⁰ Официальное наименование командующих фронтами русской армии в досоветское время — «Главнокомандующий армиями фронта», а командующих военными округами — «Главный начальник военного округа». Исключение в 1917 г. составили Петроградский военный округ, в котором был введен пост главнокомандующего, чем подчеркивалась важность столичного округа для фронта, и Московский, где после Февральской революции высшее должностное лицо получило наименование «командующий».

¹¹ До 30 августа 1917 г. пост военного и морского министра Временного правительства был не разделен. Ввиду того, что речь в монографии идет об армии, для краткости будет употребляться термин «военный министр».

¹² РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 180.

¹³ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. С.30.

¹⁴ В мае 1917 г., например, число дезертиров насчитывало несколько миллионов человек (РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 271 об.).

никогда. Мы приняли присягу служить верно и защищать благо Родины и укрепить свободу революционной России, что будем биться с врагами до победного конца. Если находятся изменники — необходимо предавать их суду...»¹⁵.

Не привела переприсяга и к укреплению внутреннего единства войск, нередко оборачиваясь прямо противоположными результатами: отмечались случаи, когда нижние чины, воодушевленные клятвой на верность «революционной» власти, производили аресты офицеров под лозунгом защиты нового правительства от «реакции»¹⁶. Поэтому неудивительно, что, когда позже, весной-летом 1917 г. начали создаваться различные ударные формирования и части георгиевских кавалеров, военнослужащие, вступавшие в них, давали еще и особые «революционные» клятвы, напоминая религиозные обеты. Тогда же появились коллективные присяги для боя подразделений, частей и соединений русской армии.

Совсем неоднозначной была и подоплека проведения переприсяги. Еще 3 марта, на следующий день после отречения Николая II, представители Государственной Думы и командования высказывались за то, чтобы оттянуть ее на возможно более длительный срок, например, до восшествия на престол нового императора, т. к. опасались взрыва недовольства в армии и втягивания ее в революционные действия¹⁷. С другой стороны, на «новую» элиту оказывали мощное давление факторы ненависти народа к бывшей правящей династии («кандидатура великого князя (Михаила Александровича. — С.С.) как императора ни для кого неприемлема, и возможна гражданская война»¹⁸) и образования и деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Как известно, приказ Совета № 1 подтолкнул развитие революционного процесса в самой армии и создал в ней значительный авторитет этой революционной инстанции. Недаром 7 марта, в день утверждения текста новой присяги, военный министр А.И. Гучков отменил упомянутый приказ, что придало клятве на верность Временному правительству роль своеобразного идеологического противовеса линии Совета. 12 марта Петроградский Совет выступил с протестом про-

¹⁵ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 371.

¹⁶ Там же. Л. 158 об.

¹⁷ Материалы и документы // Отречение Николая II. С. 279, 285.

¹⁸ Там же. С. 283.

тив утвержденной формулировки присяги, как недостаточно отражающей демократизацию общественной жизни, оговорив вместе с тем, что отнюдь не призывает к неповиновению правительству. Последнему было предложено войти в переговоры по выработке нового варианта текста присяги. Но результата это обращение не дало¹⁹, переприсяга уже шла полным ходом, и, следовательно, данный раунд политического соперничества между двумя центрами новой власти окончился ничьей: войска поклялись в верности Временному правительству, однако возведение на трон очередного Романова не состоялось, и Российско-императорская армия де-юре стала достоянием истории.

Помимо принятия новой присяги революционность армии нашла свое внешнее выражение в появлении новых элементов в уставных взаимоотношениях военнослужащих, атрибутах военной символики, наградах и процедуре награждений, начавших изменяться в русле демонархизации, демократизации и включения в свой состав гражданских революционных символов. Демонархизация войск открылась актом отречения от престола и оставлением поста Верховного главнокомандующего императором Николаем II, а затем удалением из армии в течение марта 1917 г. других живых символов монархии — его родственников и приближенных. Так, назначенный царем в день отречения 2 марта Верховным главнокомандующим его дядя и наместник на Кавказе генерал великий князь Николай Николаевич по дороге в Ставку получил телеграмму министра-председателя Временного правительства князя Г.Е. Львова, где ему предлагалось покинуть новый пост ввиду того, что народное мнение «резко и настойчиво высказывается против занятия членами Дома Романовых какой-либо государственной должности», а правительство «не считает себя вправе остаться безучастным к голосу народа»²⁰. Уже 11 марта великий князь был освобожден от обязанностей Главковерха и уволен со службы по его собственному ходатайству²¹. Затем, также на основании собственных «прошений» или по причине «болезни», последовало увольнение из армии полевого генерал-инспектора артиллерии генерала от артиллерии

¹⁹ История гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 92.

²⁰ Красный архив. 1925. Т. 3(10). С. 343.

²¹ ГПИБ. Приказы военного и морского министра армии и флоту о чинах военных сухопутного ведомства за 1917 г. (подшивка). Приказ от 11 марта 1917 г.

великого князя Сергея Михайловича, числящегося по гвардейской пехоте генерала от инфантерии великого князя Николая Михайловича, полевого генерал-инспектора военно-воздушного флота при Верховном главнокомандующем вице-адмирала великого князя Александра Михайловича, верховного начальника санитарной и эвакуационной части генерала от инфантерии принца Александра Петровича Ольденбургского, числившегося по гвардейской легкой артиллерии генерал-лейтенанта герцога Михаила Георгиевича Мекленбург-Стрелицкого и др.²² Одновременно упразднились военно-придворные звания «генерал-адъютант», генерал свиты²³, «флигель-адъютант»²⁴ и менялись соответствующие наименования воинских должностей, войсковых частей и учреждений: походный атаман при его императорском величестве стал походным атаманом при Верховном главнокомандующем;²⁵ Собственный его императорского величества конвой — конвоем Верховного главнокомандующего; Собственный его императорского величества сводный пехотный полк — гвардейским сводным пехотным полком; Сводный его императорского величества железнодорожный полк — гвардейским железнодорожным полком; Отдельная батарея для обороны царской Ставки и Авиационный дивизион для обороны императорской резиденции, соответственно, — Отдельной батареей и Авиационным дивизионом для обороны Ставки Верховного главнокомандующего; склад при Ставке Верховного главнокомандующего по снабжению подарками войск действующей армии имени его императорского высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича — складом подарков при штабе Верховного главнокомандующего²⁶ и т. д. Из обихода ис-

²² РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 29 от 23 марта 1917 г.; ГПИБ. Приказы военного и морского министра армии и флоту о чинах военных сухопутного ведомства за 1917 г. (подшивка). Приказы от 16, 22 и 31 марта 1917 г.

²³ Официальное наименование — «свиты его императорского величества генерал-майор» и т. п.

²⁴ Приказы по военному ведомству. Пг., 1917. С. 137.

²⁵ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 5 от 12 марта 1917 г.

²⁶ РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказы № 344 от 4 марта 1917 г. и № 394 от 10 марта 1917 г.

чезло название «Российско-императорская армия», замененное на «Русская армия», а из наименований соответствующих частей была убрана приставка «лейб»²⁷. Пажеский корпус был переименован в Петроградский кадетский корпус, а рота дворцовых гренадер — в Георгиевскую гренадерскую роту²⁸.

4 апреля 1917 г. военный министр Гучков подписал приказы об отмене упоминания титулов и имен шефов войсковых частей — самого императора и здравствовавших членов Дома Романовых — в названиях частей и об удалении вензелей Николая II со знамен и штандартов, погон и предметов снаряжения. Прекращалось также изображение царских вензелей на эфесах и клинках офицерского оружия. Серебряные трубы и рожки штаб-трубачей Конвоя с вензелями предписывалось сдать в Артиллерийский исторический музей (г. Петроград). Упоминание Романовых было изъято из названий военных училищ и кадетских корпусов²⁹. В августе 1917 г. Георгиевские императора Николая II вакансии и стипендии в учебных заведениях Министерства народного просвещения для детей георгиевских кавалеров мировой войны получили наименование просто георгиевских³⁰. Кроме того, в войсках была произведена общая замена монархических названий разного рода: титулование офицеров, т. е. обращение к ним подчиненных «ваше благородие», «ваше высокоблагородие» и пр. сменилось обращением по чину («господин капитан», «господин полковник» и т. п.) или должности («господин командир батальона», «господин командир полка» и т. п.), а термин «нижний чин» — наименованием «солдат»³¹. Перестала употребляться такая форма поощрения военнослужащих как изъявление высочайшего благоволения.

Был демонархизирован внешний вид военных наград. Например, на ордене св. Станислава орел лишился короны и опустил

²⁷ Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. С. 117.

²⁸ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 220–221, 317.

²⁹ Там же.

³⁰ РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 31 от 11 августа 1917 г.

³¹ Войсковые комитеты действующей армии. С. 18; РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 50–51; приказ Верховного главнокомандующего № 327 от 25 мая 1917 г. До этого момента указанные термины являлись синонимами, распространяясь на всех «чинов солдатского звания» от рядового до подпрапорщика включительно (см., например: РГБ. Приказы войскам 1-й армии за 1917 г. (подшивка). Л. 166 об.).

крылья, а на георгиевской медали профиль последнего императора сменился изображением Георгия Победоносца³². Летом 1917 г. было приостановлено награждение солдат царской медалью «За усердие»³³. В порядке демократизации существовавшее правило обращения солдат к офицерам на «Вы» было дополнено установлением аналогичного обращения последних к нижним чинам³⁴, а обязательное отдание военнослужащими друг другу чести заменено на их «взаимное добровольное приветствие»³⁵.

В апреле 1917 г. впервые боевой награды — Георгиевского креста IV степени был удостоен за заслуги перед революцией старший унтер-офицер учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка Т.И. Кирпичников. Как говорилось в представлении к награждению, он, «став во главе учебной команды... первый начал борьбу за свободу народа и создание нового строя и, несмотря на ружейный и пулеметный огонь... примером личной храбрости увлекал за собой солдат... и захватил пулеметы...»³⁶. Причем награду солдату вручил лично главнокомандующий Петроградским во-

³² Каталог отечественных орденов и нагрудных знаков. Л., 1962. С. 17.

³³ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 142.

³⁴ Войсковые комитеты действующей армии. С. 18; РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 50-51.

³⁵ Войсковые комитеты действующей армии. С. 18; Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 298. Отмена отдания чести вызвала недоумение в среде офицеров. В рапорте командира одного из полков действующей армии по этому поводу говорилось: «Считаю, что отдание чести как на службе, так и вне ее должно остаться в силе, так как оно не может быть ни для кого особо стеснительным, а является только взаимным приветствием. Как офицеры, так и солдаты должны приветствовать друг друга младший старшего. Это не может быть ни для кого унижением, а является простым актом вежливости и проявлением воинской дисциплины. Во всех армиях мира отдание чести установлено. Отдание чести «становясь во фронт», по-моему, должно быть отменено, так как многие офицеры и солдаты фактически не могут знать тех начальников, которым должны становиться во фронт, и, кроме того, это стесняет уличное движение.

... Кроме вышеизложенного считаю долгом донести, что в настоящее время, когда мы, люди, находящиеся на фронте, готовимся к решительному бою с врагом, мне казалось бы, [что] можно было бы дальнейшие изменения в воинских уставах и законоположениях временно прекратить, так как они не являются существенными и настоятельно необходимыми» (РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 133-134). В течение всего 1917 г. командный состав предпринимал безуспешные попытки восстановить обязательное отдание чести.

³⁶ Искры. 1917. № 16. С. 127.

енным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов³⁷. 24 июля вышло постановление Временного правительства о награждении офицеров и генералов солдатским георгиевским крестом, а солдат — офицерским «Георгием» IV ст. «за подвиги личного характера»³⁸ (первые подлежали награждению георгиевскими крестами всех степеней, начиная с низшей, IV³⁹).

Существенно демократизировалась процедура представления к георгиевским наградам. Если до революции правом выдвижения на награждение ими обладали только войсковые начальники⁴⁰, то теперь оно распространилось на общее собрание подразделения, в котором служил представляемый. Решение считалось принятым, если за него проголосовало две трети присутствовавших на собрании, которое, в свою очередь, являлось правомочным при явке двух третей всего личного состава⁴¹. Затем командир подразделения передавал постановление собрания в полковую Георгиевскую думу (выборный орган), которая могла как подтвердить первичное решение и дать ему ход, так и отклонить⁴². Например, в одном из постановлений Георгиевской думы 6-го пехотного Либавского полка (Румынский фронт) говорилось: «Рассмотрев подвиг поручика Чтецова, дума большинством голосов постановила отклонить ходатайство. Рассмотрев подвиг поручика Черепанова, дума большинством голосов постановила ходатайствовать о награждении Георгиевским солдатским крестом 4-й ст...»⁴³. После этого дума составляла общий список представленных к награждению в части, прилагала свои заключения по представлениям и направляла материалы командиру части, а тот — начальнику дивизии для окончательного реше-

³⁷ Воейков В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1995. С. 231.

³⁸ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 326–327.

³⁹ Каталог отечественных орденов и нагрудных знаков. С. 45.

⁴⁰ Приказы по военному ведомству. Спб., 1913. С. 1868–1869, 1882–1883.

⁴¹ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 76. Л. 333, 356.

⁴² РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 76. Л. 294 об.; Д. 68. Л. 405. До революции Георгиевские Думы состояли только из офицеров-георгиевских кавалеров, которые утверждали или отклоняли представления командиров на награждение орденом св. Георгия или Георгиевским оружием офицеров. Вопрос о награждении Георгиевскими крестами (солдатскими) и медалями нижних чинов решался исключительно властью войсковых начальников (Приказы по военному ведомству. 1913. С. 1872, 1878).

⁴³ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 76. Л. 337.

ния⁴⁴. Высшим должностным лицом, которое полковая дума могла выдвинуть на награждение георгиевской наградой, был командир полка. В соответствии с правительственным постановлением полковые Георгиевские думы избирались на один месяц. В их состав входило по два представителя от каждой роты и строевой команды или батареи, эскадрона и сотни в артиллерии и кавалерии⁴⁵. Выборы назначались приказом командира части. Затем члены нового состава думы избирали из своей среды председателя и членов президиума⁴⁶.

Солдатский крест для офицеров и офицерский «Св. Георгий» для солдат имели на колодке лавровую ветвь по цвету креста⁴⁷. Но если офицеры именовали новую демократическую награду «Георгием с метлой», то нижние чины восприняли наделение их правом награждать «своим» крестом войсковых начальников в высшей степени положительно. Например, в упоминавшемся выше 6-м пехотном Либавском полку к такой награде был представлен прежний командир части, за несколько месяцев до этого убывший из нее на повышение⁴⁸. В 1917 г. вопросы награждения военнослужащих затрагивались и возникшими после Февраля органами армейского самоуправления — войсковыми комитетами. В архиве этого же полка имеется запрос строевой секции полкового комитета одному из батальонных командиров с требованием объяснить причину ненаграждения его подчиненного и выражением пожелания, если солдат «заслуживает награды, возбудить соответствующее ходатайство перед командиром полка»⁴⁹.

С начала революции возникли слухи об упразднении всех наград, кроме солдатских георгиевских крестов. В частности, заметку на эту тему поместила 23 марта 1917 г. газета «Киевская мысль», внеся сумятицу в умы офицеров. В связи с ней командир 6-го пехотного Либавского полка писал в рапорте по команде: «... заметка вызвала полное недоумение среди офицеров вверенного мне полка. За что хотят их обидеть? Многие, пробыв с самого начала войны

⁴⁴ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 488 об.

⁴⁵ Там же. Д. 19. Л. 543.

⁴⁶ Там же. Д. 68. Л. 358, 431, 490.

⁴⁷ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 638.

⁴⁸ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 397.

⁴⁹ Там же. Д. 76. Л. 294.

в действующей армии, получили все боевые ордена. Они гордятся этими знаками отличия, заработанными их боевыми заслугами, а часто кровью и здоровьем. Солдаты с почтением относятся к боевым орденам, и к[оманди]р, заслуживший их, пользуется большей популярностью, считается стоящим ближе к ним как боевой... для нас боевые ордена являются символами доблести и славы. Снять их — это обидеть всех боевых офицеров... Более тесного братства между офицерами и солдатами это не создаст, а скорее, обезличит офицера и приравняет того, который сидел 2 1/2 лет (так в оригинале. — С.С.) в тылу, к боевому офицеру окопов»⁵⁰. Вероятно, подобный отклик был далеко не единственным, т. к. в начале апреля 1917 г. военный министр Гучков выступил с официальным опровержением циркулирующих слухов, заявив, что Временное правительство подобных актов не издавало и все награждения боевыми орденами сохраняются⁵¹.

Новой властью были разработаны проекты награждения металлической веточкой или пряжкой на колодку георгиевских наград с указанием даты боя или сражения по образцу союзных армий и учреждения медали Временного правительства с изображением государственной печати, а также медали для участников июньского наступления и ордена Победы⁵², которые не были реализованы.

Все же новые награды появились: солдатам и офицерам ударных батальонов из волонтеров тыла, о которых речь впереди, при награждении их георгиевскими наградами одновременно должен был вручаться особый нагрудный знак в виде металлического черепа со скрещенными под ним двумя костями (эмблема бессмертия) на красно-черной ленте, а для ударных формирований помимо обычного прикрепления к древку знамени георгиевских лент было установлено «покрытие красного поля оборотной стороны знамени» эмблемой бессмертия черного цвета⁵³.

Революция внесла в вопросы награждения военнослужащих политические мотивы. Упомянувшееся нами выше награжде-

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 123.

⁵¹ Там же. Л. 150.

⁵² Приказы по военному ведомству, 1917. С. 638; Русская армия. 1917-1920. Обмундирование. Знаки различия. Награды и нагрудные знаки (далее — Русская армия). СПб., 1991, С. 28-29; Сенин А.С. Корниловская альтернатива // Историки отвечают на вопросы. М., 1990. С. 216.

⁵³ Исторический архив. 1961. № 4. С. 92.

ние Т.И. Кирпичникова орденом за помощь восставшим петроградцам являла собой пример революционного награждения. В июле же 1917 г. после подавления антиправительственных выступлений в столице части петроградского гарнизона были разделены на несколько категорий в зависимости от степени причастности к событиям, а их личный состав — на разряды. В первую категорию попали части, которые проявили активность в выступлении. Они подлежали расформированию, а солдаты, служившие в них, — суду или отправке на фронт с лишением определенных прав, в частности, награждения георгиевскими медалями и крестами до восстановления в правах⁵⁴. В октябре 1917 г. вышло правительственное постановление об учреждении в армии штрафных частей и подразделений, содержавшее эту же норму в более широком толковании: нижние чины лишались в том числе права на представление к любым наградам до тех пор, пока с части или подразделения не будет снято наименование штрафного⁵⁵.

В русле демократизации солдаты в 1917 г. добивались унификации своего положения с положением офицеров, что, в частности, облекалось в требование упразднить сам термин «офицер» и ввести единое для всех чинов армии наименование «солдат» («солдат-рядовой», «солдат-унтер-офицер», «солдат-прапорщик», «солдат-генерал»⁵⁶), а также выливалось в попытки стихийно упразднить погоны по аналогии с военным флотом России, где этот акт был проведен властями официально⁵⁷. Однако 7 апреля военный министр издал приказ, разъяснявший, что в сухопутных войсках отмена погон не предусмотрена, и предупреждавший об ответственности за самоуправство⁵⁸. Пункт об отсутствии погон на форме волонтеров-ударников, внесенный в «Положение» об ударниках, которое было разработано на Юго-Западном фронте в мае 1917 г., исчез в июне из

⁵⁴ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 401.

⁵⁵ Там же, Л. 506.

⁵⁶ Спирин Л.М. Россия. 1917 год. Из истории борьбы политических партий. М., 1987. С. 225–226. Это солдатское требование было удовлетворено после Октябрьской революции (Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 102).

⁵⁷ Об изменениях в форме военных моряков после Февральской революции см., например: Русская армия. С. 28–29.

⁵⁸ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 210.

общееармейского «Положения» о создании ударных батальонов⁵⁹. Официально погоны просуществовали в русской армии до середины декабря 1917 г., когда были упразднены советским «Положением о демократизации армии»⁶⁰.

Окружавшая войска революционная гражданская среда неизбежно способствовала проникновению в них элементов новой жизни и некоторому «обмирщению» армии. Революционной новацией был, например, сам факт пребывания на посту военного министра гражданских лиц — сначала А.И. Гучкова, а затем А.Ф. Керенского. Постепенно в армейский обиход начали входить обращения «граждане» и «товарищи». Так, прибыв в Москву, военмин Керенский обратился к выстроенным для его встречи частям со словами: «Здравствуйте, товарищи солдаты!»⁶¹ Вместо старых уставных формулировок ответов военнослужащих «так точно», «никак нет», «не могу знать», «здравия желаем» и т.п. вводились общеупотребительные «да», «нет», «не знаю», «здравствуйте» и пр.⁶² Униформа военных, прежде всего нижних чинов, украсилась, как и у «гражданских», красными нагрудными розетками и бантами. И если в первое время войсковые начальники пытались с этим «злом» бороться, запрещая «ношение каких-либо не установленных законом и не объявленных в приказе по части знаков и украшений»⁶³, то в конце концов они были вынуждены смириться и фактически узаконить новшество, как это произошло на Юго-Западном и Румынском фронтах («командир приказал не обращать внимания»⁶⁴). А 1 мая 1917 г. на праздничной демонстрации в Ставке Верховного главнокомандующего прошли колонны офицеров и генералов с красными бантами на груди⁶⁵. Было также разрешено ношение военнослужащими «гра-

⁵⁹ Кибовский А. Указ. соч. С. 31; Исторический архив. 1961. № 4. С. 89–93.

⁶⁰ Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 102; Декреты Советской власти. Т. 1. С. 243.

⁶¹ Искры. 1917. № 21. С. 161.

⁶² Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 298.

⁶³ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 131.

⁶⁴ Там же. Д. 19. Л. 233. В первые дни Февральской революции отдельные войсковые начальники приказывали подчиненным офицерам и юнкерам при выходе на улицу прикреплять на грудь красные банты «в целях безопасности» (Мордвинов А.А. Последние дни императора // Отречение Николая II. С. 109).

⁶⁵ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 502.

жданского платья вне службы», причем не только в тылу, но и в некоторых крупных городах, находившихся на театре военных действий⁶⁶.

Устойчиво вошел в армейскую символику красный цвет свободы и революции. В марте многие газеты обошло сообщение о конном полке, явившемся в первые дни революции во главе с офицерами под красным флагом к зданию Московской городской думы⁶⁷. Генерал П.Н. Врангель, вспоминая свое посещение в качестве начальника Уссурийской конной дивизии Амурского казачьего полка в день полкового праздника 17 марта 1917 г., писал в мемуарах: «Я с удивлением увидел вместо сотенных значков в большинстве сотен красные флаги... Командир подскакал с рапортом, оркестр заиграл “Марсельезу”. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад, и услышал неожиданный для меня ответ: “Кзаки этого потребовали”»⁶⁸. Генерал от кавалерии А.А. Брусилов при вступлении в должность Верховного главнокомандующего призвал «всех русских воинов всяких чинов и положений сплотиться вокруг красного стяга с девизом “Свобода, равенство и братство” и ринуться на врага, сломать его и разрушить навсегда германский милитаризм»⁶⁹. Вместе с тем большая часть офицерского корпуса и особенно его высшее звено не восприняли революционной символики, и тот же Брусилов в частной беседе с генералом Деникиным говорил: «Вы думаете, мне не противно постоянно махать красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна, ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю»⁷⁰.

Красные стяги вносились в армию извне и официально. Так, 20 мая главнокомандующий Петроградским военным округом генерал-майор П.А. Половцов, председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов Н.С. Чхеидзе и министр земледелия Временного правительства В.М. Чернов торжественно отправили от имени Союза социалистов Народной Армии крас-

⁶⁶ Русская армия. С. 28.

⁶⁷ См., например: Огонек. 1917. № 10. С. 146.

⁶⁸ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 25.

⁶⁹ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 327 от 25 мая 1917 г.

⁷⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 404.

ное знамя 443-му пехотному Соснинскому полку, находившемуся на Юго-Западном фронте⁷¹. А в ходе июньского наступления русской армии красные флаги приобрели значение боевых знамен и в этом качестве были новым режимом узаконены. Сразу после его начала 18 июня военный министр Керенский отправил министру-председателю Временного правительства следующую телеграмму, доведенную до сведения войск: «Сегодня великое торжество революции... русская революционная армия с огромным воодушевлением перешла в наступление и доказала России и всему миру свою беззаветную преданность революции, любовь к свободе, Родине. Пренебрегая небольшими группами малодушных немногих полков и оставляя их с презрением в тылу, свободные русские воины утверждают своим наступлением новую, основанную на чувстве гражданского долга дисциплину. Что бы ни было дальше, сегодняшний день положил предел злостным и клеветническим нападкам на организацию русской армии, построенную на демократических началах. Настойчиво прошу срочно разрешить мне вручить от имени свободного народа полкам, участвовавшим в бою 18 июня, красные знамена революции, уже и ныне по почину самих атаковавших полков развешиваемые во время боя...» На обращение был получен положительный ответ⁷².

После этого упоминание символа революции стало регулярно появляться в воззваниях представителей власти к войскам. Так, 8 июля Временное правительство приняло обращение к действующей армии, в котором, в частности, говорилось: «Воины революционной армии! Ваши братья, вступившие с красными знаменами в бой, зовут вас вместе с ними к дружному натиску на защиту свободы, во имя справедливых условий прочного мира...»⁷³ 9 июля министр труда и заместитель председателя Петроградского Совета М.И. Скобелев опубликовал воззвание к одной из армий Северного фронта, где также призывал: «Товарищи! С красными знаменами и с оружием в руках несите освобождение народам, спасайте и укрепляйте собственную свободу! Судьба революции в ваших

⁷¹ Искры. 1917. № 21. С. 162; Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. М., 1993. С. 139.

⁷² РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 296.

⁷³ Там же. Л. 338.

руках! За землю и волю — вперед!»⁷⁴ и т. д. Красными, пересеченными черным Андреевским крестом, были и знамена формирований нового типа — ударных революционных батальонов из волонтеров тыла. Красный цвет означал защиту свободы, а черный — нежелание жить, если погибнет Россия⁷⁵. Присвоение новым режимом народной революционной символики свидетельствовало о ее широкой популярности.

Начали складываться ритуалы, связанные с красным флагом. Например, 27 августа 1917 г. в войсках прошел праздник Знамени Свободы. Протокол заседания войскового комитета 84-го пехотного Ширванского полка, посвященного его проведению, гласил: «По случаю совпадения праздника Знамени Свободы... с полугодием со дня Русской революции постановлено ознаменовать этот день и праздновать его по широкой программе.

Программа дня праздника.

... 1. ...полку построиться на плацу для встречи знамени. Всем быть в парадной форме. К этому времени всем членам полкового комитета собраться в помещении комитета... При хоре полковой музыки происходит торжественный вынос Красного знамени из здания комитета. Оркестр играет гимн Свободы “Марсельезу”. Шествие.

2. Встреча знамени полком — “Марсельеза”. Ура!

3. Приветственная речь...

4. Под звуки гимна Свободы полк проходит поротно перед знаменем...

6. Относ знамени. Оркестр играет “Марсельезу”. Ура! Под звуки революционных песен полк расходится по квартирам.

Перерыв. Торжественное заседание полкового комитета при участии членов и представителей от полков и дивизий.

... Литературное отделение.

... Музыкальное отделение.

... Декламация и чтение.

... Заключение. Революционные песни. Музыка и хор. Марш»⁷⁶.

Революция привела к созданию новых видов войсковых частей. Так, весной 1917 г. в Москве был сформирован отдельный

⁷⁴ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 347.

⁷⁵ Исторический архив. 1961. № 4. С. 92.

⁷⁶ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II. Ед. хр. Б-1114. Л. 1.

полк арестантов, которых правительство рассматривало как жертв условий старого режима, считая, что свобода должна превратить их в самоотверженных бойцов⁷⁷. В апреле Военным ведомством разрабатывался, но не был реализован проект создания частей Народной свободы⁷⁸. А весной-летом 1917 г. в составе русской армии появились ударные батальоны из волонтеров тыла, женские боевые формирования и георгиевские пехотные части, сами по себе являвшиеся символами армии в новое время. Ударным батальонам помимо красно-черных цветов была также присвоена уже упоминавшаяся эмблема бессмертия (череп (Адамова голова) со скрещенными под ним двумя костями, позже — мечами⁷⁹), которая наносилась на погоны, использовалась в качестве кокарды на фуражках и входила основным изобразительным элементом в награды ударников-волонтеров тыла⁸⁰, о чем говорилось выше. Появились новые названия у отдельных частей и целых категорий формирований и военнослужащих: «батальоны смерти»; подразделения, части и соединения смерти (обычные формирования, принявшие коллективные клятвы смерти); ударные батальоны из волонтеров тыла, в которых служили «революционеры-волонтеры»⁸¹; георгиевские полки⁸². Среди добровольческих формирований встречались «батальон 1 марта»⁸³, «железный женский батальон»⁸⁴ и т. д.

Наряду с учреждением «знамен 18 июня» было установлено почетное наименование «полк 18 июня»⁸⁵ и развернута широкая кампания по пропаганде доблести личного состава таких полков. Так, союз «Артист — солдаты» устроил в июле 1917 г. митинг-концерт в пользу семей военнослужащих, погибших в полках

⁷⁷ Деникин А. И. Указ. соч. Т. 1. С. 273.

⁷⁸ Сенин А. С. Военное министерство Временного правительства. С. 187.

⁷⁹ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 152 об.; Русская армия. С. 32; РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 323 об.

⁸⁰ Исторический архив. 1961. № 4. С. 92; Русская армия. С. 33.

⁸¹ Приложения // Абинякин Р. М. Офицерский корпус Добровольческой армии. С. 182.

⁸² РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 800 от 12 августа 1917 г.

⁸³ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 198. Л. 306 об.

⁸⁴ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. «Ф. Я. Семенов». Ед. хр. Б-2268/1. Л. 1 об.

⁸⁵ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 296.

18 июня⁸⁶. Объединенный Совет солдатских и офицерских депутатов района штаба Румынского фронта собрал среди своих членов свыше 300 рублей «в пользу сирот и вдов товарищей-героев, погибших 18 июня на поле брани», и призвал «товарищей воинов своего фронта и других, и всех русских граждан, сочувствующих делу этой помощи, увеличить нарождающуюся народную лепту 18 июня своими взносами»⁸⁷.

Призыв нашел широкий общественный отклик. Пожертвования в пользу «полков 18 июня», «воинов 18 июня», «семей воинов, погибших 18 июня», «сирот полков 18 июня», «раненых воинов полков 18 июня», «сирот воинов, погибших в боях 18 июня», «семейств полков 18 июня» и даже на «памятник погибшим героям 18 июня» поступали армейскому командованию от гражданского населения и военнослужащих вплоть до декабря 1917 г.⁸⁸ На имя Верховного главнокомандующего также приходили и многочисленные приветственные телеграммы полкам 18 июня от отдельных лиц и групп населения и военных, как например Временного комитета выборных от населения и войсковых частей Царского Села⁸⁹, войскового круга Астраханского казачьего войска⁹⁰, председателя Государственной Думы М.В. Родзянко⁹¹, упомянутого выше Объединенного Совета солдатских и офицерских депутатов района штаба Румынского фронта и пр., и пр., и пр.

Помимо разработки положительных символов наблюдались попытки введения символики позора. Так, соединенный съезд полковых комитетов одного из корпусов Румынского фронта в июне 1917 г. вынес решение «части, отказывающиеся от выполнения боевых приказаний, расформировывать, их составу давать черную повязку на рукав и распределять по остальным частям»⁹². Тогда же Главный Комитет Союза офицеров армии и флота направил в войска телеграмму, извещавшую, что он «ставит себе... зада-

⁸⁶ Огонек. 1917. № 26. С. 409.

⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1690. Л. 62.

⁸⁸ Там же. Оп. 2. Д. 3. Л. 246, 254 об., 262, 266 об., 273 об., 285, 297, 303 об., 306 об., 320 об., 324, 325, 353, 363 об., 382 об., 403.

⁸⁹ Там же. Оп. 1. Д. 1690. Л. 31.

⁹⁰ Там же. Л. 31 об.

⁹¹ РГВИА. ф. 2003. Оп. 1. Д. 1690. Л. 32 об.

⁹² РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 22. Л. 198.

чей борьбу с отрицательным элементом офицерства, руководящим эксцессами, беспорядками и противозаконными выступлениями в войсках, позорящим честное имя офицера, гражданина и своими демагогическими, а подчас и преступными выступлениями увеличивающим развал и дезорганизацию в армии... и... постановил имена подобных офицеров-преступников перед Родиной и армией впредь до искупления последними своей вины вывешивать на черную доску Комитета и объявлять во всеобщее сведение»⁹³. В октябре Временное правительство приняло постановление о переводе частей, личный состав которых в массовом порядке нарушил воинскую дисциплину или совершил воинские преступления, в категорию штрафных с присвоением им этого наименования и с лишением солдат ряда прав, о чем уже говорилось.

Таким образом, вступив в Февральскую революцию вместе со всем русским обществом, армия превратилась в глазах граждан в революционную защитницу свободы, что юридически утвердила переприсяга войск на верность новому режиму. Смена имиджа потребовала внести изменения в элементы внешнего декорирования войск: форму одежды, знамена, награды, а также принципы и процедуру награждений и т. д. За короткий период была проведена их массивная демонархизация, демократизация и революционизация, значительный вклад в которые внесли сами военнослужащие, прежде всего солдаты, ощутившие себя после свержения самодержавия частью революционного социума России (что, заметим, являлось проявлением начавшейся декорпоризации старой армии). Последним, в частности, объясняется заимствование войсковой средой гражданских революционных символов. Вместе с тем высокая скорость указанных преобразований, обусловленная скоростью развития политического процесса в стране, привела к тому, что чуткая сфера военной символики (в широком понимании этого термина) подверглась натиску эклектики: упразднение одних и попытки обновления и революционизации других старых символов шли параллельно с созданием, порой лихорадочным, новых или включением заимствованных, смешением всего и вся. Складывается впечатление, что реформирование символики строилось в основном на импровизациях. Но как бы то ни было, внешний облик бывшей императорской армии изменился, и те-

⁹³ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 347.

перь в сознании людей ее олицетворял не царь, одетый в военную форму, а солдат с красным бантом на груди.

Изменения в символике отражали процесс глубинных преобразований, начавших происходить в недрах старой армии и затронувших ее фундаментальные основы. Обновление войск шло по двум основным направлениям: улучшения старого и создания нового. Первое включало в себя повышение профессионального «качества» командного состава; восстановление нормальных уставных взаимоотношений между офицерами и солдатами, «нарушенных» революцией; демократизацию офицерского корпуса; демократизацию системы военного образования и выявление властями и командованием дополнительных источников восполнения убыли личного состава действующей армии. Второе реализовалось в организации формирований нового типа — ударных войск.

КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В ВОЙСКАХ ПОСЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

После Февральской революции в русской армии прошел вал разнообразных мероприятий по ее преобразованию, первым из которых стало удаление из войск лиц, принадлежавших к бывшей правящей династии и Двору. Несмотря на свой символический характер «акция» явилась провозвестницей грандиозной чистки командного состава, равной которой Вооруженные Силы России не знали с момента своего создания и которая продолжалась с разной степенью интенсивности в течение всего 1917 года. Началом было положено увольнением большого числа «командующих» генералов, которое в среде военных получило образное название «избиение младенцев»¹. 19 марта военный министр Временного правительства А.И. Гучков направил новому Верховному главнокомандующему генералу М.В. Алексееву телеграмму с призывом «теперь же и безжалостно освободить армию от неспособного и устаревшего командного состава, дабы дать широкий простор движению, таланту и энергии», а 22 марта разослал аналогичные по содержанию письма всем командующим фронтами и армиями и командирам корпусов². Военмин требовал представить к 28 марта список высших войсковых начальников, которые подлежали увольнению «с указанием, с переводом ли на тыловые должности или в отставку»³.

Данный список, включавший краткие характеристики генералов, был составлен дежурным генералом Ставки Верховного главнокомандующего генерал-майором П.К. Кондзеровским и, дополненный рядом рубрик, стал основанием для чистки высшего офицерского звена. Оценок было три: «достоин выдвижения», «может остаться», «подлежит увольнению». По указанию Гучкова начальник Главного штаба телеграфировал в штабы фронтов, что «увольнение чинов, вынужденных оставить службу, должно

¹ Деникин А.И. Указ.соч. Т.1. С. 259.

² См.: Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. С. 120.

³ Красный архив. 1925. Т.2(9). С. 127.

совершаться с быстротой, причем в случае ходатайства об увольнении по болезни установленных медицинских свидетельств не требовать»⁴.

Безусловно, прежняя система назначений в армии была далека от идеала. По свидетельству генерала А.И. Деникина она в значительной степени страдала мягкотелостью, протекционизмом («жаль человека», «надо его устроить») и формальным, анкетным подходом. К примеру, из назначенных в действующую армию в начале Первой мировой войны впоследствии пришлось уволить четырех командующих фронтами (из них один, правда, временный, оказался с параличом мозга), нескольких командующих армиями, многих командиров корпусов и начальников дивизий. Так, командующий 8-й армией генерал А.А. Брусилов уже в июле 1914 г. был вынужден отрешить от должности трех начальников дивизий и одного командира корпуса⁵. Недаром председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в докладной записке, представленной в конце 1916 г. императору, являвшемуся тогда Верховным главнокомандующим, откровенно констатировал: «...Высшее командование не умеет или не может организовать крупную операцию на вновь открывающемся фронте... Высшее командование... не умеет готовить наступление... В деле назначения и смены командного состава нет системы, и назначения на высшие посты носят часто случайный характер, благодаря чему посты занимают лицами, не соответствующими занимаемому посту... Армия перестала верить своим вождям, армия не допускает, чтобы вожди могли бы распоряжаться целесообразно и правильно, армия находится в таком состоянии, что всякий злой слух, всякая клевета комментируется и принимается как лишнее доказательство полной неспособности командного состава побороть встречающиеся на их пути затруднения и вести армию к победе... Если сейчас как можно скорее будут приняты меры... к улучшению высшего командного состава... и к подъему духа армии справедливым возмездием тех, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же та же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления Германии, то успеха летом 1917 года... ожидать не

⁴ Цит. по: Кизрин И.Г. Указ. соч. С. 35.

⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 91.

приходится»⁶. Ей вторил доклад Николаю II Военно-морской, т. е. занимающейся проблемами армии и флота, комиссии Думы: «...не доблесть, не талант, не знание, не военное искусство, явленное на деле, служат руководящим началом при движении по служебной лестнице, а иные соображения. При этих условиях действительно способные люди, настоящие военачальники, могущие вести войска к победе, только в редких случаях подымались на высшие ступени командования... Видя нерадение, непредусмотрительность, отсутствие порядка, войска стали утрачивать доверие к своим начальникам»⁷. Т. о., сложившаяся ситуация диктовала необходимость «изъять безусловно вредный элемент, в корне изменить систему назначений, открыв дорогу достойным, и предоставить затем вопрос естественному его течению». Поэтому новый военный министр «Гучков был прав в том отношении, что армия... страдала и протекционизмом, и угодничеством, что командный состав комплектовался не из лучших элементов и... далеко не всегда был на высоте своего положения, что “чистка” являлась необходимой и по мотивам принципиальным и по практическим соображениям: многое сокровенное после “свобод” стало явным, дискредитируя и лиц и символ власти». «Многие из уволенных вряд ли представляли особую ценность для армии. Среди них были имена одиозные и анекдотические, державшиеся только благодаря инертности и попустительству (старой. — С.С.) власти». Вместе с тем в список военного министра «попали и средние начальники, не выделявшиеся ни в ту, ни в другую сторону, каких большинство во всех армиях, попали и некоторые достойные генералы»⁸.

Вторым официальным мотивом правительственной чистки офицерского корпуса стало стремление прекратить чехарду назначений, связанную с тем, что «среди... командного состава было много честных людей, но многие из них были не способны проникнуться новыми формами отношений»⁹, а «с началом революции

⁶ Цит. по: Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Жуковский — М., 2001. С. 329-330 (ссылки даются на это издание).

⁷ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 335, 337.

⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 260, 262.

⁹ Там же. С. 260. Генерал Брусилов считал, что «15-20 % (офицеров. — С.С.) быстро приспособились к новым порядкам по убеждению; вера в них солдат была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75 %

начальники, выразившие пессимистические взгляды на революцию, брались под подозрение “в контрреволюции”¹⁰ и либо сами покидали свои части, либо изгонялись «в революционном порядке — прямым или косвенным воздействием (войсковых. — С.С.) комитетов или солдатской массы»¹¹. Причем данному процессу способствовала и сама новая власть. К примеру, член Временного Комитета Государственной Думы М.А. Караулов, выступая 1 марта 1917 г. перед солдатами нестроевой роты конвоя его величества, явившимися для приветствия в Думу, призвал их арестовать своих офицеров — противников революции¹². В тот же день революционный начальник петроградского гарнизона, депутат Государственной Думы Генерального штаба полковник Б.А. Энгельгардт опубликовал воззвание: «...среди солдат петроградского гарнизона распространились слухи, будто бы офицеры в полках отбирают оружие у солдат... Как председатель временной комиссии Временного комитета Государственной Думы я заявляю, что будут приняты самые решительные меры к недопущению подобных действий со стороны офицеров вплоть до расстрела виновных»¹³. Военные министры Гучков, а затем в еще большей мере Керенский, тоже искавшие популярности в солдатских массах, немедленно увольняли неугодных нижним чинам начальников¹⁴. Последний во время своей поездки по Северному фронту вообще заявил: «Я могу в 24 часа разогнать весь высший командный состав, и армия мне ничего не скажет»¹⁵. Летом 1917 г. правительственные военные комисса-

не умело приспособиться сразу... и не знает, что делать» (цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 364).

¹⁰ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 356.

¹¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 260.

¹² Розенталь И.С. Гарнизоны пригородов Петрограда в Февральской революции // Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. статей. С. 160.

¹³ Цит. по: Воейков В.Н. Указ. соч. С. 196–197. Вместе с тем в марте было издано постановление Временного правительства, согласно которому все действия, направленные на защиту старого строя и имевшие место до 4 марта, подлежали полной амнистии (Никитин Б. Роковые годы. Новые воспоминания участника. Мемуары начальника военной контрразведки Петроградского военного округа. М., 2000. С. 159).

¹⁴ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 356.

¹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 437; Якупов Н.М. Указ. соч. С. 92. В 1917 г. в войсках выдвигалось даже требование упразднить «излишний и ненужный штат генералов» (Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в апреле 1917 г. С. 531).

ры были наделены правом ареста любого генерала и офицера «для поддержания идей революции и закрепления ее основ»¹⁶. Таким образом, как писал впоследствии участник Первой мировой войны генерал-лейтенант Н.Н. Головин, создавался «отбор начальников, заигрывающих с революцией или, по крайней мере, не смеющих высказывать всей правды... Много хороших офицеров, составлявших гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или не умели приспособиться»¹⁷.

Очевидно, что после Февральской революции в основу мотивов смещения и замены командиров был положен политический фактор. Степень революционности того или иного войскового начальника часто стала играть решающую роль при его назначении, неназначении или увольнении с занимаемой должности. Причем само «аполитичное» армейское командование тоже приложило к этому руку. Например, Верховный главнокомандующий генерал от кавалерии А.А. Брусилов уволил командующего 8-й армией генерала от кавалерии А.М. Каледина за то, что тот «потерял сердце» и не пошел навстречу демократизации армии¹⁸.

Всплеск арестов и отчислений от должности «за контрреволюцию» произошел после поражения корниловского мятежа. Тогда были, в частности, арестованы главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал-лейтенант А.И. Деникин и ряд высших офицеров фронта, Главковерх генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенант А.С. Лукомский и др., а приказ армии и флоту от 9 сентября 1917 г. № 553 требовал сместить с постов не только участников путча, но и тех офицеров, «которые... не способны повести войска к отражению врага в дружной работе по укреплению республиканского строя в России»¹⁹. Военный министр Временного правительства в тот период генерал-майор А.И. Верховский констатировал, что корниловцы заменялись офицерами, которые проявили «политическую честность, твердость поведения в корниловском деле» и имели «контакт с армейскими организациями (войсковыми комитетами. — С.С.)». Позже он добавит, что «при новом режиме по-

¹⁶ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 144.

¹⁷ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 356, 362.

¹⁸ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 263.

¹⁹ Там же. С. 478.

явились генералы, и даже в очень высоких чинах, которые определенно поняли, откуда ветер дует и как нужно вести свою линию»²⁰.

Впрочем, 1917 год изобилдовал и обратными примерами. Так, генерал от инфантерии М.В. Алексеев в бытность свою Главкомверхом уволил главнокомандующего Северным фронтом генерала от инфантерии Н.В. Рузского и командующего 12-й армией генерал-лейтенанта Р.Д. Радко-Дмитриева «за слабость военной власти и оппортунизм» (оба военачальника стремились наладить деловые контакты с войсковыми комитетами); генерал-лейтенант А.И. Деникин, занимая пост главнокомандующего Западным фронтом, — командующего 3-й армией генерал-лейтенанта М.Ф. Квецинского «за подчинение его воли и власти дезорганизующей деятельности комитетов», а генерал Л.Г. Корнилов летом 1917 г. предлагал провести генеральную чистку командного состава, подразумевая под этим удаление выдвинутых революцией²¹. Став в июле Верховным главнокомандующим, он некоторое время сохранял за собой право назначения офицеров на должности «без постороннего вмешательства», в том числе и в случае неодобрения предлагавшихся кандидатур военными комиссарами, как тогда полагалось. Вслед за Корниловым к данной практике стали прибегать и другие войсковые начальники²².

Понятно, что офицерский корпус, особенно его высшее звено, в силу самой своей профессии, а часто и возраста, не мог не быть консервативным в вопросах реорганизации армии и, естественно, считал проводившуюся демократизацию, тем более в условиях войны, недопустимой. Поэтому «революционность» представителей командного состава в основном была, конечно, мнимой: одни демонстрировали ее, полагая, как генерал от кавалерии А.А. Брусилов, что армия больна и ее надо таким образом лечить, другие — из карьерных соображений, третьи — по обоим этим мотивам и, видимо, лишь немногие искренне поддерживали реформы. Это, в свою очередь, снова порождало протекционизм и волюнтаризм

²⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.2. С. 118.

²¹ Там же. Т.1. С. 263, 442.

²² Протокол допроса Чрезвычайной комиссией 2-5 сентября 1917 г. генерала от инфантерии Л.Г.Корнилова (далее — Протокол допроса Корнилова) // Кентавр. 1995. № 5. С. 109-110; Красный архив. 1925. Т. 3(10). С. 159.

Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 294.

в деле назначений, возможно, не уступавшие прежним, причем к старым мотивам добавился новый — откровенно политический. Как и раньше случались казусы, когда неприемлемый по каким-либо причинам командир отрешался от одной должности, но получал другую — равноценную или даже более высокую! Так, генерал-лейтенант Г.М. Ванновский, смещенный своим непосредственным начальником с поста командира корпуса за признание авторитета армейского комитета, вскоре был назначен Ставкой командующим 1-й армией²³.

Корниловское выступление лишь укрепило «ценз революционности» при принятии кадровых решений в войсках. В «Основных положениях о военных комиссарах и войсковых организациях», утвержденных Б.В. Савинковым 30 августа 1917 г., устанавливалось, что войсковым комитетам и военкомам (последним — в отношении высших военачальников) предоставлено право периодического составления письменных характеристик начальствующих лиц «наряду и в дополнение к аттестациям со стороны ближайших их начальников... эти отзывы в качестве материала поступали вместе с аттестациями к высшим начальникам, уполномоченным на основании аттестации окончательно определять служебные качества и составлять кандидатские списки на достойных выдвижения». В случае явного несоответствия офицера занимаемой должности войсковой комитет мог теперь ходатайствовать перед комиссаром соответствующего уровня, а тот — перед следующим по иерархии войсковым начальником об отстранении данного командира от командования. С целью недопущения превышения полномочий вводилась уголовная ответственность комиссаров и членов комитетов за ложные характеристики, порочившие представителей начсостава²⁴. Т. о., перемены шли, но, как отмечал позже в мемуарах генерал Деникин, «исходя из различных, иногда прямо противоположных взглядов на систему ведения армии, нося поэтому необыкновенно сумбурный характер и не допуская отклонения определенного типа командного состава»²⁵.

Разумеется, ни преодолеть чехарду назначений, дополнительный импульс которой придавало расформирование ряда недавно

²³ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 264, 263.

²⁴ Войсковые комитеты действующей армии. С. 299–300.

²⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 263.

созданных третьих пехотных дивизий в составе армейских корпусов (ранее корпуса состояли из двух дивизий), которые признавались командованием небоеспособными²⁶; ни повысить «качество» командного состава таким путем было невозможно. Всего за период с марта по 10 августа 1917 г. включительно от должности было отчислено 140 генералов (в связи со служебным несоответствием — 16), в том числе 2 Верховных главнокомандующих; 5 командующих фронтами; 7 командующих армиями; 6 главнокомандующих, командующих и главных начальников военных округов; 26 командиров корпусов (к моменту Октябрьской революции их число достигло 68²⁷); 56 начальников пехотных и 13 кавалерийских и казачьих дивизий; 1 инспектор артиллерии армии и 11 — корпусов, а также 13 командиров артиллерийских бригад²⁸. Из 225 полных генералов, т. е. генералов от инфантерии, от кавалерии и от артиллерии, Временное правительство за период своей деятельности уволило с постов 68²⁹. В октябре 1917 г. было уволено 20 только высших войсковых начальников³⁰. И именно в октябре А.Ф. Керенский произнес на заседании Временного Совета Российской республики (Предпарламента): «Я счастлив заявить, что в настоящее время ни на одном фронте, ни в одной армии вы не найдете руководителей, которые были бы против той системы управления армией, которую я проводил в течение 4 месяцев»³¹. Тем не менее для генералов, выслуживших право на пенсию и выходявших в отставку по собственному желанию, Временное правительство постановлениями еще от 4 и 10 марта 1917 г. установило высокие пенсии³².

Таким образом, считая именно генералитет консервативной и в значительной степени реакционной силой, в отличие от

²⁶ Разложение армии в 1917 году. С. 39–40.

²⁷ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. С. 159.

²⁸ См.: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 472, 477, 478.

²⁹ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. С. 159. К слову сказать, в этот чин им было произведено всего 7 человек, в т. ч. генерал Корнилов (Красный архив. 1925. Т. 3(10). С. 140).

³⁰ Жилин А.П. К вопросу о морально-политическом состоянии русской армии в 1917 г. С. 159.

³¹ Цит. по: Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 118.

³² Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. С. 30.

остальных звеньев офицерского корпуса, которые Временное правительство рассматривало как социально близкие себе и, следовательно, революционные, оно избрало его основным объектом чистки. В отношении же старших, средних и младших офицеров правительство старалось следовать упомянутому нами в начале главы принципу продвижения по службе достойных. В приказе № 32 от 2 апреля 1917 г. военный министр Гучков отмечал: «При назначении на ответственные должности в армии и флоте старый порядок... не только не искал, но даже избегал привлекать людей с большими дарованиями, кипучей энергией, с сильным характером, волей и твердыми убеждениями... Необходимо... изменить систему назначений, практиковавшуюся при старом строе государства. Медлить с этим нельзя, так как для достижения столь необходимой ныне для России победы над врагом, стремящимся лишить нашу Родину завоеванных ею свобод, нам нужно использовать в полной мере не только все материальные средства страны, всю ее технику, все пригодное для боя и для обслуживания армии население, но и все духовные силы народа, его дарования, его энтузиазм и готовность к самопожертвованию, а в качестве руководителей — лучших сынов нашей великой Родины... В обновленных военных силах свободной ныне России не должно быть места протекционизму. Только лучшие дарования, проверенные службой, могут дать право продвижения на высшие (более высокие. — С.С.) должности...»³³ Сменивший Гучкова на посту военного министра Керенский в июле вообще отменил на время войны все старые цензы, в т. ч. знаний и опыта и принцип соответствия чина должности при назначении на строевые и административные армейские посты³⁴, взорвав этим основы формирования иерархии командования армии. Довольно экстравагантные предложения на этот счет поступали от представителей генералитета. Например, генерал от инфантерии В.Н. Клембовский предложил единоличного командующего фронтом заменить триумвиратом в составе командующего, комиссара и выборного солдата³⁵, а генерал-майор Г.Н. Вирановский — ввести в качестве командиров в каждый

³³ РГБ. Приказы военного и морского министра армии и флоту за 1917 г. (отдельные приказы). Приказ № 32 от 2 апреля 1917 г.

³⁴ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 536.

³⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 265.

полк военкомов, обратив настоящих начальников в «тактических и строевых «работников»³⁶.

Чистка командного состава и изменения в системе назначений на должности в войсках являлись частью всеобъемлющей военно-политической реформы, начавшей проводиться новой властью вскоре после победы Февральской революции. Для ее разработки были сформированы специальные органы. Уже 6 марта 1917 г. военный министр в приказе по военному ведомству объявил: «Установление нового государственного строя требует немедленного пересмотра всех законоположений, определявших донныне служебный и бытовой порядок жизни армии... Для пересмотра законоположений и уставов в точном соответствии с новыми правовыми нормами назначаю комиссию под председательством генерала от инфантерии Поливанова. Среди вопросов, могущих возникнуть при работе названной комиссии, первенствующее значение должны получить: 1) Установление порядка достижения в армии первого офицерского чина и унтер-офицерского звания, пополнение чиновниками. 2) Определение порядка прохождения службы военнослужащими... 3) Согласование внутреннего порядка в войсковых частях с новыми правовыми нормами. 4) Установление гражданских прав военнослужащих всех категорий. 5) Разработка предположений о мерах к улучшению служебного и материального положения всех военнослужащих»³⁷. 14 июля Комиссию сменило Бюро по реорганизации армии, входившее в состав Политического отдела Кабинета военного министра³⁸. Теперь «все материалы по вопросам преобразования армии, выдвигаемым жизнью», предписывалось «направлять в Политический отдел Кабинета для разработки их в связи с руководящей идеей демократизации всего государственного строя»³⁹. Наконец, когда указанный Политотдел был развернут «на время настоящей войны» в Политическое управление Военного министерства «для скорейшего проведения в жизнь армии всех

³⁶ Красный архив. 1925. Т.3 (10). С. 171.

³⁷ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 105. Комиссия состояла из 33 человек, в т. ч. 14 генералов. В частности, в нее входил генерал Корнилов (см.: Деникин А.И. Указ. соч. Т.1. С. 505).

³⁸ Красный архив. 1925. Т. 2(9). С. 120. Комиссия была ликвидирована военным министром А. Ф. Керенским с мотивировкой пагубности результатов ее работы для действующей армии (Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 126).

³⁹ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 540.

мероприятий по преобразованию ее на демократических началах», в его составе было предусмотрено создание Бюро общих вопросов по реорганизации армии. Последнему следовало объединить «в политическом отношении деятельность Главных управлений Военного министерства в части, касающейся устройства быта и службы чинов армии и вообще реорганизации армии»⁴⁰.

В русле армейской реформы был дан ход просроченным представлениям на повышение в чине офицеров, залежавшимся в центральных органах Военного министерства вследствие бюрократической рутин. 9 марта 1917 г. Петроградский Совет разработал проект постановления об общих правах солдат, в котором, в частности, предусматривалась отмена ряда дисциплинарных наказаний для нижних чинов, в т. ч. «неудостоение к производству в офицеры»⁴¹. В июне «офицерам, уволенным от службы за политические убеждения... и восстановленным в правах», время, проведенное вне армии, было предписано засчитывать в стаж действительной военной службы. Причем, если речь шла о фронтовиках, оно могло быть «зачислено в ценз, применительно к правилам о преимуществах, установленных для строевых чинов действующей армии»⁴².

Появились и прецеденты официального продвижения военнослужащих по иерархической и служебной лестницам за революционные заслуги и методом революционного производства. Так, в марте 1917 г. упоминавшийся нами старший унтер-офицер учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка Т.И. Кирпичников одновременно с награждением за заслуги перед революцией Георгиевским крестом IV степени был произведен в подпрапорщики⁴³; в апреле «революционный» командующий войсками Московского военного округа подполковник А.Е. Грузинов — в полковники «за выдающиеся революционные заслуги»⁴⁴; в июне младший унтер-офицер 28-го пехотного Полоцкого полка М.Л. Бочкарева, организатор женских добровольческих формирований в со-

⁴⁰ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 741.

⁴¹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 238.

⁴² Приказы по военному ведомству, 1917. С. 457.

⁴³ Искры. 1917. № 16. С. 127.

⁴⁴ Там же. № 17. С. 129.

ставе русской армии в 1917 г. и командир первого из них — в прапорщики⁴⁵ (первый офицерский чин), миновав сразу три звания (старшего унтер-офицера, фельдфебеля и подпрапорщика)⁴⁶. В июне же военный министр «за отличия, одновременно оказанные... в боях с неприятелем», лично произвел также в прапорщики младшего унтер-офицера из вольноопределяющихся 206-го пехотного Сальянского полка Б. Романовича⁴⁷. В бытность свою главнокомандующим Петроградским военным округом (март-апрель 1917 г.) генерал Корнилов ввел в округе практику производства в офицеры 20 унтер-офицеров из каждого батальона с целью усиления офицерского состава, его авторитета и единения с солдатами⁴⁸. И т. д.

Все это было важно, т. к. до революции, как писал впоследствии в своих мемуарах последний глава военного духовенства России протопресвитер русской армии и флота Г. Шавельский, «каждый поручик мог вернуться с войны генералом; никому не известный до войны офицер мог сделаться знаменитым полководцем. Для солдата же высшей наградой могло быть: остаться живым и здоровым вернуться к семье. И этой возможностью, этой мечтой он должен был жертвовать каждую минуту своего пребывания на фронте»⁴⁹. Кроме того, расширился круг инстанций, занимавшихся этими вопросами, т. к. ходатайствовать о производстве солдат в первый офицерский чин и осуществлять контроль за их дальнейшим продвижением в чинах теперь могли и войсковые комитеты⁵⁰.

Офицерский корпус предполагалось пополнять также солдатами, награжденными орденом св. Георгия IV степени (по новым правилам они подлежали автоматическому производству в подпоручики)⁵¹, и бойцами женских добровольческих частей⁵². 9 мая постановлением Военного министерства и мобилизационного отдела Генерального штаба были упразднены все сословные, вероисповед-

⁴⁵ Искры. 1917. № 24. С. 188–189.

⁴⁶ В досоветское время у солдат были звания, а у офицеров — чины.

⁴⁷ РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 548 от 18 сентября 1917 г.

⁴⁸ Никитин Б. Указ. соч. С. 39.

⁴⁹ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Репринтное воспроизведение. М., 1996. Т. 2. С. 277.

⁵⁰ РГВИА. Ф. 2587. Оп. 2. Д. 375. Л. 7 об.; Д. 376. Л. 51 об.

⁵¹ Там же. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 327.

⁵² Приказы по военному ведомству, 1917. С. 810.

ные и национальные ограничения для лиц, поступавших в военно-учебные заведения, а солдаты иудейского вероисповедания были уравниены в праве производства в офицеры с солдатами-христианами⁵³.

Несмотря на все изменения, происходившие с офицерским корпусом после Февраля, в полном объеме продолжала функционировать старая система подготовки командных кадров. 1 марта в Государственную Думу явилось около 350 офицеров из Императорской Николаевской академии, чтобы засвидетельствовать свое признание новой власти⁵⁴. В тот же день Временный Комитет Думы издал приказ: «Военные училища принадлежат войскам Временного правительства Государственной Думы... указанным училищам приказано производить все обычные занятия с успешной подготовкой кадров будущих офицеров...»⁵⁵ Программы обучения не претерпели изменений, но теперь официально считалось, что идет подготовка командиров революционной армии. Так, выпускники 1-й и 2-й школ подготовки прапорщиков Юго-Западного фронта в телеграмме на имя Верховного главнокомандующего летом 1917 г. были названы сынами свободной России и офицерами революционной армии, «в полном сознании ответственности» готовыми «по первому зову силы и жизни отдать за свободу горячо любимой Родины»⁵⁶.

В то же время появились проекты создания новых, демократических военно-учебных заведений для подготовки командиров нового типа. В качестве примера можно привести «Докладную записку Областному Комитету Армии, Флота и Рабочих Финляндии о подготовке командного состава в пехотных частях, расположенных в Финляндии», от 31 августа 1917 г., которую разработали два члена этого комитета. В ней говорилось: «Русская революция в корне разрушила старый строй и выдвинула перед нами много жгучих и неотложных вопросов. Одним из таких для армии является вопрос о командном составе... Еще есть много офицеров, воспитанных в духе и дисциплине старого режима, которые часто не пользуются доверием и не способны поднять и поддержать революционную

⁵³ Френкин М. Указ. соч. С. 250.

⁵⁴ Материалы и документы // Отречение Николая II. С. 311.

⁵⁵ Там же. С. 313.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1690. Л. 30.

дисциплину в армии. А ведь только тогда, когда командный состав будет пользоваться доверием масс, дело обороны страны и революции будет иметь надлежащую опору...

В связи с этим... остро встает вопрос... о создании кадра офицеров, которые были бы оплотом народной власти, слугами народа, товарищами солдат и никоим образом не могли бы являться пособниками врагов народа. Демократически настроенных офицеров сейчас слишком мало. А надо сделать все, чтобы их было очень много... Немедленно должны быть созданы школы, куда бы принимались товарищи солдаты без образовательного ценза, но хорошо грамотные и достаточно развитые по рекомендации ротных комитетов и с согласия полковых комитетов... Надо помнить, что большая часть военных училищ в России организована так, что там юнкера получают особое воспитание, которое не только не сближает с народом и солдатом, а, напротив, отрывает и отчуждает от солдатской среды. В этих школах прививаются понятия и развиваются навыки, несовместимые с принципами демократии. И новый строй почти не изменил системы воспитания и преподавания в военных училищах...» Записку предполагалось немедленно разослать в части для того, чтобы полковые комитеты дали на нее свое заключение, и избрать комиссию «для предоставления подробного доклада и проекта школы Временному правительству»⁵⁷.

Реформируя офицерский корпус, новая власть с самого начала неустанно призывала солдат и офицеров к единению. В первые дни Февральской революции Исполком Петроградского Совета выпустил воззвание к «Товарищам гражданам», где говорилось: «...не устранена еще опасность военного движения против революции. Чтобы предупредить ее, весьма важно обеспечить дружную согласованную работу солдат с офицерами. Офицеры, которым дороги интересы свободы и прогрессивного развития Родины, должны употребить все усилия, чтобы наладить совместную деятельность с солдатами. Они будут уважать в солдате его личное достоинство, будут бережно обращаться с чувством чести солдата. Со своей стороны солдаты будут помнить, что армия сильна лишь союзом солдат и офицерства, что нельзя за дурное поведение отдельных офицеров клеймить всю офицерскую корпорацию. Ради успеха революционной борьбы надо проявить терпимость и забвение несущественных

⁵⁷ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II.8.1. Ед. хр. Б-4125.

проступков против демократии тех офицеров, которые присоединились к той решительной и окончательной борьбе, которую вы ведете со старым режимом»⁵⁸.

В своей первой речи в качестве министра Временного правительства П.Н. Милюков призывал военнослужащих: «Будьте едины...солдаты и офицеры великой славной русской армии, и помните, что армия сильна своим внутренним единством; потерявшая это единство и раздробленная, она обращается в беспорядочную толпу... Я знаю, были грехи в прошлом и отношения в старой армии зачастую основывались на крепостном начале. Но теперь ваше офицерство слишком хорошо понимает, что надо беречь и уважать в нижнем чине чувство человеческого и гражданского достоинства. А одержавшие победу солдаты также хорошо знают, что довершить ее и сохранить в своих руках они могут, только сохранив связь со старым офицерством»⁵⁹.

Постфевральским государством был также предпринят ряд законодательных шагов по уравниванию юридических прав нижних чинов и офицеров. Так, было узаконено обращение офицеров к солдатам на «Вы». Крупным политическим актом стало учреждение 30 марта 1917 г. органов войскового самоуправления — войсковых комитетов, где подчиненные и командиры должны были работать на равноправной основе⁶⁰, а позже — военных судов присяжных заседателей. В преамбуле приказа о новом устройстве военно-окружных, корпусных и равных им по власти судов провозглашалось: «Офицеры и солдаты! Вам дан... свободный выборный суд, в котором вы сами будете решать возникающие в вашей среде дела. Теперь вы призываетесь к суждению самых важных воинских преступлений в военно-окружных судах в качестве военных присяжных заседателей... Между вами не будет различий. Солдаты и офицеры! Вы рядом друг с другом будете по совести и закону решать судьбу своих согрешивших братьев»⁶¹. В августе новые правила приема в кадетские корпуса на казенное содержание формально уравни-

⁵⁸ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II.8.1. Ед. хр. 16462.

⁵⁹ Бюллетени Комитета Северного фронта Всероссийского Союза городов. Псков. 1917. № 31 (экстренный выпуск). С. 31.

⁶⁰ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 51 от 30 марта 1917 г.

⁶¹ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 334.

ли в правах детей солдат и офицеров — георгиевских кавалеров⁶². В сентябре был учрежден нарукавный шеврон, единый для лиц начальствующего состава и нижних чинов, бежавших из плена⁶³. По сравнению с дореволюционным временем указанные новации были, безусловно, прогрессивным явлением, но «сроднить» с их помощью две части военного социума было, конечно, невозможно.

Солдаты, хорошо зная «болевые точки» армии, имели свой взгляд на их причины, объем и пути устранения. Так, они активно пытались ввести принцип выборности командиров, который объективно явился бы абсолютным выражением провозглашенной правительством свободы назначений в армии, к чему с начала революции войсковые низы призывались революционными партиями, прежде всего левыми социал-демократами. 1 марта 1917 г. появилась знаменитая листовка Петербургского междурайонного комитета РСДРП⁶⁴ и партии эсеров, обращенная к солдатам, в которой, в частности, говорилось: «...Для того, чтобы вас не обманули дворяне и офицеры, эта романовская шайка, возьмите власть в свои руки. Выбирайте взводных, ротных и полковых командиров, выбирайте ротные комитеты для заведования продовольствием. Все офицеры должны быть под контролем этих ротных комитетов. Принимайте к себе только тех офицеров, которых вы знаете как друзей народа»⁶⁵. 10 марта бюро ЦК РСДРП(б) опубликовало в газете «Правда» свою резолюцию о войне, где указывалось, что нужна «демократизация армии в тылу и на фронте с выборами ротных, батальонных и других комитетов и начальства...»⁶⁶.

Обосновывая необходимость принципа выборности как наиболее демократичного и справедливого, который стихийно уже вошел в жизнь революционного социума России⁶⁷, В.И. Ленин, обращаясь

⁶² Приказы по военному ведомству, 1917. С. 659.

⁶³ Там же. С. 733–735.

⁶⁴ Не путать социал-демократов-межрайонцев, одним из лидеров которых был Л. Д. Троцкий, с социал-демократами-большевиками.

⁶⁵ Цит. по: Приложения // Шляпников А.Г. Семнадцатый год. Кн.1. С. 339–340.

⁶⁶ Войсковые комитеты действующей армии. С. 28.

⁶⁷ Например, 7 марта фабричный комитет Невской фабрики механической обуви в Петрограде постановил, что все мастера и администрация предприятия должны выбираться рабочими (Минц И.И. Указ. соч. Т.2. С. 220). А конференция железнодорожных служащих, проходившая летом 1917 г. в Москве, приняла решение упразднить Министерство путей сообщения, передав управление комитету из выборных служащих (Головин Н.Н. Указ. соч. С. 284–285).

7 мая 1917 г. к делегатам I Всероссийского съезда крестьянских депутатов, отмечал: «Мы (большевики. — С.С.) хотим такой республики... чтобы чиновники были все сверху донизу только выборные и сменяемые в любое время по требованию народа... чтобы в армии все начальство было такое же выборное и чтобы постоянная армия, отделенная от народа, отданная под команду чуждым народу классам, была замещена всеобщим вооружением народа, всенародной милицией»⁶⁸. Июньская конференция фронтовых, тыловых и военных организаций большевиков провозгласила в специальной резолюции, посвященной демократизации армии: «Постоянная армия представляет из себя учреждение, против которого всегда боролась социал-демократия как против учреждения, имеющего целью создание органа материальной механической силы принуждения и угнетения, направленного в условиях капиталистического строя против широких масс демократии как вне данных государственных границ, так и внутри их... Демократизация армии не может быть достигнута поэтому... при сохранении и с помощью тех принципов, которые лежат в основе всех существующих армий вообще. Не назначение, приказание и подчинение, а выборность, самоуправление и предоставление инициативы снизу должны быть положены в основу строения революционной и демократической армии...

Сейчас заведомо в большинстве контрреволюционный подбор командного состава... проведение в жизнь фактически выборного начала командного состава путем использования предоставляемого права отвода и аттестаций при производстве в первый офицерский чин и переводах... использование права ареста и уголовного преследования против всех контрреволюционных попыток — таковы... линии, по которым должно направляться влияние социал-демократии при проведении в жизнь новых вырабатываемых норм жизни русской армии»⁶⁹.

Зерно упало на благодатную почву. 4 марта уже бывшая императрица Александра Федоровна телеграфировала Николаю II из Царского Села: «Среди войск начинается движение... арестовывают людей — конечно, офицеров. Бог знает, что делается, — здесь стрелки выбирают себе командиров и держат себя с ними омерзительно, не

⁶⁸ Ленин В.И. Указ. соч. С. 46-47.

⁶⁹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях, решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970. Т.1. С. 470, 471.

отдают чести, курят прямо в лицо офицерам...»⁷⁰ Интересно в этой связи и наблюдение военного врача В.П. Кравкова, служившего в марте 1917 г. на Юго-Западном фронте, о первых днях революции на передовой: «Весьма... своеобразно воспринимают смысл манифестов (присылаемых новой властью из Петрограда. — С.С.) наши солдатики... Из окопов немцы кричат: "Нет у вас царя!" Им на это с руганью отвечают: "Ничего, зато у нас есть Николай Николаевич (великий князь, новый Верховный главнокомандующий. — С.С.)! А если его не будет, то выберем своего, еще лучшего!"»⁷¹ Выборы командиров моментально приобрели такие масштабы и оказали такое воздействие на умы солдат, что 18 марта Главковерх генерал Алексеев был вынужден объявить: «По доходящим до меня сведениям, весьма существенной причиной, препятствующей спокойному отношению войсковых частей к переживаемым событиям, и серьезным обстоятельством, препятствующим поддержанию в армии на должной высоте дисциплины, сохранение которой столь необходимо для доведения войны до победного конца, является распространяемые в войсках слухи о допущении в частях действующей армии выборного начальства. Считаю необходимым внушить всем чинам армии, что приказа или распоряжения, по которому подчиненные могли бы выбирать каких-либо для себя начальников командного состава в отношении войсковых частей действующей армии ни от Временного правительства, ни от Верховного главнокомандующего до настоящего времени не исходило»⁷². Такую же позицию занимала и часть социалистов, не говоря уж о представителях правой части политического спектра русского общества. В «Декларации прав солдата», введенной в действие в мае 1917 г. Керенским, пункт 18 категорически гласил: «Право назначения на должности и в указанных законом случаях временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам»⁷³. В «Плане формирования революционных батальонов из волонтеров тыла», утвержденном правительством и верховным ко-

⁷⁰ Переписка Николая и Александры Романовых. 1916–1917. Т. V. С. 233.

⁷¹ На Юго-Западном фронте в марте 1917 г. Из записок военного врача В.П. Кравкова // Великая война. Сто лет. С. 311–312.

⁷² РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 10 от 18 марта 1917 г.

⁷³ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в мае — июне 1917 г. С. 239.

мандованием в июне, тоже вполне определенно говорилось: «...начальники являются несменяемыми... В боевой обстановке, в случае строевой непригодности начальника он отрешается от должности властью старшего начальника... Выбывшего начальника... замещает следующий по старшинству занимаемой должности...»⁷⁴

Однако идея выборности была разлита в воздухе. Даже военные священники, далекие от социал-демократических воззрений, 9 июля на своем Всероссийском съезде избрали протопресвитера (главу) военного и морского духовенства, хотя ранее он назначался императором⁷⁵.

Выступление генерала Корнилова усилило движение за выборность командного состава. К примеру, резолюция войскового комитета 1-го Усть-Двинского латышского стрелкового полка (Северный фронт) от 2 сентября требовала «незамедлительной чистки всего командного состава», так как «только выборное начальство будет пользоваться необходимым доверием у стрелков»⁷⁶. Характерен и протокол заседания войскового комитета гвардейского тяжелого артиллерийского дивизиона Юго-Западного фронта от 30 августа: «...Мы ждем выборного начала командного состава солдатами, разработав возможно тщательней этот вопрос, **как самый важный в армии** (выделено мной. — С.С.), видя в этом спасение революции и залог победы»⁷⁷.

Попытки сдержать выборы командиров в войсках не дали результата, т. к. если для официальных властей и поддерживавших их политических сил вопрос лежал исключительно в плоскости боеспособности армии, то для войсковых низов речь шла прежде всего о социальном равенстве и справедливости. Именно этим объясняется и их упорная борьба в 1917 г. даже с офицерской формой и офицерскими чинами, а также выдвижение требования об уравнивании жалованья офицеров и солдат и материального положения их семей. Так, письмо собрания ротных делегатов 718-го пехотного Развадовского полка в Петроградский Совет от

⁷⁴ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 439 от 13 июня 1917 г.

⁷⁵ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 708 от 27 июля 1917 г.

⁷⁶ Войсковые комитеты действующей армии. С. 307.

⁷⁷ Там же. С. 302.

26 апреля 1917 г. призывало: «...9. Уменьшить жалованье высшему командному составу армии, флота... 17. Увеличить жалованье солдатам и семейный паек их семьям... 18. Уравнять содержание казенного пайка солдатских жен и офицерских как равноправных гражданок»⁷⁸. А митинг нижних чинов 675-го пехотного Конотопского полка в июне 1917 г. потребовал «уравнивания жалованья солдат и офицеров: прапорщику 25 руб(лей) и прибавки по 5 руб(лей) на каждом повышении чина»⁷⁹. Впрочем, указанные экономические требования солдат диктовались не только политическими соображениями, но и условиями нарастающего экономического кризиса и инфляцией. В силу этого кое-где в действующей армии нормы снабжения продуктами солдат и офицеров действительно были уравнены⁸⁰. Правительство же продолжало держаться прежней линии, и 14 сентября и 11 октября 1917 г. последовали его постановления о прибавке «К содержанию и единовременное пособие на дороговизну офицерам... всех частей, штабов, управлений и заведений военного ведомства»⁸¹.

Что касается чистки офицерского корпуса, то если государственная власть обрушилась прежде всего на генералитет, то солдаты дополнили ее действия стихийной революционной чисткой остальных уровней офицерства снизу, придав ей таким образом всеобъемлющий, радикальный характер. Зачастую солдатская чистка выливалась в изгнание офицеров из частей. Нередко подобные акции оформлялись решениями войсковых комитетов. Например, за первую половину марта 1917 г. таким путем были отстранены от должности командиры ряда частей 42-го отдельного армейского корпуса⁸². В сводке мотивов, послуживших основанием для удаления нижними чинами офицеров, которая поступила в канцелярию Верховного главнокомандующего 3 марта 1917 г., были названы: недоверие к сторонникам царского режима; строгость и требовательность по службе; несоответствие современным условиям

⁷⁸ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в апреле 1917 г. С. 528.

⁷⁹ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. Июньская демонстрация. М., 1959. С. 375.

⁸⁰ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 247.

⁸¹ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. С. 41.

⁸² Войсковые комитеты действующей армии. С. 50.

и требованиям; грубое обращение с солдатами; вмешательство во внутреннюю жизнь части по вопросам, составляющим компетенцию войсковых комитетов; стремление ставить личные интересы выше служебных и т. д.⁸³

Указанный процесс наряду с выборами командиров быстро распространился в Вооруженных Силах и тоже приобрел такой размах, что 7 апреля военный министр своим приказом армии и флоту № 33 потребовал прекратить удаление солдатами лиц командного состава «без согласования и ведома высших начальников», угрожая карами виновным в «самоуправных действиях в отношениях к своим начальникам». Вдогонку этому приказу в середине апреля вышло предписание начальника штаба Верховного главнокомандующего № 685: «В армии повторяются случаи насильственного удаления самозванными и войсковыми комитетами начальствующих лиц. Многие из них прибывают в Ставку для выяснения своего положения, что зачастую совершенно бесполезно, так как в Ставке не имеется официальных сведений о причинах их удаления и аттестационных данных. Наконец, назначения и перемещения этих лиц зависят от главнокомандующих (фронтами. — С.С.) и командующих армиями. Считаю насильственное удаление начальствующих лиц явлением, вконец деморализующим армию, и озабочиваясь вместе с тем участью этих лиц, Верховный главнокомандующий приказал: 1) во всех подобных случаях принимать самые настойчивые меры нравственного и служебного воздействия для возвращения удаленных начальников к своим частям, даже если бы пришлось поступиться их нравственно тяжелым состоянием. Иначе фактически установится выборное начало, губительное для армии.

2) В случае полной невозможности возвращения к должности устранившихся прикомандировать их к соответствующим штабам (дивизии, армии, фронта), распоряжением которых и назначать, перемещать или увольнять в зависимости от обстановки и служебных качеств офицеров установленным в законе порядком.

3) Штаб- и обер-офицеры строевых частей могут быть проводимы через запасные полки и новые строевые части.

4) Офицеров гвардейских частей, не могущих оставаться в своих частях, направлять на другие фронты, преимущественно на

⁸³ Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 69.

Румынский фронт, для распределения по строевым частям (в прикомандировании)»⁸⁴. Логическим завершением процесса юридического оформления нового способа перемещения офицеров в армии стал приказ по военному ведомству № 260 от 4 мая 1917 г., предписывавший зачислять лиц командного состава, «удаленных по желанию солдат от исполнения должностей, если над ними не назначено следствия и суда», в резерв, «хотя бы и сверх комплекта»⁸⁵.

Практика изгнания нижними чинами из частей своих войсковых начальников шла параллельно со стихийным революционным террором против них, самым невинным проявлением которого была принудительная ликвидация погон у офицеров. Широкое распространение получили упомянутые выше аресты солдатами своих командиров. Волна таких арестов под лозунгами защиты нового правительства от реакции или от государственной измены прокатилась по армии в первый же месяц революции и продолжилась в дальнейшем. Причем «борьба с государственной изменой» часто выливалась в конфликты с офицерами, носившими нерусские, особенно немецкоязычные фамилии, как это, например, произошло с будущим военным комиссаром Румынского фронта штабс-капитаном гвардии Кексгольмского полка Э.П. Тизенгаузенем. Указанный офицер еще до Февраля сочувствовал эсерам, но тем не менее был изгнан солдатами из части⁸⁶. Имели место аресты нижними чинами офицеров на передовой из-за боязни, что те «сумеют заставить наступать»⁸⁷ или помешают дезертировать с поля боя во время боевых действий. Так произошло 7 июля 1917 г. в 499-м пехотном Ольвиопольском полку (Румынский фронт), где солдаты 3-го батальона, арестовав всех своих офицеров и отказавшись выполнить боевой приказ, покинули позиции⁸⁸; в 52-м пехотном Виленском полку (Юго-Западный фронт)⁸⁹ и т. д.

Наряду с изгнаниями и арестами стихия революции выливалась в самосуды, приводившие к физическому насилию над «контрреволюционерами» вплоть до их убийства. Подобные действия сол-

⁸⁴ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 51.

⁸⁵ Приказы по военному ведомству. 1917. С. 257-258.

⁸⁶ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.3. С. 446.

⁸⁷ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 384.

⁸⁸ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 483.

⁸⁹ Там же. Д. 68. Л. 257 об.

дат в отношении офицеров были отмечены еще в ходе февральских событий 1917 г. в Петрограде. Так, 26 февраля нижние чины лейб-гвардии Павловского полка отказались открыть огонь по революционным демонстрантам, а когда командир батальона полковник фон Экстен призвал их к повиновению, выстрелом ранили его самого⁹⁰. 27 февраля солдаты учебной команды запасного батальона лейб-гвардии Волынского полка застрелили своего командира штабс-капитана Лашкевича и командира взвода прапорщика князя Воронцова (накануне убийства оба офицера руководили действиями караула команды по пресечению революционного митинга рабочих на Знаменской площади столицы, но нижние чины отказались выполнять их приказы)⁹¹. Официальное число убитых и раненых тогда в городе офицеров гвардии, армии и флота составило 60 человек из 869 военнослужащих, пострадавших с обеих сторон⁹². Аналогичные события наблюдались и в других местах империи.

Начавшись в тылу, волна самосудов постепенно перекинулась в действующую армию. 26 мая 1917 г. на передовой «без видимых причин», как писала пресса, выстрелом в голову солдаты убили начальника 60-й пехотной дивизии генерала Носкова⁹³, а в июле — начальника штаба 162-й пехотной дивизии полковника Хольда, во время боя убеждавшего солдат исполнить свой долг⁹⁴, и командующего 22-м гренадерским Суворовским полком подполковника Рыкова за то, что он призывал нижних чинов занять позиции⁹⁵. В августе на почве привлечения солдат к реквизициям зерна у крестьян произошел инцидент в лейб-гвардии 1-м стрелковом полку (Юго-Западный фронт), в результате которого также были убиты командир полка полковник Быков и командир 2-го батальона полка капитан Колобов (полк взбунтовался, заявив, что реквизиции — выдумка офицеров для поддержки помещиков и буржуев)⁹⁶. Примеры можно продолжить.

⁹⁰ Ходнев Д. Указ. соч. С. 268.

⁹¹ ЦМВС РФ. Ф.4. Оп. III. 7. Ед. хр. Б-920. Л. 2.

⁹² Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 117.

⁹³ Огонек. 1917. № 25. С. 395.

⁹⁴ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 147. В источнике ошибочно указана фамилия «Хольм». По свидетельству современника, полковник Хольд был разорван солдатами «в клочки» (Бурский П.Д. Указ. соч. С. 13).

⁹⁵ Жилин А.П. Последнее наступление (июнь 1917 г.). М., 1983. С. 64.

⁹⁶ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 168; Френкин М. Указ. соч. С. 416.

Мятеж генерала Корнилова привел к всплеску массовых арестов нижними чинами офицеров и изгнанию их из частей и солдатских самосудов, поскольку в каждом человеке с офицерскими погонами солдаты часто не без основания стали подозревать скрытого корниловца⁹⁷. Широкую известность приобрел тогда эксцесс в Выборге, приведший к гибели ряда войсковых начальников. Как сообщал 3 сентября 1917 г. начальник штаба Северного фронта генерал Вахрушев начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу Алексееву, постановлением Выборгского Совета рабочих и солдатских депутатов и армейского комитета 6-й армии в присутствии комиссара Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии «29 августа были арестованы командир 42-го корпуса генерал Орановский, обер-квартирмейстер генерал Васильев, командир крепости генерал Степанов и адъютант цензурного отделения подполковник Кирениус. Причины ареста — некоторые компрометирующие телеграммы [в] связи с делом Корнилова. По водворению на гауптвахту толпой солдат гарнизона арестованные были выведены из нее, подвергнуты истязанию и оскорблению и, убитые, брошены в залив. Кроме упомянутых, убиты и ограблены неизвестными солдатами начальник инженеров крепости генерал Максимович, командир 1-го Выборгского крепостного полка полковник Дунин; во дворе своими солдатами убит командир 3-го Выборгского полка полковник Карпович, а на островах своими же солдатами убиты командир минной роты подполковник Бородин и его адъютант подпоручик Куксенко». Для расследования случившегося по приказу министра-председателя и Верховного главнокомандующего Керенского была создана комиссия, в которую вошли представители полковых комитетов и ЦИК Советов. Однако из-за враждебного отношения нижних чинов ее работа оказалась затруднена⁹⁸.

1 сентября Керенский потребовал от войсковых низов немедленно прекратить самовольные аресты и смещение с должностей офицеров и генералов⁹⁹. 11 сентября по предложению фракции

⁹⁷ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 26. Л. 82 об.

⁹⁸ Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 г. С. 395.

⁹⁹ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 907 от 1 сентября 1917 г.

большевиков с осуждением самосудов в войсках и призывом прекратить их выступил Петроградский Совет. «Корниловский заговор, — говорилось в его резолюции, — обнаруживший перед лицом всей армии, что руководство ее судьбой и все орудия репрессий были вручены заклятым врагам народа, не мог не вызвать в армии прилива самой острой подозрительности и враждебности по отношению к командному составу». Ответственность за создавшуюся ситуацию Совет возлагал на Временное правительство, которое «корниловскими средствами пыталось ввести в революционной армии корниловские порядки», и констатировал: «Самосуды, убийства без следствия и суда не могут быть средством революционного очищения и возрождения армии. Наоборот, они могут внести только распад и деморализацию в среду солдатской массы и вселить отчаяние в душу тех офицеров, которые всецело преданы делу народа и революции». «Товарищи солдаты и матросы» должны были заставить «сплоченностью и выдержкой понять и почувствовать» всех офицеров, «что для них остается один путь — стать всецело на сторону революции или покинуть ряды революционной армии»¹⁰⁰.

Однако ни попытки Керенского, ни усилия Петроградского Совета остановить солдатский террор в армии не дали желаемого результата, хотя и несколько снизили масштаб стихийных репрессий. Сводка военно-политического отдела штаба Верховного главнокомандующего об эксцессах в войсках с 1 по 30 октября 1917 г. зафиксировала 67 случаев оскорбления лиц командного состава, в том числе сопровождавшихся насилиями и убийствами¹⁰¹. Следовательно, можно определенно утверждать, что революция прибавила к естественной убыли офицеров во время боев их потери «по обстоятельствам революционного времени»¹⁰². С 1 марта по 25 октября 1917 г. потери офицерского корпуса составили 32 739 человек¹⁰³, что по сравнению с общими потерями офицеров русской армии за

¹⁰⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общественно-национальный кризис. М., 1961. С. 163–164.

¹⁰¹ История гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 250.

¹⁰² По мнению автора, к этой категории следует отнести также тех военных начальников, которые покончили жизнь самоубийством или умерли от болезней, спровоцированных или обострившихся от стрессов, полученных под воздействием революционных событий.

¹⁰³ Подсчитано по: Волков С.В. Русский офицерский корпус. С. 88.

все годы Первой мировой войны в 71 298 человек выгладит солидной цифрой¹⁰⁴.

Очевидно, что разлом армии являлся частью великого социального разлома русского общества, открыто обозначившегося в 1917 г. Недаром один из современников Февральской революции отметил, что в ходе ее всего «в течение каких-либо суток мир солдатский не только резко отделился от мира офицерского, но и определенно стал во враждебное к нему отношение»¹⁰⁵, а председатель Государственной Думы М.В. Родзянко в разговоре с главнокомандующим Северным фронтом генералом Н.В. Рузским 3 марта констатировал: «Вспыхнул неожиданно для всех нас такой солдатский бунт, которому подобных я не видел... не солдаты, а просто взятые от сохи мужики... которые все свои мужичкие требования нашли полезным теперь заявить»¹⁰⁶. «Между нами (офицерами. — С.С.) и ними (солдатами. — С.С.) — пропасть, которую нельзя перешагнуть, — писал родным с фронта в 1917 г. один из офицеров. — Как бы они ни относились лично к отдельным офицерам, мы остаемся в их глазах барами. В них говорят невымещенные обиды веков»¹⁰⁷.

Действительно, по справедливому замечанию другого участника Первой мировой войны генерал-лейтенанта П.И. Залесского, до революции в России «были две расы людей: “барин” и “мужик”. Барин — это не только тот, кто был у власти, не только помещик и богатый человек, а всякий прилично одетый человек и притом, конечно, грамотный. В противоположность ему мужик — крестьянин, рабочий, прислуга — все это темнота, среди которой читавший и писавший человек — редкость. Мужик жил бедно»¹⁰⁸, и, соответственно, классовое «деление клало резкую грань... невзирая на попытки некоторых офицеров подойти к солдату, сблизиться с ним»¹⁰⁹. Армия, по словам А.И. Деникина, «представляла из себя плоть от плоти,

¹⁰⁴ Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие. С. 522.

¹⁰⁵ Фомин Б.В. Первые месяцы после Февральской революции в запасном батальоне лейб-гвардии Измайловского полка // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению (далее — Февральская революция). М., 1997. С. 294.

¹⁰⁶ Материалы и документы // Отречение Николая II. С. 278.

¹⁰⁷ Цит. по: Спирин Л.М. Указ. соч. С. 160.

¹⁰⁸ Залесский П. Грехи старой России и ее армии // Философия войны (Военная культура русского зарубежья). М., 1995. С. 160.

¹⁰⁹ Там же. С. 205.

кровь от крови русского народа. А этот народ в течение многих веков того режима, который не давал ему ни просвещения, ни свободного политического и социального развития, не сумел воспитать в себе чувства государственности...¹¹⁰ Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное той страшной духовной темноты, в которой власть и правящие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отмщения»¹¹¹. Формы этого отмщения также соответствовали тому уровню культуры, который царизм позволял иметь народу, смотря, по выражению генерала от инфантерии Д.Г. Щербачева, на просвещение социальных низов «глазами Министерства внутренних дел»¹¹². Характерный эпизод первых дней революции описан в мемуарах бывшего дворцового коменданта царя генерал-майора В.Н. Воейкова. Его портрет в натуральную величину в гусарской форме находился в витрине фотомагазина на Невском проспекте столицы. «Толпа ворвалась в магазин, с руганью вынесла изображение “врага русского народа”, поставила к фонарю и тут же на Невском расстреляла»¹¹³.

После Февраля для русской жизни стали типичными следующие сцены: «...Как только солдаты видели, что в трамвае едет офицер, они входили туда, садились напротив него и, громко разговаривая, курили и пускали дым ему в лицо или открыто издевались над ним и другим военным начальством»¹¹⁴. Не стал в этом отношении исключением и сам бывший «помазанник божий». 9 марта 1917 г., находясь в Царском Селе, фрейлина императрицы А.А. Вырубова стала свидетельницей примечательной сцены: «В саду около самого дворца стоял царь всея Руси и с ним преданный друг его князь Долгоруков. Их окружало 6 солдат, вернее, 6 вооруженных хулиганов, которые все время толкали государя то кулаками, то прикладами... прикрикивая: “Туда нельзя ходить, господин полковник”¹¹⁵, верни-

¹¹⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т.1. С. 189.

¹¹¹ Там же. С. 204.

¹¹² Цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 365.

¹¹³ Воейков В.Н. Указ. соч. С. 269.

¹¹⁴ Грузинская Н.П. Записки контрреволюционерки (хроника ее переживаний в течение первых трех лет в деревне и в городе) // Февральская революция. С. 358.

¹¹⁵ Николай II имел чин полковника гвардии и формально являлся командиром 1-го батальона лейб-гвардии Преображенского полка.

тес, когда Вам говорят”»¹¹⁶. Впрочем, месть солдат направлялась не только на офицеров, но на любых «господ» в принципе, что говорит о ее социальной, а не профессиональной природе. Например, в донесении своему правительству британский военный агент в России генерал Нокс писал в 1917 г., что «любимым спортом» солдат-отпускников стало, примостившись на крышах классных вагонов, «мочиться в вентиляторы для того, чтобы досадить буржуям, едущим внутри вагонов»¹¹⁷.

Таким образом, армия, в сущности, распалась на две неравные части: командный состав и войсковые низы. Внутреннее единство военной машины России, основанное на воинской дисциплине, рухнуло, сказавшись катастрофическим образом на ее боеспособности. Поэтому в условиях продолжавшейся войны на повестку дня остро встала задача восстановления дисциплины. Следовало найти новые мотивы, которые побуждали бы военнотружущих ее соблюдать. Отчасти этого удалось добиться в добровольческих частях и подразделениях, учрежденных в мае-июне 1917 г. В «Плане формирования революционных батальонов из волонтеров тыла», одном из основополагающих документов движения военного ударничества, говорилось: «Основа дисциплины — беспрекословное исполнение приказаний начальников. О неповиновении и возражениях не может быть и речи, так как в основу всех отношений кладется полное братское доверие в деле жизни и смерти... Вне служебных отношений нет начальников и волонтеров, а есть братья и товарищи по

¹¹⁶ См.: Последние дневники императрицы. С.37. Впрочем, ряд офицеров так же не проявлял больше особого пиетета при общении с бывшим царем и Верховным главнокомандующим. По свидетельству председателя Государственной Думы М. В. Родзянко, состоявшееся в первых числах марта собрание офицерского состава петроградского гарнизона потребовало ареста Николая II (Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Архив русской революции. Репринтное издание. М., 1991. Т.VI. С. 67). По прибытии бывшего императора в Царское Село 9 марта 1917 г., когда он «проходил мимо собравшихся в вестибюле офицеров, никто его не приветствовал. Первый это сделал государь. Только тогда все отдали ему привет» (Там же. С. 36). В другой раз офицер-начальник караула, приставленного Временным правительством к царской семье, отказался пожать протянутую ему Николаем II руку. На вопрос последнего «Голубчик, за что же?» офицер ответил: «Я из народа. Когда народ протягивал Вам руку, Вы не приняли ее. Теперь я не подам Вам руки» (Доклад судебного следователя по особо важным делам Н. А. Соколова вдовствующей императрице Марии Феодоровне. 1919 г. // Последние дневники императрицы. С. 320).

¹¹⁷ Головин Н.Н. Указ. соч. С. 364.

оружию; при этом волонтеры и начальники не могут переносить служебные неудовольствия на свои личные отношения»¹¹⁸. Среди наиболее известных ударных частей был Корниловский отряд Юго-Западного фронта, позже развернутый в полк. Его командир Генерального штаба капитан М.О. Неженцев в одном из своих приказов писал: «От вас, г.г. офицеры, я требую, чтобы вы были в полной мере начальниками, показывающими вашим подчиненным пример воина — человека долга и порядка. Вы должны быть и в часы вашего досуга среди солдат, беседовать с ними, разяснять им все их сомнения, колебания... В отряде должна быть прочная спайка, достигаемая взаимным доверием, общностью интересов и любовью к тому делу, для которого мы собраны...»¹¹⁹ Иными словами, был востребован новый тип войскового командира — демократичного, близкого к солдатской массе, собственно, смотрящего на мир глазами солдата.

Первая мировая война создала предпосылки для появления таких офицеров, поскольку в ходе ее командный состав русской армии обновился на 7/8. Некомплект офицеров еще накануне войны составлял 3380 человек¹²⁰ при общей численности тогдашнего офицерского корпуса в 52 270 человек¹²¹. Значительная и быстрая убыль довоенного офицерства, в котором преобладали выходцы из дворян, в ходе боев¹²², а также необходимость общего увеличения

¹¹⁸ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приложение к приказу № 439 от 13 июня 1917 г.

¹¹⁹ Цит. по: Корниловский ударный полк. С. 16.

¹²⁰ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. С. 22.

¹²¹ Панов И.Н. Указ. соч. С. 11.

¹²² Наибольшая убыль в ходе войны наблюдалась в пехотных полках, потерявших убитыми и ранеными несколько комплектов личного состава (от 300 до 500 и более %), в т. ч. офицерского. Значительно ниже, хотя тоже существенными, были потери офицеров в кавалерии и артиллерии. Так, в полевой артиллерии они составляли от 15 до 40 % (Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. С. 51).

По мнению автора, такое развитие событий явилось одним из ярких проявлений кризиса царизма, который без колебаний и сожалений бросил в топку войны одну из своих главных опор — кадровую армию с любовно выпестованным ранее кадровым офицерским составом и быстро потерял ее в ходе бездарно ведущихся боевых действий. В ноябре 1916 г. 28 членов Государственной Думы и Государственного Совета, входившие в состав Особого Совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства, составили докладную записку на имя Николая II, в которой, в частности, говорилось: «...Молодые офицеры... не берегли себя; не берегли их, а с ними вместе и армию, и высшие

численности офицерского корпуса, вызванная войной¹²³, вынудили царское правительство шире привлекать в ряды войсковых командиров выходцев из буржуазных, разночинских и мелкобуржуазных слоев, что неминуемо вело к демократизации офицерства¹²⁴. 8 марта 1917 г. командир 49-го армейского корпуса Юго-Западного фронта генерал В.И. Селивачев записал в своем дневнике: «...даже гвардия не имеет прочного надежного кадра старых офицеров, не говоря уж об армии, сплошь состоящей из третьего сословия — извозчиков, печников и т. п.»¹²⁵. К осени в пехотных полках кадровые офицеры составляли только 4 % всех командиров (1-2 офицеров на полк), остальные 96 % были офицерами военного времени, т. е., мо-

начальники. В армии прочно привился... взгляд... что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к победе ценою человеческой крови» (цит. по: Головин Н.Н. Указ. соч. С. 109).

¹²³ За период Первой мировой войны в офицеры было произведено больше лиц, чем за всю предшествующую историю русской армии (Волков С.В. Российское офицерство как служилое сословие. С. 521-522). Осенью 1917 г. офицерский корпус насчитывал 296 000 человек (Панов И.Н. Указ. соч. С. 11), в т.ч. в действующей армии числилось 208 000 офицеров (Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 120).

¹²⁴ См.: Гаркавенко Д.А. Социальный состав Вооруженных Сил России в эпоху империализма // Революционное движение в русской армии в 1917 году. Сб. статей. М., 1981. С. 33.

Следует иметь в виду, что ротация командных кадров вследствие убыли происходила в разных эшелонах офицерского корпуса по-разному. Например, к 1 января 1917 г. из строя вышло 208 генералов и 3368 штаб-офицеров, в результате чего и генералитет и штаб-офицерство сохранили преимущественно дворянский характер. В октябре 1916 г. в пехоте было 43 % офицеров-дворян, в артиллерии — 72 %, в кавалерии — 76 %, в инженерных войсках — 90 % (Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 43, 42).

Трудно согласиться с утверждением некоторых исследователей о демократичности дореволюционного офицерства на основании того, что даже среди генералов встречались выходцы из крестьян. В 1913 г., например, генералитет состоял более, чем на 89 % из дворян по происхождению, и лишь 2,9 % составляли представители податных сословий, т. е. крестьян и мещан. Среди штаб-офицеров потомственные дворяне составляли 72,6 %, а среди обер-офицеров — 50,4 %, в то время как представители податных сословий — 11,23 и 27,75 % соответственно (Гаркавенко Д.А. Указ. соч. С. 33). Между тем согласно всеобщей переписи населения 1897 г. в России дворянство насчитывало около 2 млн человек, мещан было свыше 13 млн человек, а крестьян — почти 97 млн при общей численности населения страны 125 млн человек (Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Краткие общие сведения по империи. Распределение населения по главнейшим сословиям, вероисповеданиям, родному языку и по некоторым занятиям. Б/м, 1905. С. 17).

¹²⁵ Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 111.

билизованными в армию гражданскими лицами и произведенными в офицерский чин солдатами, отличившимися в боях¹²⁶. До 80 % прапорщиков уже были по происхождению крестьянами и лишь 4 % — дворянами¹²⁷.

Демократизация офицерского состава способствовала размыванию его корпоративный замкнутости и появлению противостояния в самой офицерской среде, где уже на момент Февральской революции «далеко не было той нравственной спайки, которая создавала бы... одну сплоченную организацию. Если в душе солдата с первых моментов озарившей Россию свободы вспыхнуло неприязненное чувство к офицеру, то в равной степени и у последнего всплыли наружу чувства недоверия к высшему командному составу»¹²⁸. Война породила определенную враждебность между кадровыми офицерами и офицерами военного времени (первые между собой называли вторых недоносками) и пренебрежительное отношение офицеров-фронтовиков к офицерам тыла¹²⁹. Революция добавила новые внутрикорпоративные противоречия политического характера. Так, в июне 1917 г. в 443-м пехотном Соснинском полку, том самом, которому в мае было торжественно вручено красное знамя Союза Социалистов Народной Армии, за пропаганду неповиновения войсковым начальникам и Временному правительству была арестована группа военнослужащих полка, среди которых находилось три офицера (два подпоручика и штабс-капитан)¹³⁰.

Помимо демократизации офицерского корпуса перед постфевральской властью России стояла проблема простого восполнения убыли командиров в действующей армии, доставшаяся ей в наследство от царских времен. Поэтому, когда 4 марта были упразднены охранные отделения и Отдельный корпус жандармов, а 10 марта — департамент полиции, их служащие были поставлены на учет «для

¹²⁶ Вследствие отсутствия у офицеров военного времени фундаментального военного образования предельным чином, до которого они могли дослужиться, был чин подполковника (до революции производство в полковники означало присвоение наследственного дворянства, в то время как предыдущие офицерские чины давали офицеру только личное дворянство).

¹²⁷ Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе республики Советов. С. 26-27.

¹²⁸ Бурский П.Д. Указ. соч. С. 2.

¹²⁹ Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 75.

¹³⁰ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 201.

назначения в армию»¹³¹. Приказом по военному ведомству № 251 от 29 апреля ввиду расформирования Отдельного корпуса жандармов и жандармских управлений железных дорог их личный состав был распределен на три категории. Те, кто выслужил полный срок службы, по их желанию могли быть уволены в отставку; из оставшихся же годные к службе направлялись в резерв действующей армии, а признанные негодными — в тыловые войсковые учреждения¹³².

Летом 1917 г. первый военный министр Временного правительства А.И. Гучков, уже ушедший к тому времени в отставку со своего поста, добровольно поступил на военную службу в 1-й Екатеринбургский полк Кубанского казачьего войска в чине прапорщика¹³³, пополнив таким образом офицерский состав армии. Его шаг был показателен в условиях, когда до 17 % офицеров, находившихся в запасных частях с 1914 г., еще ни разу не были на передовой¹³⁴, а фронтовики, попавшие в тыл по болезни или ранению, нередко стремились остаться там, осев в различных частных и общественных благотворительных и санитарных организациях¹³⁵. В связи с этим еще 20 марта тот же Гучков предписал «всем командующим войсками и главным начальникам в военных округах, а равно и начальникам Главных управлений Военного министерства проверить в наикратчайший срок личный офицерский и солдатский состав в подчиненных им штабах, управлениях и разного рода тыловых учреждениях и оставить в них лишь строго необходимое для правильного хода занятий количество офицеров и солдат, а всех остальных направить в запасные части для подготовки и дальнейшего отправления на укомплектование армии... незамедлительно»¹³⁶. В апреле он обратился с воззванием к офицерам, служившим в общественных организациях: «...Граждане офицеры!.. защищая Отчизну, пали смертью храбрых многие наши братья-офицеры. В частях войск острый недостаток в командном составе. Каждый офицер на счету. В общественных организациях вас сменят офицеры, не способные

¹³¹ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 3. С. 89.

¹³² Приказы по военному ведомству. 1917. С. 248-249.

¹³³ Врангель П.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 35; Сенин А.С. Александр Иванович Гучков. С. 129.

¹³⁴ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 222.

¹³⁵ Там же. С. 302.

¹³⁶ Там же. С. 135-136.

к ратной службе, и чиновники. Армия ждет вас, граждане офицеры, в свои ряды! С горячим призывом обращаюсь также и ко всем общественным организациям, работающим на нужды армии, возможно скорее освободить для службы в строю всех здоровых офицеров, заменив их чиновниками и офицерами, не способными к строевой службе...»¹³⁷.

22 мая новый военный министр А.Ф. Керенский издал приказ об откомандировании здоровых офицеров, служивших в указанных организациях, в течение трех недель «в распоряжение дежурных генералов фронтов и начальников штабов округов для отправления затем в строевые части действующей армии». Неявившиеся считались дезертирами¹³⁸. 18 июня, в день перехода русской армии в наступление, Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет крестьянских депутатов в своем обращении к армии призвали: «...Солдаты и офицеры тыла! Маршевыми ротами, целыми полками по первому приказу идите на фронт!»¹³⁹. 26 июня Керенский издал приказ, требовавший «ввиду нужды в строю и в тыловых частях в офицерах, всех офицеров, прикомандированных к кадетским корпусам, переосвидетельствовать и признанных годными к службе в строю откомандировать от корпусов...»¹⁴⁰. 8 августа Верховный главнокомандующий генерал Корнилов приказал «произвести

¹³⁷ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 132. В августе 1917 г. правительство сделало оговорку относительно военнослужащих, избранных в земские и городские органы: «Признать, что вопрос о предоставлении отсрочек по призыву в действующую армию солдатам и офицерам, избираемым на должности в исполнительных органах земского и городского самоуправления, а равно об откомандировании таковых лиц из частей армии или флота всецело относится к компетенции Военного и Морского министерств... Учитывая, однако, крайний недостаток на местах в опытных общественных деятелях, знакомых с городским и земским хозяйством, и придавая самое серьезное значение скорейшему образованию органов местного самоуправления, предложить Военному и Морскому министерствам относиться с самым серьезным вниманием ко всем ходатайствам в этом отношении, отнюдь, однако, не поступаясь интересами государственной обороны» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1690. Л. 138 об.-139).

¹³⁸ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 302.

¹³⁹ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 528 от 25 июня 1917 г.

¹⁴⁰ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 471. Офицеров — преподавателей военных училищ начали отправлять на фронт в конце 1916 г. (Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 28).

проверку офицеров запаса в целях выделения из их числа лиц, могущих нести службу в строю офицерами третьей категории, а где возможно, и чиновниками»¹⁴¹. 23 октября 1917 г. с целью поднятия престижа службы в действующей армии для фронтовиков-офицеров, военных врачей, военных чиновников, священников и солдат были введены специальные нарукавные знаки — по одному за каждые шесть месяцев пребывания на передовой (не далее штаба полка)¹⁴². Требования о водворении здоровых офицеров и солдат тыла на передовую выдвигались на протяжении всего года революции и личным составом фронтовых частей¹⁴³. Однако кардинально решить задачу так и не удалось.

Завершая рассмотрение проблемы влияния Февраля на кадровую политику в русской армии, можно констатировать, что последняя определялась тремя факторами: необходимостью для новой власти обеспечить лояльность войск по отношению к себе; ее усилиями по повышению их боеспособности и попытками преодолеть возникшую острую рознь между солдатами и офицерами. Необходимость решать все эти труднейшие задачи одновременно и в кратчайший срок в условиях продолжающейся войны и развития революционного процесса обусловили предельное напряжение сил как самой армии, так и всего русского общества. При этом вследствие социальной неоднородности и армии и социума избирались различные, подчас противоположные пути решения указанных проблем: то, что казалось приемлемым новой власти (а она, напомним, тоже имела две основные ипостаси), часто не удовлетворяло армию; то, на что соглашалось армейское командование, отвергалось войсковыми низами, и, наоборот, что вело к сумбурности, спонтанности, повышенной нервозности и не всегда оправданному радикализму кадровой политики, проводимой в армии в новое время. Так, если правительственная чистка командного состава проводилась путем законодательно регламентированной деятельности официальных структур и была направлена главным образом против генералитета, то солдатская, как правило, — методом прямого революционного действия и направлялась прежде всего на наиболее «досягаемых» для нее представителей старшего, среднего и младшего звеньев

¹⁴¹ Кузнецов Д.А. Указ. соч. С. 28.

¹⁴² Приказы по военному ведомству, 1917. С. 770–771.

¹⁴³ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 341.

офицерского корпуса. Поэтому в то время, как основными формами правительственной чистки являлись отстранение от должностей, понижение в них и чине, увольнение военнослужащих из армии вообще, временных арестах и тюремном заключении; то нижние чины прибегали к срыванию с лиц командного состава погон, изгнанию их из частей, арестам с последующей передачей в руки официальных властей и самосудам, приводившим к увечью и гибели офицеров.

Репрессии Временного правительства затронули штаб- и оберофицеров дважды: сначала после событий 3-5 июля в Петрограде, когда они были применены к представителям офицерства, участвовавшим в революционном выступлении солдат, и после подавления мятежа генерала Корнилова — против его сторонников, что совпало в тот момент с вектором солдатской чистки командного состава. Вследствие этого облик военной машины государства постепенно менялся, однако отнюдь не в сторону ее усиления и укрепления монолитности рядов. Социальные конфликты, пробившие брешь и в толще армии, не удалось преодолеть пусть и вполне демократическими и затрагивающими самые ее основы политическими мероприятиями.

Впрочем, само проведение последних отвечало запросам революции по демократизации и модернизации жизни страны, в т. ч. и институтов государства. В несомненную заслугу Февраля можно поставить значительное расширение социальной базы офицерского корпуса, стремление выдвигать на командные посты разного уровня военнослужащих исключительно по их профессиональным достоинствам; попытки сближения юридических и материальных позиций солдат и командного состава. Все это при правильном проведении в жизнь, широких социальных реформ в гражданской части общества и наличии достаточного времени, возможно, и могло дать определенные положительные результаты, не разрушив, а, напротив, пересоздав армию. В имевшихся же условиях старые Вооруженные Силы не смогли адекватно ответить на вызовы времени в области своего обновления. Реформирование лишь обострило проблемы, которые государство и сами военные пытались преодолеть, и в конечном итоге привело к распаду армии.

Единственным примером того, какой могла бы быть новая армия постфевральской России, выступили ударные добровольческие формирования

УДАРНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ АРМИИ В 1917 Г. ФОРМИРОВАНИЯ «СМЕРТИ»

Они стали самым знаковым нововведением в русской армии в 1917 г., хотя создание специальных штурмовых подразделений с задачей прорыва укрепленных позиций противника началось несколько ранее. Этому способствовали приобретение войной в 1915 г. преимущественно позиционного характера и организация таких формирований в войсках других стран из состава воюющих коалиций. В армии России в качестве штурмовых стали комплектовать команды бомбометателей при ротах в пехотных частях и гренадерские взводы при пехотных и стрелковых полках, в которые командирам рекомендовалось «избирать людей смелых и энергичных», тем более что все равно «безоружных... по недостатку винтовок имеется достаточное число в каждой дивизии»¹⁴⁴.

Документом, заложившим основу системы русских ударных войск в 1917 г., вероятно, следует считать приказ временно командующего Особой армией Юго-Западного фронта генерала от инфантерии П.С. Балужева № 109/10 от 2 февраля 1917 г., который гласил: «Германцы, ввиду понизившегося боевого уровня своей пехоты, образовали особые отборные части... для обеспечения успеха частных активных предприятий (действий. — С.С.) в период позиционной войны. Практика показала, что части эти действительно достигают сравнительно легко нужного успеха и что действия их всегда отличаются смелостью, согласованностью и видимым основательным изучением всеми людьми поставленных задач и способов их достижения... боевые предприятия этих частей... нередко наносят нам существенный вред... считаю необходимым организовать у нас специальные “ударные отряды” для того, чтобы дать в руки начальникам надежное средство для проявления частной (боевой. — С.С.) активности с достижением положительных результатов на фронте при обороне и вместе с тем создать кадр хорошо обученных смельчаков, применение которых при наступлении пехоты придаст ему большую живость и уверенность». Командарм приказал выделить из

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 284. Л. 2; Сергеев П. Указ. соч. С. 106–107; Корнаков П., Юшко В. Второе рождение гренадер. Штурмовые команды российской армии. 1915–1917 // Цейхгауз. 1995. № 4. С. 20.

каждого полка «по 150 человек из самых отважных, смелых и решительных людей» и подчеркнул, что «ударные отряды назначаются исключительно для активных действий — атак или контратак». Формирование и обучение новых подразделений следовало закончить к 1 марта 1917 г. Завершался приказ словами: «Я буду счастлив считать службу в “ударных отрядах” особенно почетной, буду внимательно следить за их работой и отмечать каждое их удачное дело»¹⁴⁵. Т. о., организация специальных штурмовых формирований в тот момент преследовала цели исключительно военного характера.

Февральская революция придала ударничеству новое звучание, дополнив его элементами политической ангажированности и добровольчества как принципа комплектования. 29 апреля 1917 г. член правления Торгово-Промышленного банка князь С.В. Кудашев представил на имя военного министра А.И. Гучкова записку, в которой говорилось: «Необходимо демонстрировать в армии доблесть и организованность частей, которые увлекали бы на подвиг основную массу... Этот принцип... широко применяется во Франции в так называемых штурмовых колоннах, которые особо подбираются, чтобы идти на верную смерть... Этот принцип, видоизмененный применительно к русским условиям, может возродить русскую армию. Поэтому... представляется необходимым во всех армиях фронта создать особые “ударные” единицы, большею частью обреченные на истребление, которые должны быть составлены исключительно из добровольцев, так как подвиг может быть таковым, только если он является результатом свободной воли».

Для обеспечения успеха банкир предлагал предоставлять семьям волонтеров пенсии в размере заработка последних до поступления на военную службу, а в случае гибели ударников заносить имена погибших в особые списки и выдавать их семьям специальные почетные свидетельства. Устав штурмовых частей должен был, по его мнению, отличаться от устава остальной армии наличием ряда привилегий и требованием повышенной дисциплины. Князь был уверен, что новые формирования смогут быстро «пересоздать теперешние психически бесформенные войска в армию с определенно устремленной к победе волей»¹⁴⁶.

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 523. Л. 70.

¹⁴⁶ Чаадаева О. Указ. соч. С. 62–63; Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 187–188.

Свидетельством того, что нововведение назрело, явились аналогичные проекты, вновь вышедшие из военной среды. В начале мая 1917 г. помощник старшего адъютанта разведывательного отделения штаба 8-й армии Юго-Западного фронта Генерального штаба капитан М.О. Неженцев представил командующему армией генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову доклад «Главнейшая причина пассивности нашей армии и меры противодействия ей», в котором предложил немедленно начать формирование при штабах армий и корпусов, а также во всех полках действующей армии ударных отрядов из добровольцев, готовых без колебаний пожертвовать собой во имя победы. Такие отряды, по мнению капитана, следовало бросать на прорыв самых укрепленных позиций противника, чтобы они своим примером воодушевляли остальные войска. Неженцев просил разрешить ему приступить к организации одного из отрядов лично и 19 мая такое разрешение получил¹⁴⁷.

В это же время к главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу А.А. Брусилову поступил проект преподавателя Одесской школы прапорщиков капитана М.А. Муравьева¹⁴⁸ о формировании ударных частей из добровольцев тыла¹⁴⁹. Кроме того, на этот же фронт из г. Севастополя с целью агитации за дисциплину и порядок прибыла делегация от военного и коммерческого флотов Черного моря, рабочих и солдат черноморских гарнизонов в количестве 190 человек, возглавлявшаяся и. д. начальника штаба отдельной Черноморской морской дивизии полковником А.И. Верховским, матросом 2-й статьи Ф. Баткиным и другими лицами, в основном представлявшими партию эсеров¹⁵⁰. 13 мая члены делегации совместно с инициативной группой солдат и офицеров Юго-Западного фронта во главе с вышеупомянутым капитаном Муравьевым и подпоручиком Данаусовым обратились к генералу Брусилову и новому военному министру Керенскому с заявлением о необходимости создания особых ударных революционных батальонов из волонтеров Центральной России, «чтобы этим вселить в армию веру, что весь

¹⁴⁷ Корниловский ударный полк. С. 14.

¹⁴⁸ М. А. Муравьев — в будущем первый командующий Восточным фронтом РСФСР в ходе гражданской войны.

¹⁴⁹ Кибовский А. Указ. соч. С. 30.

¹⁵⁰ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в мае-июне 1917 г. С. 603; Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 73.

русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов с тем, чтобы при наступлении революционные батальоны, поставленные на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собою колеблющихся»¹⁵¹.

16 мая это заявление поддержал экстренно собравшийся съезд делегатов Юго-Западного фронта, который «нашел необходимым для усиления мощи и революционного духа армии, для защиты свободы и закрепления завоеваний революции, от успеха которой зависит свобода демократии не только России, но всего мира, пополнить армию добровольческими революционными батальонами для образования ударных групп»¹⁵². Председательствовавший на съезде генерал Брусилов¹⁵³ отправил в адрес Верховного главнокомандующего генерала Алексеева две телеграммы: с текстом резолюции съезда и с сообщением о направлении матроса Баткина в Петроградский Совет «с просьбой санкционировать и широко поддержать идею создания ударных революционных батальонов», которые рассматривались генералом как части будущей новой армии. Помимо этого, Брусилов просил Главковерха отдать приказ о срочной вербовке «волонтеров в военно-учебных заведениях, во флоте и крепостях Черного моря»¹⁵⁴. Брусилов также известил о резолюции фронтового съезда военного министра Керенского, совершавшего поездку по Юго-Западному фронту. Тот «изъявил согласие... принять меры формирования на Юзфронте ударных батальонов из охотников (добровольцев. — С.С.) его» и отправил 18 мая соответствующую телеграмму в Военное министерство¹⁵⁵. Наконец, 23 мая вышло воззвание Исполнительного (высшего войскового) комитета Юго-Западного фронта с призывом ко «всем товарищам солдатам и офицерам, в коих жив дух свободы, записаться через полковые комитеты в состав ударных войск с тем, чтобы в нужный момент примером личной доблести

¹⁵¹ Кибовский А. Указ. соч. С. 30.

¹⁵² Разложение армии в 1917 году. С. 64.

¹⁵³ 27 июня 1917 г. на соединенном заседании Центрального Комитета по формированию революционных батальонов при Ставке Верховного главнокомандующего и аналогичного комитета по формированию при штабе Юго-Западного фронта Главковерх генерал Брусилов был избран верховным председателем всех фронтовых комитетов по формированию революционных батальонов (Иванов Д. Указ. соч. С. 112).

¹⁵⁴ Разложение армии в 1917 году. С. 65.

¹⁵⁵ Кибовский А. Указ. соч. С. 31.

и самоотвержения зажечь огонь любви к Родине и свободе, тлеющий в сердце каждого солдата и офицера, повести их в решительный бой за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народностей...», и начать организацию добровольческих штурмовых формирований во всех частях фронта. Воззвание было включено в обращение уже ко всей армии генерала Брусилова, ставшего в те дни Верховным главнокомандующим¹⁵⁶, причем Главковерх просил считать себя первым записавшимся в ударники. Он также сообщал в приказе, что на Юго-Западном фронте началась организация первого добровольческого батальона смерти.

В качестве отличительного знака его военнотружущим была присвоена на форму красно-черная лента. Исходя из этого, Верховный главнокомандующий учредил для всех «смертников» специальную отличительную эмблему: «красно-черный шеврон на правом рукаве углом вниз»¹⁵⁷. Девизом ударников был провозглашен лозунг: «За землю и волю, за мир всего мира с оружием в руках — вперед!» Брусиллов выразил желание увидеть «запись (в ударники. — С.С.) в полном составе целых частей революционных армий Юго-Западного фронта»¹⁵⁸. Эту инициативу поддержали и на других фронтах, в частности, Западном, которым тогда командовал генерал-лейтенант А.И. Деникин¹⁵⁹. И массовое создание новых формирований — батальонов смерти началось немедленно.

¹⁵⁶ Следует отметить, что проект капитана Муравьева предусматривал привлечение волонтеров из тыла, в то время как воззвание съезда Юго-Западного фронта — солдат и офицеров действующей армии. При этом обе категории добровольцев назывались ударниками.

¹⁵⁷ Довольно часто цветовой и изобразительная символика на форме военнотружущих батальонов смерти несколько отличалась от официально установленной. Так, в 9-й армии Румынского фронта «штурмовики» носили на рукавах повязки, сделанные из красной ленты с нарисованной на них белой краской эмблемой бессмертия (череп с костями) (РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 67. Л. 360), а для «смертников» 48-й пехотной дивизии этой же армии, кроме того, были введены отличительные головные уборы — «сербские шапочки», к которым предписывалось прикрепить слева красный бант или розетку и которые следовало носить сдвинутыми на правую бровь (РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 67. Л. 361 об.; Юшко В. Указ. соч. С. 112). Командующий Особой армией Юго-Западного фронта своим приказом № 461/48 от 11 мая 1917 г. разрешил «всем чинам ударных частей» иметь «обшивку из черных лент по рукавам и у ворота рубах, как у пулеметчиков или конных разведчиков» (РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 523. Л. 209 а). И т. д.

¹⁵⁸ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 153–154.

¹⁵⁹ Разложение армии в 1917 году. С. 64.

Они организовывались сверхштатно из добровольцев фронта при дивизиях действующей армии. Отпуск на них дополнительных средств от казны, во всяком случае, первоначально, не предусматривался. Комплектование, довольствие, в т. ч. денежное, и обеспечение батальонов смерти вооружением и конским составом являлось заботой самих дивизий¹⁶⁰. Поэтому нередко в результате хозяйственных затруднений создание штурмовых формирований прекращалось. Так произошло, например, с ударными эскадронами Гвардейского кавалерийского корпуса Особой армии Юго-Западного фронта¹⁶¹.

Военнослужащие, переходившие в батальоны смерти, считались в своих частях и учреждениях находящимися в командировке¹⁶². С целью упорядочения процесса формирования штурмовых войск в дивизиях образовывались специальные комиссии¹⁶³. Батальоны смерти имели усиленные штаты и должны были быть обязательно укомплектованы полностью. При этом не исключалось, что число добровольцев может превысить необходимое количество людей, и предусматривался «выбор наиболее сильных, выносливых и побывавших в боях» претендентов, а остальные подлежали записи в резерв каждого батальона смерти для последующего пополнения убыли личного состава. Для поощрения добровольцев, а также восстановления их сил и восполнения обмундирования после напряженной боевой подготовки командование стремилось обеспечить «смертников» улучшенным питанием и новым обмундированием. Так, в одном «Постановлении по организации и формированию батальонов смерти» указывалось: «...командующий армией приказал выдавать им усиленную пищу... А также, ввиду сильного изнашивания при обучении одежды, на каждого солдата иметь в запасе комплект нового обмундирования для носки в свободное время. Тотчас по сформировании в батальоне смерти вся рваная и сильно поношенная одежда на солдатах должна быть заменена новой... Сапоги выдаются новые. Каски должны быть выданы полками всем солдатам батальона смерти перед их отправлением в батальон»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 321, 327, 342, 351, 362 об., 388 об., 400, 447 об., 480, 570.

¹⁶¹ Там же. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 284. Л. 311, 312, 314–316.

¹⁶² Там же. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 321, 362 об., 388 об., 400.

¹⁶³ Там же. Д. 22. Л. 111.

¹⁶⁴ Там же. Л. 360–361.

Однако при плохом снабжении действующей армии¹⁶⁵ выполнить эти требования было непросто. Поэтому, например, в сентябре 1917 г. военнослужащим батальона смерти 2-й пехотной дивизии Румынского фронта дважды выплачивали деньги «за недоед», т. е. денежную компенсацию за неполученные продукты¹⁶⁶. Возможно также, что усиленное снабжение штурмовых батальонов вызвало отрицательную реакцию в войсках, в том числе в частях, давших коллективные клятвы смерти (т. е. клятвы идти в бой по первому требованию командования), поскольку личному составу последних полагались только эмблемы ударников на форму — кокарда в виде знака бессмертия и красно-черный шеврон-угол на рукав¹⁶⁷. Да и сами «смертники» не всегда это поддерживали. Так, в июле 1917 г. войсковой комитет батальона смерти 188-й пехотной дивизии Румынского фронта после обсуждения вопроса в ротах и командах батальона «постановил отказаться от всех преимуществ, которые дает поступление в батальон смерти, и впредь получать довольствие и обмундирование лишь в той мере, в какой получают это все солдаты русской армии»¹⁶⁸. То же самое иногда высказывалось даже в отношении символики «смертников». К примеру, общее собрание батареи смерти 15-го Сибирского артиллерийского дивизиона постановило отказаться от всяких отличий, присваиваемых ударно-штурмовой артиллерии, т. к. они «вносят разлад между пехотой и артиллерией, который и без того силен»¹⁶⁹. Наконец, имели место случаи, когда часть, принеся клятву смерти, отказывалась даже от причисления ее к частям смерти и, соответственно, от присвоения каких-либо отличительных знаков, «считая это излишним»¹⁷⁰.

В подразделениях и батальонах смерти значительное внимание уделялось выработке крепчайшей «спайки» между военнослужащими, развитию чувства взаимной выручки «до крайних пределов», твердости характера и выносливости, как физической, так и моральной¹⁷¹, а также воспитанию солдат и офицеров в духе

¹⁶⁵ Подробно об этом см.: Френкин М. Указ. соч.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 444, 480.

¹⁶⁷ Там же. Л. 310, 318 об., 326, 225 об.

¹⁶⁸ Там же. Д. 67. Л. 381.

¹⁶⁹ Чаадаева О. Указ. соч. С. 67.

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1142. Л. 276.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 67. Л. 361 об.

жертвенного служения революционной Родине, которое начиналось с подписания каждым добровольцем клятвенного обещания «беспрекословно, по первому требованию... начальников... атаковать противника, когда и где мне будет приказано»¹⁷².

С целью всемерной популяризации ударничества коллективные клятвы смерти соединений, частей и подразделений доводились до сведения остальных войск. Так, в приказании Верховного главнокомандующего от 21 июня 1917 г. содержался текст постановления общего собрания трех пулеметных команд 2-го Сибирского стрелкового полка Западного фронта от 4 июня, включавший клятву смерти: «Выслушав приказ Военного министра о наступлении, мы заявляем, что призыв нашего вождя является для нас обязательным и беспрекословным, почему всякое его обсуждение неуместно и недопустимо, а потому по первому его приказу через наших начальников готовы, как один, двинуться на врага в любой момент с имеющимися налицо силами и средствами, принеся себя в жертву на алтарь свободы»¹⁷³. В своем первом обращении к войскам по поводу создания ударных формирований генерал Брусилов потребовал в кратчайший срок представить списки «смертников» в Исполнительный комитет Юго-Западного фронта для того, чтобы Главковерх мог ходатайствовать перед будущим Учредительным Собранием об увековечивании имен «тех истинных солдат революции, которые в критический момент решения судьбы России встали грудью на защиту свободы для спасения Родины»¹⁷⁴. В постановлении о создании батальонов смерти 48-й пехотной дивизии Румынского фронта высказывалось пожелание «возбудить ходатайство об обнаружении в газетах списка добровольцев, поступивших в батальон смерти, а также сообщения на места родины добровольцев об их героизме и решимости вести борьбу до победного конца»¹⁷⁵. Общее собрание 49-й артиллерийской бригады постановило выработать проект, «как увековечить имена... истинных героев, которые для спасения Родины решают безусловно пожертвовать

¹⁷² РГВИА. ф.2620. Оп.2. Д.67. Л.362; Огонек. 1917. № 35. С. 334. Установленной формы коллективной клятвы смерти не существовало. Все тексты клятв являлись плодом творчества военнослужащих на местах (РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 523. Л. 258).

¹⁷³ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1690. Л. 35.

¹⁷⁴ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 154.

¹⁷⁵ Там же. Л. 154; Ф. 2620. Оп. 2. Д. 67. Л. 360.

жизнью и вступить грудью на защиту свободы»¹⁷⁶. Почетным ударником был объявлен Военный министр А.Ф. Керенский¹⁷⁷. И т. д.

Ввиду того, что батальоны смерти являлись «единокровными», хотя и сверхштатными частями армии, на них распространялись все нормы ее политической жизни в условиях революции, в том числе и требование формирования ротных, командных и батальонных комитетов¹⁷⁸ (более мелкие штурмовые единицы делегировали своих представителей в комитеты своих полков¹⁷⁹), которые занимались обычной предписанной им деятельностью¹⁸⁰. Кроме этого, «смертники» принимали активное участие в политических мероприятиях, проводившихся в стране, к которым привлекались представители армии, и во внутривойсковых. Так, 4 октября 1917 г. комитет батальона смерти 2-й пехотной дивизии (Румынский фронт) направил своих представителей в дивизионный комитет «для выборов... делегата на Всероссийский демократический съезд Советов в Петрограде»¹⁸¹, а в ноябре старший унтер-офицер 2-й роты этого батальона С. Тарасенко участвовал в работе Украинского съезда военнослужащих Румынского фронта¹⁸². Представители батальонов смерти вошли в военно-революционные комитеты, появившиеся в армии после Октябрьской революции¹⁸³, а также комиссии, создававшиеся на фронте для ведения переговоров о перемирии с представителями противостоящих частей противника¹⁸⁴. Как и в других частях русской армии, в указанных батальонах были сформированы дисциплинарные и батальонные суды¹⁸⁵.

Вооруженные Силы к движению фронтового ударничества отнеслись неоднозначно. С одной стороны, находились солдаты и офицеры, которые, движимые патриотическим порывом, стали

¹⁷⁶ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 271.

¹⁷⁷ Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 69.

¹⁷⁸ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II. 6.9.1. Ед. хр. 36951/11. Л. 3 об. Комитеты в батальонах смерти сохранились до конца существования самих батальонов (см., например: РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 606).

¹⁷⁹ Войсковые комитеты действующей армии. С. 292, 466.

¹⁸⁰ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 41. Л. 18 об.

¹⁸¹ Там же. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.

¹⁸² Там же. Ф. 2332. Оп. 1. Д. 7. Л. 2 об.

¹⁸³ Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 196–197.

¹⁸⁴ Войсковые комитеты действующей армии. С. 425.

¹⁸⁵ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II. 6.9.1. Ед. хр. 36951/11. Л. 3 об.

переходить в штурмовые формирования. Как писал в докладной записке начальнику своей команды один из них, «сознавая тяжелое положение родины и слободы (стилистика оригинала. — С.С.) и видя, что жизнь всей страны поставлена на карту, желая умереть за родину и слободу в первых рядах революционной армии, прошу Вашего ходатайства о скорейшем откомандировании меня в батальон смерти»¹⁸⁶. Отдельные военнослужащие вносили добровольные пожертвования на нужды этих батальонов¹⁸⁷. Росло число частей и соединений, принявших коллективные присяги для боя (клятвы смерти), среди которых была даже одна интернациональная, т. е. укомплектованная иностранными гражданами: клятву смерти принял 3-й Чешский Яна Жижки стрелковый полк¹⁸⁸.

С другой стороны, не удалась попытка создания «революционных» штурмовых формирований у латышских стрелков¹⁸⁹. В войсках присутствовала и такая точка зрения, что батальоны смерти излишни, «раз есть революционная армия. Таковые организации нужны лишь империалистам, как нашим, так и союзным с нами, которым крайне желателен раскол революционной армии»¹⁹⁰. Видимо, неслучайно появлялись и постановления войсковых комитетов, аналогичные следующему: «...По поводу наблюдающегося в полку неправильного взгляда на сформированную “роту смерти”, выражающегося в превратном истолковании ее назначения, разъяснить всем тов(арищам) солдатам истинное значение “роты смерти” и смысл ее формирования, а именно, что эта рота, являясь образцом в военном отношении, служит, как и все такие части в армии лучшим примером идейного стремления солдата послужить Родине и свободе в тяжелую для них пору в борьбе с внешним врагом и что поэтому “рота смерти” должна заслуживать со стороны каждого честного солдата только подражание и уважение»¹⁹¹. Или:

¹⁸⁶ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 67. Л. 619.

¹⁸⁷ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 3. Л. 337. Пожертвования поступали и от гражданских лиц. Так, от русской колонии в Шанхае в августе 1917 г. было передано 5411 рублей 89 копеек «в пользу семейств убитых солдат батальонов смерти» (РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 3. Л. 327).

¹⁸⁸ Новый часовой. 1994. № 2. С. 135-137.

¹⁸⁹ Колпакиди А. Абинякин Р.М. Указ. соч. С.49. Белые латышские стрелки // Родина. 1996. № 1. С. 77.

¹⁹⁰ Войсковые комитеты действующей армии. С. 210.

¹⁹¹ Там же. С. 292-293.

«Товарищи! Кому дорога свободная Россия и кто желает защитить ее свободу не на словах, а на деле, тот последует примеру стрелкового полка 1 Гвардейской кавалерийской дивизии, 4 пех(отной) дивизии и 7-го кавалерийского корпуса, которые в полном составе записались в ударный батальон (т. е. приняли коллективные клятвы смерти и стали называться частями и соединениями смерти. — С.С.).

Товарищи! Не бойтесь этой записи. Записью своею мы только подтверждаем, что будем защищать свободную Россию...»¹⁹². Недалом 18 июня 1917 г. последовало еще одно обращение уже ко всем Вооруженным Силам (т. е. армии и флоту) с призывом записываться целыми частями в состав ударных войск. На сей раз оно исходило от исполнительного бюро Всероссийского Военного Союза — организации, призванной консолидировать всех военнослужащих во имя победы над Германией и ее союзниками. В воззвании, в частности, говорилось: «...Исполнительное бюро Всероссийского Военного Союза... обращается с горячим призывом ко всей армии, ко всему флоту и ко всякому, в чьей груди бьется русское сердце... объединиться под общим знаменем борьбы до последнего за честь, свободу и землю великой Родины. Наша задача... — восстановить боеспособность армии, поднять ее дух, спаять тесными узами братства по крови и оружию всех членов военной семьи, дружным, могучим ударом принудить врага освободить порабощенные, истерзанные земли наши...»¹⁹³ Именно Бюро, а затем сменивший его Временный комитет Союза стали органами, регистрирующими части смерти¹⁹⁴.

Но, несмотря на усилия государственной власти и командования, в Ставке вскоре появились списки частей, подлежащих исключению из состава штурмовых войск из-за отказа выступить на передовую или выполнить боевой приказ¹⁹⁵. В этой связи представляется характерной оговорка в одном из приказов Верховного главнокомандующего: «Для присвоения войсковой единице (или ее подразделению) названия “части смерти” необходимо, чтобы все чины части выразили на то свое желание, а не только один комитет ее»¹⁹⁶.

¹⁹² РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 180 об.

¹⁹³ РГВИА. Ф. 2992. Оп. 1. Д. 42. Л. 216.

¹⁹⁴ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1142. Л. 288; Иванов Д. Указ. соч. С. 113.

¹⁹⁵ Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 52.

¹⁹⁶ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 611 от 12 июня 1917 г.

С другой стороны, батальонам смерти не удалось и воодушевить своим примером массу «простых» войск, что вело к большим потерям самих «смертников»¹⁹⁷ и невозможности выполнить поставленные боевые задачи. Например, командир батальона смерти 188-й пехотной дивизии (Румынский фронт) докладывал в августе 1917 г. начальнику 2-й пехотной дивизии, к которой был прикомандирован батальон: «...сего дня, разъяснив людям задачу батальона, мне удалось поднять настроение до того, что солдаты мне ответили, что пойдут в атаку... но при этом я должен был уверить, что артиллерия подготовит атаку как следует и что мы наступать будем не одни, что соседи поддержат. Опасаюсь, что за ночь настроение может измениться, так как... солдаты 6-го Либавского полка говорят, что они категорически отказались идти в наступление. Мои солдаты указывают, что раз нас никто не поддержит, то и нам соваться нечего. Мои пулеметчики... тоже в атаку идти не хотят, так как у пулеметов нет щитков»¹⁹⁸. В конце концов в рядах «смертников» появились и дезертиры¹⁹⁹.

Тем не менее к моменту Октябрьской революции существовало 313 формирований «смерти», личный состав которых насчитывал свыше 600 тыс. человек, что позволило военным кругам обсуждать вопрос о создании «армии смерти»²⁰⁰. В событиях самой революции «смертники» приняли участие по обе стороны баррикад. Так, штурмовой батальон (батальон смерти) 73-й пехотной дивизии заявил, что «с негодованием заслушал известие о восстании петроградского гарнизона, руководимого большевиками», и «единодушно» выразил «свое глубокое презрение всем руководящим [органам] демократических и войсковых организаций, которые, позабыв свой долг перед родиной и революцией, бессовестно склонили свою голову перед чудовищной затеей большевиков, подчеркнув этим свое лицемерие и трусость в тот момент, когда, жертвуя жизнью, нужно вновь смело стать на сторону родины и свободы»²⁰¹. А военнотруж-

¹⁹⁷ Потери ударных формирований всех типов были, как правило, велики. Например, 279-й пехотный Лохвицкий полк смерти потерял половину своего личного состава в течение одного боя 10 июля 1917 г. (Чаадаева О. Указ. соч. С. 66).

¹⁹⁸ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 24. Л. 35.

¹⁹⁹ РГВИА. Ф. 2332. Оп. 2. Д. 282. Л. 4 об.

²⁰⁰ Иванов Д. Указ. соч. С. 114.

²⁰¹ Красный архив. 1925. Т. 1(8). С. 171-172.

щие отдельного Ревельского морского батальона смерти, наоборот, приняли непосредственное участие в восстании²⁰².

Батальоны смерти просуществовали до конца 1917 г.²⁰³, причем в октябре-ноябре еще шло их пополнение²⁰⁴. Однако установившееся после победы Октябрьской революции перемирие на фронте и начало официальной демобилизации старой армии привели к их расформированию. Военнослужащие-«смертники» возвращались на прежние места службы²⁰⁵. Туда же возвращалось и имущество, переданное в свое время в батальоны смерти, или его равноценная замена²⁰⁶. Кое-где на основе этих батальонов стали создавать другие формирования, в частности, национальные (не ударные)²⁰⁷. Имели место и случаи перехода батальонов смерти в «разряд» ударных «революционных» батальонов из волонтеров тыла, третью категорию ударных формирований русской армии в 1917 г., о которых речь впереди²⁰⁸. Части же и соединения смерти (вторая категория ударных формирований — те, что приняли коллективные клятвы смерти) подлежали расформированию в связи с демобилизацией армии в общем порядке.

УДАРНЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИЗ ВОЛОНТЕРОВ ТЫЛА

Судьба ударных частей из волонтеров тыла, история которых началась с упоминавшихся в начале главы проекта капитана Муравьева и инициатив черноморской делегации, сложилась

²⁰² Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 948.

²⁰³ Юридически их существование было прекращено приказом Верховного главнокомандующего прапорщика Н. В. Крыленко № 979 от 9 декабря 1917 г. Однако реально эти формирования просуществовали до конца декабря 1917 г. (РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 606).

²⁰⁴ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 490, 507, 560.

²⁰⁵ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 11. Л. 26 об.

²⁰⁶ Там же. Оп. 2. Д. 68. Л. 603.

²⁰⁷ Там же. Оп. 1. Д. 11. Л. 26. При Временном правительстве существовало несколько национальных ударных частей: 2-й и 5-й Армянские стрелковые полки (РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 759 от 5 августа 1917 г.), Украинский женский батальон смерти при 24-м запасном пехотном полку (Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. С. 177) и Грузинский революционный батальон из волонтеров тыла (РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1142. Л. 359-360) (последние два — в стадии формирования).

²⁰⁸ Кибовский А. Указ. соч. С. 35.

несколько иначе. Идея их создания в первый момент была встречена командным составом в штыки. «Опасным и вредным для армии» делом назвал организацию ударных батальонов Главный Комитет Союза офицеров армии и флота, находившийся в Ставке. Разложение войск, по мнению его членов, шло именно из тыла, а декларированные первоначально в новых частях отдельные революционные принципы — выборность командиров, отсутствие погон и прочее могли подать дурной пример фронту²⁰⁹. Чистейшей авантюрой считал проект Муравьева начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал А.С. Лукомский²¹⁰. Главковерх генерал М.В. Алексеев тоже писал 20 мая главнокомандующему Юго-Западным фронтом генералу А.А. Брусилову, активно поддержавшему инициативу Муравьева: «Совершенно не разделяю надежд Ваших на пользу для лихой, самоотверженной, доблестной и искусной борьбы с врагом предложенной меры (создание указанных «революционных» батальонов. — С.С.). Разрешаю только потому, что Вы эту мысль поддерживаете... прошу военмина разрешить вести широкую агитацию и вызов охотников в ударные батальоны среди запасных батальонов и полков Петрограда и ближайших окрестностей, равно Москвы с [тем], чтобы составляемые батальоны спешно отправлялись в ваше распоряжение... Неужели фронт (Юго-Западный. — С.С.), располагающий 900.000 человек, не может найти одного или двух процентов тех праведников, ради которых можно пощадить всю грешную большую массу. Ведь два процента дадут 18.000 подготовленных лучше, чем могут дать запасные полки, флот, тем более необученные волонтеры. Просил бы сначала обратить внимание на честные элементы своего фронта, не рассчитывая широко на спасение извне.

Все, что может дать страна, придет не так скоро. Эти, может быть, и воодушевленные элементы, нужно еще спаять, обучить. Выражаю свое мнение, что в недрах фронта при некоторых мерах можно найти материал на 12 батальонов, если только от такого числа зависит общее спасение»²¹¹. А когда Брусилов сообщил о начале создания ударных групп из волонтеров тыла (первоначально действительно в количестве 12 батальонов), Главковерх в телеграмме от 21 мая вы-

²⁰⁹ Маслаков А. Указ. соч. С. 60.

²¹⁰ Кибовский А. Указ. соч. С. 30.

²¹¹ Разложение армии в 1917 году. С. 66.

разил опасение, что сбор «в тылу армии неизвестных и необученных элементов вместо ожидаемой пользы может принести вред для ближнего тыла» Юго-Западного фронта²¹². Т. о., если штурмовые формирования из добровольцев частей действующей армии (батальоны смерти) представлялись высшему командованию хотя и чрезвычайным, но все-таки органичным для войск явлением, то ударные «революционные» батальоны из волонтеров тыла вначале — инородным для армии телом. Исключение составлял главнокомандующий Юго-Западным фронтом, а затем Верховный главнокомандующий генерал Брусилов, сразу всемерно поддерживавший инициативу их организации. 22 мая он издал приказ армиям Юго-Западного фронта № 561, согласно которому при штабе фронта создавался «исполнительный комитет по формированию революционных батальонов тыла»²¹³.

Одним из первых постановлений указанного исполкома были учреждены аналогичные комитеты на всех фронтах, а капитану Муравьеву и поручику Данаусову поручалось создать в Петрограде Центральный Комитет для набора добровольцев по всей стране и координации действий фронтовых исполкомов. 23 мая генерал

²¹² Кибовский А. Указ. соч. С. 30. Опасения генерала Алексева вскоре подтвердились. Так, резолюция армейского комитета тыла Северного фронта от 23 июля 1917 г. констатировала: «В ударные батальоны принимались без разбору все, вплоть до 12-летних юнцов. Следствием этого явилось то, что наряду с элементом сознательным и безусловно здоровым встречались элементы совершенно нежелательные и мешавшие работе... при записи комиссары (люди, проводившие вербовку. — С.С.) совершенно не интересовались ни личностью, ни прошлым желающего попасть в ударные батальоны и, кроме того, давали явно ложные сведения об условиях формирования... Давали обещания, что по приезде в полк (на базе которого формировался ударный батальон из волонтеров тыла. — С.С.) они получают отпуск и т. д.

...Направлялись в полк дети, сбежавшие из родительского дома, и командир полка был завален слезными телеграммами родителей об отправке детей и осаждался приезжавшими забрать детей домой. Полк буквально стонал от сумятицы и беспорядка, и был момент, когда солдаты полка начали требовать удаления ударных групп... среди ударников оказалась масса «венериков»» (цит. по: Чаадаева О. Указ. соч. С. 69).

²¹³ Разложение армии в 1917 году. С. 68. Судя по всему, при организации этих батальонов был использован опыт создания добровольческих латышских стрелковых батальонов, история которых началась в 1915 г. Подробнее об этом см., например: Копылов Н.А. Латышские стрелки в Первой мировой войне 1914-1918 гг.: формирование и социально-этнический состав // Великая война. Сто лет. С. 109-121.

Брусилов утвердил «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла» для Юго-Западного фронта²¹⁴, который затем был передан в Военное министерство, и направил на следующий день военному министру телеграмму, извещающую о начале организации новых частей. Генерал ходатайствовал о принятии закона, по которому бы все лица, «поступившие волонтерами в ряды армии, сохранили свои должности и содержание (жалованье. — С.С.), а в случае смерти за родину их семьям была назначена пенсия»²¹⁵. 5 июня начальник Кабинета военного министра полковник В.Л. Барановский телеграфировал в штабы военных округов и главные управления Военного министерства, что военный министр А.Ф. Керенский просит командование оказать записывающимся добровольцам все возможное содействие²¹⁶.

В то же время 3 июня в столице на совместном заседании черноморской делегации и представителей самодеятельных организаций военнослужащих — Военного союза личного примера, Союза георгиевских кавалеров и Совета Союза казачьих войск — был образован Всероссийский Центральный Комитет по организации уже целой Добровольческой Революционной Армии (ВЦК ДРА, он же Центральный Комитет по формированию революционных батальонов из волонтеров тыла) под руководством капитана Муравьева²¹⁷. Комитет немедленно выпустил воззвание: «Для усиления боевой мощи и поднятия революционно-наступательного порыва армии во имя защиты свободы, закрепления завоеваний революции, от чего зависит свобода демократии не только России, но всего мира, приступлено к формированию добровольческой революционной армии, батальоны которой вместе с доблестными нашими полками ринутся на германские баррикады во имя скорого мира без аннексий, контрибуций, на началах самоопределения народов. Граждане! Настал час спасти Отечество... Все, кому дороги великие идеалы братства народов: рабочие, солдаты, женщины, юнкера, студенты, офицеры, чиновники! Идите к нам под красные знамена добровольческих батальонов...» На Мойке была открыта запись в новую

²¹⁴ Кибовский А. Указ. соч. С. 31.

²¹⁵ Разложение армии в 1917 году. С. 65.

²¹⁶ Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 188.

²¹⁷ Кибовский А. Указ. соч. С. 31.

армию²¹⁸. ВЦК учредил также должности комиссаров Добровольческой Революционной Армии для вербовки волонтеров на местах²¹⁹, а позже, в сентябре, начал выпускать газету «Доброволец»²²⁰.

13 июня 1917 г. Главковерх генерал Брусилов издал знаменитый приказ № 439, ставший точкой отсчета создания в России новой армии. Приказ объявлял «План формирования революционных батальонов из волонтеров тыла», в соответствии с которым теперь на всех фронтах, а не только на Юго-Западном, при штабах фронтов официально учреждались комитеты по формированию, работа которых должна была проходить в тесном контакте с фронтовыми исполнительными (высшими войсковыми) комитетами, а при Ставке Верховного главнокомандующего — Центральный Исполнительный Комитет по формированию ударных батальонов «для объединения деятельности всех комитетов по формированию, работающих на фронт», под председательством Генерального штаба подполковника В.К. Манакина²²¹. Таким образом, сразу образовалось два центра организации ударных войск — в Могилеве и Петрограде, последний из которых Ставке не подчинялся.

Главная Квартира довольно щедро финансировала деятельность «своего» ЦИК по формированию. Только в августе и сентябре ему было выделено по 25 тыс. рублей на расходы по организации батальонов и содержание членов всех фронтовых комитетов по формированию, в начале октября — 23 тыс. рублей «на канцелярские расходы, разъезды и содержание вольнонаемных», а 20 ноября, в день занятия Ставки революционным отрядом под командованием нового, советского Главковерха прапорщика Н.В. Крыленко (!) — 7 тыс. рублей на созыв съезда²²². Кроме того, в октябре Главная Квартира установила для каждого армейского комитета по формированию смету расходов²²³.

Непосредственная организация батальонов в соответствии с приказом № 439 возлагалась исключительно на фронтовые ко-

²¹⁸ Разложение армии в 1917 году. С. 68–69.

²¹⁹ Кибовский А. Указ. соч. С. 31.

²²⁰ Рабинович С.Е. Указ. соч. С. 150.

²²¹ Исторический архив. 1961. № 4. С. 91, 93.

²²² РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 3. Л. 303, 348, 382, 435 об.

²²³ РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивки). Приказы №№ 742 и 791 от 18 и 24 октября 1917 г.

митеты по формированию «при содействии всех начальствующих лиц и под непосредственным наблюдением главнокомандующих армиями фронтов». Само формирование было предписано проводить «при особо назначенных пехотных запасных полках на фронтах», куда следовало направлять добровольцев из тыла. В качестве таковых летом 1917 г. были определены: 261-й запасной полк (г. Верро, ныне г. Выру, Эстония) — для Северного фронта; 101-й этап (г. Минск, затем г. Брянск), 287-й запасной полк (г. Минск) и 11-й запасной полк (г. Гжатск, ныне г. Гагарин) — для Западного; 290-й запасной полк (местечко Дунаевцы в Подольской губернии, затем г. Черкассы) — для Юго-Западного и 75-й и 300-й запасные полки (г. Бендеры) — для Румынского фронта. В связи с изменением линии фронта в сентябре 1917 г. указанные пункты были определены заново: 261-й запасной полк (г. Новгород) — для Северного фронта; 183-й и 287-й запасные полки (г. Брянск) — для Западного; 291-й запасной полк (г. Черкассы) — для Юго-Западного; 75-й и 300-й запасные полки (г. Бендеры) — для Румынского фронта²²⁴. Для Кавказского фронта пунктом формирования ударных батальонов был избран 112-й запасной пехотный полк (г. Ставрополь)²²⁵. Члены комитетов по формированию или комиссары комитетов должны были состоять при командирах указанных полков²²⁶.

Процедура набора волонтеров предусматривала запись желающих в «местных политических и общественных организациях», прежде всего в Советах депутатов, после чего туда вызывались комиссары комитетов по формированию, которые приступали к агитации и вербовке и должны были организовать медицинский осмотр будущих ударников. Тем из них, кто удовлетворял требованиям призыва, комиссары выдавали вербовочные карточки с печатью своего комитета, после чего добровольцы направлялись к местным воинским начальникам (аналог современных военкомов) или комендантам и по получении документов на проезд по железной дороге в одиночку или группами следовали в указанный им пункт. Прибыв на место, волонтеры разбивались местными комиссарами по формированию «поротно и батальонно по принципу землячества и по техническим специальностям». Первоначально обучение

²²⁴ Кибовский А. Указ. соч. С. 32.

²²⁵ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1142. Л. 379, 380.

²²⁶ Исторический архив. 1961. № 4. С. 91.

добровольцев производили офицеры и солдаты по назначению тех же комиссаров, а также старших инструкторов комитетов по формированию.

На инструкторские должности для обучения стрелков, пулеметчиков и саперов комитеты по формированию принимали офицеров с боевым опытом не менее трех лет текущей войны. По мере увеличения количества инструкторов они должны были замещать в волонтерских учебных подразделениях кадровый состав принявших их частей. Любопытно, что вербуемые в инструктора офицеры должны были предоставлять документы не только о своем боевом, но и о политическом прошлом. Эти документы передавались на рассмотрение юридической комиссии комитета по формированию, что свидетельствовало о наличии жесткого политического контроля при создании резерва начальствующего состава будущих добровольческих войск. Предусматривалось и отчисление по решению общего собрания членов комитета тех инструкторов, которые оказались «несоответствующими», и возвращение их на места прежней службы. Офицерам же, утвержденным в качестве инструкторов, комитеты выдавали соответствующие удостоверения и красно-черные ленточки на форму.

В новых батальонах был принят принцип назначения, а не выборности начальствующего состава. Правда, прерогативой назначения обладали не войсковые начальники, а комитеты по формированию. Командующим фронтами было оставлено право утверждения решений этих комитетов. Назначению комитетами подлежали командиры отделений, взводов, команд, рот и батальонов, после чего они считались несменяемыми. Командиры революционных батальонов своей властью должны были назначать своих помощников, а также адъютантов (начальников штабов батальонов) и фельдфебелей рот. За общими собраниями рот и батальонов закрепили право выбора только их хозяйственных чинов.

Если бы в ходе боевых действий выявилась строевая непригодность командира подразделения, то он мог быть отрешен от должности исключительно старшим начальником. Командиры батальонов, в свою очередь, тоже могли быть отстранены от должности властью высшего армейского начальства «с немедленным извещением Комитета по формированию». Выбывшего начальника должен был заменить следующий по старшинству занимаемой должности, для чего списки заместителей заранее составлялись ко-

митетами по формированию. Помимо этого, в случае «возможных между начальниками и волонтерами недоразумений, кои не могут быть исчерпывающе разрешены ни старшими начальниками, ни товарищеским судом батальона²²⁷», ударникам предоставлялось право при наличии решения не менее 3/4 личного состава «обратиться непосредственно в комитет по формированию для высылки комиссаров» комитета. После этого дело подлежало окончательному решению комитета. Создание войсковых комитетов в ударных батальонах из волонтеров тыла в отличие от батальонов смерти не предусматривалось²²⁸.

Хотя в приказе № 439 Верховный главнокомандующий указал, что набор волонтеров тыла будет вестись «при содействии всех политических и общественных организаций, стоящих в вопросе о войне и мире на платформе, изложенной в воззвании к армии Петроградского Совета Р(абочих) и С(олдатских) Депутатов»²²⁹, а местные Советы рассматривались им в качестве органов, посредством которых должна была осуществляться вербовка доброволь-

²²⁷ Товарищеский суд избирался в ударных батальонах и их ротах в количестве девяти человек для разбора недоразумений и наложения дисциплинарных взысканий на солдат-ударников. В случае совершения ударником уголовного или воинского преступления (неисполнение приказа начальника, дезертирство, воровство, насилие, мародерство и т. д.) предусматривалось двойное преследование: предание обычному суду и присуждение товарищеским судом батальона к изгнанию из рядов волонтеров с объявлением врагом Отечества и извещением «через печать общественных и революционных организаций, главным образом по месту записи».

²²⁸ Приказ № 439 санкционировал выделение «делегатов-волонтеров в потребном количестве» в состав комитетов дивизий, к которым прикомандировывались ударники. Делегаты должны были избираться общим собранием батальона. Впрочем, А. И. Деникин в своих мемуарах упоминает о соединенных комитетах Корниловского ударного отряда (Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 392). Существовали также полковой и ротные комитеты в 1-м ударном революционном полку (Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 171) и войсковой комитет в Югославянском революционном (ударном) батальоне (Зеленин В.В. Под красным знаменем Октября. Югославянские интернационалисты в Советской России. 1917–1921. М., 1977. С. 64). А скандал, связанный с нежеланием М. Л. Бочкаревой создавать комитет в своем батальоне, привел к уходу из него большей части ударниц. Примечательно, что и военный министр А. Ф. Керенский, и тогдашний главнокомандующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцов настаивали на создании в батальоне войскового комитета (Бочкарева М. Указ. соч. С. 227–240).

²²⁹ Исторический архив. 1961. № 4. С. 90.

цев²³⁰, сами Советы в целом отнеслись к идее ударничества отрицательно. Так, военный отдел Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов 6 июня 1917 г. заявил о категорическом отказе оказывать поддержку этому начинанию. Будучи в принципе не против добровольческого движения, отдел признавал допустимой только организацию ударных групп самими боевыми частями, т. е. батальонов смерти и поступление в войска отдельных волонтеров на общих основаниях. Такая позиция мотивировалась нежеланием противопоставлять всей армии отдельные части, которые к тому же могли стать орудием контрреволюции²³¹. Настоящей филиппикой в адрес ударных волонтерских частей разразился исполком Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов, который в своей резолюции от 11 июня, в частности, указал, что инициаторы создания батальонов «за разрешением и содействием в первую голову обратились к высшему командному составу армии, не получив предварительной санкции ни от Петроградского Совета, ни от происходящего теперь съезда Советов», что «самый способ вербовки добровольцев... и предусматриваемая для них уставом лучшая материальная обеспеченность сравнительно с другими их товарищами по армии, ставит батальоны в особое привилегированное положение»; что «политическим и стратегическим целям образования батальонов... легко может быть придано истолкование, не соответствующее стремлениям революционной демократии»; а «изолированность положения и особенности задач батальонов не исключают опасности их действий, не совпадающих с господствующим в армии течением». Созданием «предполагаемых ударных отрядов, — говорилось в резолюции, — по тем же причинам не будет достигнута даже основная задача замысла — усиление боеспособности армии»²³². Головной же, Петроградский Совет отмалчивался по данному животрепещущему вопросу до сентября 1917 г., когда он был большевизирован. Новый состав Совета принял резолюцию

²³⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 391.

²³¹ Чаадаева О. Указ. соч. С. 83. Такая точка зрения имела под собой вполне реальные основания. Капитан Муравьев, например, говорил в частной беседе летом 1917 г.: «Эти мои батальоны пригодятся главным образом не на фронте, а здесь, в Петрограде, когда придется расправляться с большевиками» (Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 189).

²³² Разложение армии в 1917 году. С. 74.

против организации специальных батальонов из волонтеров тыла с мотивировкой, аналогичной приведенной Псковским Советом²³³.

Неоднозначной была оценка этих формирований и общественными организациями. Так, если одни из них — Военная Лига, Союз увечных воинов, Союз бежавших из плена, Союз воинского долга и т. п. — активно включились в процесс их создания²³⁴, то другие выступили категорически против, как например, Союз социалистов Народной Армии, назвавший организацию особых частей оскорбительной для армии, сражающейся три года²³⁵.

Но так или иначе создание ударных батальонов из волонтеров тыла началось. Идеей их формирования, как утверждал приказ № 439, было стремление показать всем народам мира, «что за свободой и скорый мир поднялся и идет весь русский народ». В качестве основного социального источника волонтеров рассматривалась молодежь — учащиеся, рабочие, интеллигенция, вообще все граждане России, не подлежавшие призыву или подлежавшие, но еще не призванные в армию, «не моложе 17 лет, за исключением лишенных прав по суду». Причем Верховный главнокомандующий делал акцент на привлечение в ударные части прежде всего горожан, число которых было мизерно по сравнению с сельским населением страны, в то время как в армии основной контингент как раз составляли представители последнего²³⁶. Кроме гражданского населения набор добровольцев предполагалось вести «в запасных полках Петрограда, Москвы, их окрестностей» и прочих тыловых частях в Центре России, а также в тыловых частях фронтов при условии сохранения их боеспособности и с согласия их командиров. Допускалась вербовка волонтеров в военных училищах и школах прапорщиков. Командный состав батальонов должен был укомплектовываться

²³³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4. С. 330–331.

²³⁴ Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 648, 915; Чаадаева О. Указ. соч. С. 70, 79.

²³⁵ Разложение армии в 1917 году. С. 71; Чаадаева О. Указ. соч. С. 86–87; Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 303. Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 60–66.

²³⁶ Перед Первой мировой войной русская армия более чем на 4/5 состояла из крестьян (Асташов А.Б. Русский крестьянин на фронтах Первой мировой войны // Отечественная история. 2003. № 2. С. 73). Недаром в одной из своих статей Н. В. Крыленко назвал старую армию «по своему существу, составу и идеологии» крестьянской армией (Крыленко Н.В. Февральская революция и царская армия. С. 240–241).

офицерами-добровольцами, состоявшими в резерве при штабах военных округов²³⁷ или служившими в тыловых частях. Специально оговаривалась возможность приема волонтеров, находившихся под следствием или осужденных «за поступки, не порочащие дорогого имени гражданина». Причем им гарантировалась полная амнистия. Главковерх вошел в правительство с новым предложением о сохранении для волонтеров, ушедших в ударники с государственной службы, их должностей и жалования, «присвоенного им при поступлении в батальон». Добровольцам-учащимся гарантировалось возвращение в учебные заведения к началу учебного года, что свидетельствует об изначально предполагавшейся временности их пребывания в ударных батальонах. Такая же норма вводилась и в отношении ударников-студентов. Для юнкеров-ударников было установлено производство за боевые отличия в офицеры с преимуществами по сравнению с остальными юнкерами²³⁸, независимо от того, останутся ли они в живых или погибнут²³⁹.

Как и в случае с батальонами смерти идея создания формирований ударников-волонтеров тыла нашла немалое количество последователей. На имя военного министра стали поступать письма и телеграммы от отдельных лиц и групп военнослужащих внутренних округов с просьбами о переводе в создававшиеся «революционные» батальоны. В рядах ударников появились даже бывшие дезертиры²⁴⁰. Если в середине июня 1917 г. численность добровольцев тыла составляла около 2 тыс. человек, то к концу октября —

²³⁷ Напомним, что в это время в резерве находилось значительное число офицеров, изгнанных из своих частей солдатами и, соответственно, являвшихся носителями вполне определенных настроений.

²³⁸ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 587–588.

²³⁹ РГВИА. Ф. 725. Оп. 1. Д. 1143. Л. 1. В середине июля 1917 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Корнилов издал приказ о запрещении формировать на своем фронте ударные батальоны из юнкеров и офицеров вследствие необходимости сохранить имевшийся и будущий начальствующий состав. Его поддержал Главковерх генерал Брусилев, направивший на все фронты телеграмму о нежелательности дальнейшего формирования волонтерских частей из юнкеров (РГВИА. Ф. 725. Оп. 1. Д. 1143. Л. 61–62, 81–84). В августе, уже в ранге Верховного главнокомандующего, Корнилов окончательно запретил организацию юнкерских ударных батальонов ввиду наступившего на фронте затишья и «настоятельной потребности дать армии офицеров с хорошей теоретической подготовкой» (РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 769 от 6 августа 1917 г.).

²⁴⁰ РГВИА. Ф. 1300. Оп. 4. Д. 1142. Л. 359–360.

50 тысяч²⁴¹. Кроме «простых» волонтерских частей появились сформированные по какому-либо определенному признаку: исключительно юнкерского состава; из военнослужащих, имевших георгиевские награды; из пленных австро-венгерской армии — этнических сербов, хорватов, словенцев и пр. В столице организовывался ударный батальон рабочих-добровольцев Обуховского завода²⁴², а в Тифлисе — национальный грузинский²⁴³. Наконец, появились женские ударные части и подразделения.

Явлением, ярко характеризующим новое время, стали, в частности, интернациональные (прежде всего югославские) и женские ударные формирования. Вопрос об организации интернациональных добровольческих ударных отрядов для ведения боевых действий в составе Юго-Западного фронта был поставлен группой офицеров-югославов перед Ставкой Верховного главнокомандующего в начале мая 1917 г. Последняя довела их инициативу до сведения военного министра А.Ф. Керенского, и уже 11 мая от него был получен положительный ответ. Формирование отрядов началось в Дарницком лагере для военнопленных под Киевом, в Одессе, Николаеве, других местах. Наиболее известным стал Югославянский (термин 1917 г.) революционный батальон, в который по разным данным вступило от 500 до 700 человек. В батальоне был создан войсковой комитет. На фронт югославские ударные части отправлены не были. Они несли внутреннюю караульную службу в местах своего формирования. После Октябрьской революции некоторые из них перешли на сторону Советской власти, как, например, Югославянский революционный батальон, развернутый в Югославянский революционный полк²⁴⁴.

Что касается женщин, то к 1917 г. в действующей армии уже находилось некоторое количество женщин-военнослужащих раз-

²⁴¹ Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 42; Лазарев М.С. Указ. соч. С. 96, 97, 251. В исторической литературе называется и другая цифра: 80 тыс. ударников на 15 сентября 1917 г. (Чаадаева О. Указ. соч. С. 68).

²⁴² История гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 278.

²⁴³ РГВИА. Ф. 2587. Оп. 2. Д. 372. Л. 299.

²⁴⁴ Очак И.Д. Югославянские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России. М., 1966. С. 57-59; Участие югославских трудящихся в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР. Сб. документов и материалов. М., 1976. С. 48, 49, 64; Зеленин В.В. Указ. соч. С. 57, 62-62; см.: Советско-югославские отношения. 1917-1941 гг. Сб. документов и материалов. М., 1992. С. 33, 38.

ных возрастов, в т. ч. подростков²⁴⁵, пришедших в нее добровольцами. Февральская революция открыла новую страницу в участии женщин в защите Родины. Апофеозом этого процесса стало создание добровольческих женских ударных формирований, начало которому положило выступление в прессе в июне 1917 г. Петроградского женского военного союза добровольцев, призвавшего женщин организовать маршевые роты, чтобы «поднять дух армии и просветительно-агитационной работой» в ее рядах, вызвать у солдат «разумное понимание долга свободного гражданина перед Родиной»²⁴⁶. 18 июня Главное Управление Генерального Штаба (ГУГШ) вошло в Военный Совет (коллегию) Военного министерства с представлением о возможности создания женских формирований трех типов: боевых, вспомогательного назначения и в тыловых организациях — небоевого назначения, прежде всего санитарных.

Первым женским ударным формированием стал организованный в Петрограде младшим унтер-офицером 28-го пехотного Полоцкого полка М.Л. Бочкаревой Первый русский женский батальон смерти²⁴⁷. Постановлением Временного правительства от 22 июня 1917 г. ему были присвоены специальные отличительные знаки на форму волонтерок и вручено знамя белого цвета²⁴⁸. Женское военное движение развернулось по всей стране. Помимо столицы женские формирования появились в Москве, Киеве, Минске, Полтаве, Харькове, Симбирске, Вятке, Екатеринбурге, Баку, Ташкенте, Екатеринодаре и т. д.²⁴⁹ 29 июля Военный Совет утвердил представление ГУГШ о создании Петроградского (не путать с бочкаревским) и Московского женских батальонов, а 17 августа — Кубанского ударного женского № 3 батальона, в которые

²⁴⁵ См., например: Искры. 1916. № 32. С. 251.

²⁴⁶ Искры. 1917. № 23. С. 183.

²⁴⁷ Бочкарева М. Указ. соч. С. 215. Следует иметь в виду, что, несмотря на название, батальон Бочкаревой несомненно принадлежал к категории ударных формирований из волонтеров тыла.

²⁴⁸ Русская армия. С. 32; Бочкарева М. Указ. соч. С. 222-223.

²⁴⁹ Огонек. 1917. № 28. С. 442-444, 454; № 33. С. 520; Плещеева Г. Уралки. От платинового рудника до батальона смерти // Родина. 2001. № 11 С. 154; Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных. Женщины России в войнах. М., 2002. С. 112; Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. С. 177.

должны были влиться все остальные «самостийные» женские формирования²⁵⁰.

В ряды ударниц вступали фронтовички, среди которых встречались георгиевские кавалеры²⁵¹ и лица сугубо гражданских занятий и профессий: курсистки²⁵², учительницы²⁵³, работницы²⁵⁴ и пр. Различными были образовательный уровень ударниц и их социальная принадлежность. Так, в батальон Бочкаревой записались «девушки из очень известных семей в стране, а также простые крестьянки и прислуга»²⁵⁵. Сама М.Л. Бочкарева была из крестьян, а ее адъютант М.Н. Скрыдлова — дочерью адмирала²⁵⁶. Волонтерки в основной своей массе были русскими, но в их рядах находились представительницы и других национальностей, в частности, в батальоне Бочкаревой служили эстонки, латышки, еврейки и даже англичанка²⁵⁷. Численность женских формирований колебалась от 250²⁵⁸ до 1500²⁵⁹ человек в каждом²⁶⁰. Официально же утвержденный штат женского пехотного батальона включал 19 офицеров, 5 военных чиновников, 1083 строевых и 85 нестроевых солдат²⁶¹, а женской команды связи — 2 офицеров и 99 солдат²⁶².

Помимо пехотных частей были созданы морская женская команда (Ораниенбаум)²⁶³, кавалерийский 1-й Петроградский батальон Женского Военного Союза²⁶⁴ и Минская отдельная карауль-

²⁵⁰ Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. С. 178; РГВИА. Ф. 1300. Оп. 1. Д. 239. Л. 6, 7, 11, 14–16, 23.

²⁵¹ Огонек. 1917. № 22. С. 360–361.

²⁵² Соболева Н.А., Артамонов В.А. Указ. соч. С. 139.

²⁵³ Огонек. 1917. № 33. С. 520; № 28. С. 443, 454.

²⁵⁴ Там же. № 30. С. 468.

²⁵⁵ Бочкарева М. Указ. соч. С. 220.

²⁵⁶ Искры. 1917. № 25. С. 200; Бочкарева М. Указ. соч. С. 261.

²⁵⁷ Огонек. 1917. № 22. С. 360–361.

²⁵⁸ Там же. № 30. С. 468.

²⁵⁹ Там же. № 27. С. 426–427.

²⁶⁰ Бочкарева М. Указ. соч. С. 220.

²⁶¹ Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. С. 178.

²⁶² Вашурина З.П. Исторический опыт привлечения женщин на военную службу в отечественных Вооруженных Силах в XX веке: Дис... канд. ист. наук. М., 2004. С. 37.

²⁶³ Иванова Ю.Н. Указ. соч. С. 117–118.

²⁶⁴ Огонек. 1917. № 33. С. 518–519.

ная дружина из женщин-добровольцев (официальное название)²⁶⁵. Но в действующую армию были отправлены только три батальона: 1-й Петроградский М.Л. Бочкаревой, 2-й Московский²⁶⁶ и батальон национальной обороны В.А. Кинерт, а принять непосредственное участие в боевых действиях довелось лишь первому из них на Западном фронте²⁶⁷. Началась подготовка женщин-офицеров: 25 волонтерок из 2-го Московского женского батальона смерти прошли частным порядком полный курс программы военных училищ ускоренных выпусков при Александровском военном училище (г. Москва), хотя офицерский чин им так и не был присвоен²⁶⁸. Только 19 ноября 1917 г. (!) приказом по старому военному ведомству № 675 было разрешено на время текущей войны производить военнотружущих женских добровольческих частей в прапорщики за боевые заслуги²⁶⁹.

Советы депутатов и солдатская масса восприняли женские, как и остальные ударные формирования резко отрицательно (солдаты ударниц иначе, чем проститутками не называли²⁷⁰). Петроградский Совет в начале июля 1917 г. выступил с требованием расформировать женские батальоны, как в силу их неспособности нести фронтную военную службу, так и потому, что в их организации можно было, по мнению Совета, усмотреть определенный шаг буржуазии, стремящейся вести войну до победного конца²⁷¹.

С самого начала скептически смотрело на эти формирования и армейское командование. Поэтому, несмотря на храброе поведение волонтерок в боях, 14 августа появилось предписание тогдашнего Верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова прекратить дальнейшую организацию женских частей боевого назначения, уже существующие временно оставить на фронте, а затем воспользоваться ими для охраны дорог и в будущем из волонтерок создавать команды вспомогательного назначения (связи, охраны железных дорог), а также по возможности привлекать жен-

²⁶⁵ Огонек. 1917. № 33. С. 516.

²⁶⁶ Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. С. 179, 182.

²⁶⁷ Там же; Искры. 1917. № 25. С. 198; Бочкарева М. Указ. соч. С. 251, 266, 267.

²⁶⁸ Сенин А.С. Женские батальоны и военные команды в 1917 году. С. 181.

²⁶⁹ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 810.

²⁷⁰ Маркевич А.М. Указ. соч. С. 158.

²⁷¹ Чаадаева О. Указ. соч. С. 85.

щин в санитарные организации²⁷². В связи с этим от возмущенных ударниц начали поступать заявления об увольнении из армии²⁷³. 8 ноября распоряжением начальника штаба Верховного главнокомандующего была запрещена отправка женских формирований на передовые позиции²⁷⁴, а 30 ноября Военный Совет старого Военного министерства утвердил представление ГУГШ о расформировании всех женских частей за исключением 1-го женского пехотного батальона при Петроградском военном округе²⁷⁵ (не путать с батальоном Бочкаревой). Так завершилась короткая, но яркая история женского военного движения в постфевральской России.

Возвращаясь к освещению общих вопросов, касающихся ударных батальонов из волонтеров тыла, отметим, что они задумывались как части с крепкой воинской дисциплиной, в основе которой, как провозглашал приказ № 439, лежало «беспрекословное исполнение приказаний начальников». Однако в отличие от царской армии такая дисциплина должна была проистекать не из принуждения, а из революционной сознательности и революционного патриотизма добровольцев. Недаром приказ № 439 подчеркивал: «Вне служебных отношений нет начальников и волонтеров, а есть братья и товарищи по оружию»²⁷⁶. Присягая, ударник-волонтер тыла давал «честное слово революционера-гражданина, что добровольно, бескорыстно, исключительно побуждаемый любовью к свободе России, целью защиты ее чести, свободы и братства и возвращения утерянных нами земель... принимая на себя обязанности революционного солдата», он обещает «исполнять безропотно и без протеста по службе и в бою все приказания... начальников...»²⁷⁷. Впрочем, если доброволец со временем начинал считать, что не может или не

²⁷² Иванова Ю.Н. Указ. соч. С. 114–115.

²⁷³ Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 50.

²⁷⁴ Там же. С. 51.

²⁷⁵ История гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 279. Подробно историю этого батальона см.: Васильев М.В. 1-й Петроградский женский батальон в событиях 1917 г. // От противостояния идеологий к служению идеалам. Российской обществу в 1914–1945 гг. Сб. статей / под ред. М.Ю. Мягкова, К.А. Пахалюка. М., 2016. С. 141–153.

²⁷⁶ Многие офицеры-ударники состояли в политических партиях, причем большинство из них — в партии правых эсеров (Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 48).

²⁷⁷ Приложения // Абинякин Р.М. Офицерский корпус Добровольческой армии (монография 2005 г.). С. 182.

хочет продолжать службу в ударном батальоне, он без последствий для себя переводился в обычную часть²⁷⁸.

Так же как у военнотружущих батальонов смерти, у волонтеров тыла было обмундирование общеармейского образца, и им были присвоены те же символические цвета, хотя элементы символики частично отличались от тех, что были у «смертников» армии. В отличие от батальонов смерти, являвшихся сверхштатными формированиями войсковых частей и соединений, которым знамена не полагались, ударные «революционные» батальоны, будучи отдельными войсковыми единицами, прикомандированными к дивизиям, в обязательном порядке получали знамена установленного образца. Вручение знамен должно было производиться на смотре каждой новой ударной части «генералом по назначению главнокомандующего фронтом» «в присутствии полного состава комитета по формированию»²⁷⁹. Напомним, что для ударников приказом № 439 были учреждены и специальные награды, как индивидуальные, так и коллективные.

Таким образом, была сделана попытка заложить основы новой, более демократичной и отвечающей требованиям времени организации войск. Однако необходимость скорейшего повышения боеспособности армии и, соответственно, интенсивность процесса формирования как батальонов смерти, так и ударных «революционных» неизбежно породила параллелизм и путаницу. В связи с этим 27 июня 1917 г. Главком был вынужден издать специальный приказ № 547, разъяснявший разницу между категориями добровольческих формирований: «...Ударные части (роты и батальоны смерти) первой категории формируются в пехотных и конных полках (действующей армии. — С.С.) из охотников (добровольцев. — С.С.) данного полка и являются неотъемлемой частью этого полка. В пехотном полку формируется от одной ударной роты до батальона за исключением тех случаев, если весь полк изъявит желание быть ударной частью (т. е. частью смерти. — С.С.)». Эти роты и батальоны оставались «в составе своих полков, имея задачей служить примером доблестного исполнения... долга для остальной части полка и идти на штурм в голове своего полка». В особых случаях ударные роты могли временно сводиться в особые батальоны при своих

²⁷⁸ Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 52.

²⁷⁹ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 153.

дивизиях. «Революционные же батальоны» создавались в соответствии с приказом № 439 «из волонтеров, юнкеров, солдат запасных полков и прочих тыловых частей Центра России и фронтов», и их не следовало «смешивать с ударными частями, формируемыми в... действующей армии»²⁸⁰.

Как правило, в качестве единицы ударных частей из волонтеров тыла выступали батальоны, но иногда присутствовала отрядная форма (например, в конце сентября 1917 г. создавался ударный железнодорожный отряд²⁸¹). Кроме того, в составе ударных войск были организованы два полка: четырехбатальонный Корниловский ударный, в который был развернут Корниловский ударный отряд²⁸², и трехбатальонный — революционный ударный под командованием председателя Центрального Исполнительного комитета по формированию революционных батальонов при Ставке Верховного главнокомандующего подполковника Манакина. Шло укомплектование 2-го ударного революционного полка²⁸³. Предполагалось массовое формирование четырехбатальонных ударных полков²⁸⁴. В каждом ударном «революционном» батальоне числилось 22 офицера и 1066 нижних чинов²⁸⁵. В течение 1917 г. штаты ударных формирований неоднократно уточнялись в сторону усиления. Материальное, в т. ч. денежное содержание «революционеров-волонтеров» было улучшенным по сравнению с остальной армией²⁸⁶. Кроме того, офицерскому составу полагались денщики, вестовые и деньги на наем прислуги, против чего в 1917 г. категорически и неоднократно протестовали нижние чины и что оговаривалось в «Декларации прав солдата». В сентябре 1917 г. приказом

²⁸⁰ Новый часовой. 1994. № 2. С. 133.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 3. Л. 362 об.

²⁸² Новый часовой. 1994. № 2. С. 138.

²⁸³ Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 51.

²⁸⁴ РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 502 от 10 сентября 1917 г.

²⁸⁵ РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 284. Л. 280.

²⁸⁶ В соответствии с приказом № 439 усиленные оклады и прибавки к столовым деньгам полагались военным чиновникам и солдатам ударных батальонов из волонтеров тыла. Офицеры же ударных батальонов из волонтеров тыла получали жалованье в обычном порядке, т. е. в соответствии с чином. Что касается снабжения продуктами, то так предполагалось, но на деле выходило не всегда. Например, в батальоне М. Л. Бочкаревой ударницам выдавали обычный рацион регулярных пехотных частей (Бочкарева М. Указ. соч. С. 221).

нового военного министра генерала А.И. Верховского создание добровольческих формирований тыла было временно приостановлено²⁸⁷. Вероятно, это было обусловлено участием многих ударников в выступлении генерала Корнилова.

В целом движение военного ударничества волонтеров тыла вылилось в создание 2 полков, свыше 40 батальонов и небольших ударных подразделений, которые хотя и не растворились в многомиллионной войсковой массе²⁸⁸, но переломить обстановку и повысить боеспособность русской армии не смогли. Генерал М.В. Алексеев в связи с этим сообщал председателю Государственной Думы М.В. Родзянко: «...считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть»²⁸⁹. Непосредственное участие в боях приняли 2 ударных полка, 16 ударных батальонов, 2 роты и 1 команда из волонтеров тыла²⁹⁰, причем и они не всегда оказывались на высоте положения. Так, генерал Деникин в своих мемуарах вспоминает, что в разгар июньского наступления русской армии соединенные комитеты Корниловского ударного отряда приняли решение о выводе отряда с передовой, а командир отряда капитан Неженцев оценивал состояние части как близкое к полному развалу²⁹¹.

Основной массой нижних чинов добровольцы-«революционеры» воспринимались, как отмечалось выше, негативно, часто — от-

²⁸⁷ Чаадаева О. Указ. соч. С. 87.

²⁸⁸ А. И. Верховский в своих мемуарах 1918 г. пишет, что сведения о численности армии, которые он получал в бытность военным министром Временного правительства (сентябрь-октябрь 1917 г.), колебались от 7 до 12 млн. человек (!) (Верховский А.И. Россия на Голгофе. С. 123), а исследователи Л.М. Гаврилов и В.В. Кутузов определили на основании своих подсчетов численность личного состава фронта осенью 1917 г. в 6,5 млн. человек, но в то же время указали, что в докладе Главного интенданта начальнику штаба Верховного главнокомандующего 1 ноября 1917 г. называлась общая численность действующей армии в 12 439 тыс. человек (Гаврилов Л.М., Кутузов В.В. Новый источник о численности русской действующей армии накануне Октябрьской революции // Источниковедение истории советского общества. С. 142, 143). Возможно, такова была разница между списочным и наличным составом войск.

²⁸⁹ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 238.

²⁹⁰ Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 13.

²⁹¹ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 392.

крыто враждебно, в то время как командный состав видел в них единственную надежду на перелом настроений в войсковой среде и возможность радикально поднять боеспособность войск. Враждебность солдат обуславливалась в числе прочего тем, что Корниловский полк и многие ударные батальоны, особенно юнкерские, помимо или вместо непосредственного боевого применения использовались командованием в качестве заградительных отрядов и карательных команд, свирепствовавших в ближнем тылу фронта. Давая в сентябре 1917 г. показания Чрезвычайной следственной комиссии, бывший Главковерх генерал Корнилов, в частности, сообщил: «Ввиду все усиливавшегося развала армий Юго-Западного фронта и продолжавшегося отступления я вынужден был... сформировать особые ударные отряды из юнкерских батальонов для борьбы с дезертирством, мародерством и насилиями»²⁹². Сами волонтеры констатировали, что, «поставленные в положение защитников порядка и назначаемые для охраны узлов и задержания дезертиров», они, «естественно, вызывают ненависть к себе»²⁹³. Весьма красноречив в этом отношении и приказ Корнилова по Юго-Западному фронту № 776 от 16 июля 1917 г.: «...Паника внутри страны и озлобление против бегущих как всего населения, так и ударных батальонов, составленных из всего, что есть лучшего в армии, имеет своим последствием злоупотребление применения оружия... нахожу необходимым ввести дело употребления оружия против изменников родины в рамки законности и по возможности теперь же ограничить самосуд...»²⁹⁴

«Революционеры»-ударники оказались массово вовлечены в политические бури 1917 года, в частности, выступление генерала Корнилова, когда в группировку войск, предназначавшуюся для актив-

²⁹² Протокол допроса Л. Г. Корнилова. С. 108. При производстве юнкеров-ударников в первый офицерский чин их участие в «водворении порядка» во фронтовом тылу было по распоряжению командования официально приравнено к участию в боевых действиях (РГВИА. Ф. 725. Оп. 1. Д. 1143. Л. 128, 179).

²⁹³ Поликарпов В. Разгром белогвардейских ударных батальонов. С. 105. Из 11 ударных батальонов, сформированных на Юго-Западном фронте, 7 отправили на позиции, а 4 оставили в ближнем тылу (Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 411). О масштабах деятельности заградительных отрядов можно судить по следующим данным: только за одну ночь 11 июля 1917 г. в Волочишке ими было задержано 12 тыс. дезертиров (Кавтарадзе А.Г. Июньское наступление русской армии в 1917 году. С. 116).

²⁹⁴ РГВИА. Ф. 2158. Оп. 1. Д. 523. Л. 356 об.

ных действий контрреволюции в районе Петрограда и в самой столице, были включены несколько ударных юнкерских и 1-й Омский ударный батальоны Юго-Западного фронта²⁹⁵. Непосредственно в Главной Квартире был задействован Корниловский ударный полк. Поэтому после того, как мятеж не удался, Советы депутатов и сами войска потребовали распустить ударные формирования всех типов и направить их личный состав «в качестве пополнения в ряды полков, находящихся на фронте»²⁹⁶, а Общеармейский комитет при Ставке постановил разоружить Корниловский полк²⁹⁷.

В событиях Октября ударники-волонтеры тыла выступили на стороне Временного правительства. Достаточно вспомнить бойцов 1-го Петроградского женского ударного батальона под командованием штабс-капитана А.В. Лоскова, защищавших Зимний дворец (не путать с батальоном М.Л. Бочкаревой, который в это время находился на фронте), или отряды ударников в Царском Селе и Гатчине, предназначавшиеся для похода контрреволюции на Петроград. Впрочем, добровольцы, как известно, продержались недолго, а ударники в Царском Селе и Гатчине в конце концов отказались воевать с большевиками²⁹⁸.

На фронте ситуация сложилась несколько иначе. Например, съезд Румынского фронта и Одесского военного округа по организации революционной Добровольческой армии заявил, что «в час новых выступлений безответственных элементов, грозящих срывом Учредительного Собрания и тяжкими испытаниями Родине... все действующие и формирующиеся батальоны, верные присяге войска-республиканцы, будут всемерно поддерживать Временное правительство, глубоко веря в то, что только оно способно благополучно довести страну к Учредительному собранию»²⁹⁹.

²⁹⁵ Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 425, 438, 437.

²⁹⁶ Войсковые комитеты действующей армии. С. 317; РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 26. Л. 132.

²⁹⁷ Корниловский ударный полк. С. 43. Семь офицеров и несколько сот солдат полка после ликвидации корниловского выступления заявили о своей верности Временному правительству и были переведены в другие части, в связи с чем полк из четырехбатальонного стал трехбатальонным (Абинякин Р.М. Указ. соч. С. 24).

²⁹⁸ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II. 9. Ед. хр. Б-5569/46; Дыбенко П.Е. Указ. соч. С. 158, 160, 161; Лазарев М.С. Указ. соч. С. 242.

²⁹⁹ Красный архив. 1925. Т.1 (8). С. 160.

Созвучной этому заявлению была и резолюция соединенного собрания полкового и ротных комитетов и офицерского состава 1-го революционного ударного полка Юго-Западного фронта, принятая 27 октября 1917 г.: «...никогда Россия не находилась в столь тяжелом положении, как военном, политическом, так и во внутреннем экономическом. Развал, разруха и полнейшая анархия ослабляют силу боевой мощи армии и мешают спокойной работе по созыву Учредительного Собрания и обороне страны. Выступление большевиков в это время соединенное собрание считает авантюрой кучки безответственных элементов, волнующих и развращающих темные несознательные массы и играющих на шкурных и низменных инстинктах толпы. Это выступление может быть гибельным для России... в выступлении большевиков соединенное собрание видит умышленный срыв Учредительного Собрания, которое одно является истинным выразителем желаний и требований измученного народа... Поэтому ревударполк, выражая полнейшее доверие Временному Народному правительству, считает своим священным долгом открыто заявить стране и Верховному главнокомандующему и главе Временного правительства, вождю российской демократии А.Ф. Керенскому, что полк готов умереть за свободную Родину и выступит по первому требованию на защиту Временного правительства и передает себя в полное его распоряжение для беспощадной борьбы с предателями свободы и нашей горячо любимой Родины»³⁰⁰.

29 октября исполняющий обязанности Верховного главнокомандующего генерал Н.Н. Духонин секретной телеграммой главнокомандующему Юго-Западным фронтом вызвал полк в Могилев для охраны Главной Квартиры, куда тот вскоре прибыл, правда, в составе только одного батальона. Кроме того, в Ставку двинулись

³⁰⁰ Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 160. Возникает вопрос, почему для принятия решения по столь серьезной проблеме было создано собрание не всего личного состава полка, а только членов комитетов и офицеров. Можно предположить, что и в этой войсковой части взгляды на Октябрь разделились, т. к. известно, что и в среде ударников имели место пробольшевистские настроения и даже существовали ячейки партии большевиков, как, например, в 1-м батальоне Юго-Западного фронта «Свобода, равенство и братство», которая насчитывала 42 человека (Кибовский А. Указ. соч. С. 33, 35; Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России накануне октябрьского вооруженного восстания (1-24 октября 1917 г.). М., 1962. С. 408).

2-й Оренбургский ударный батальон того же фронта (был задержан революционно настроенными железнодорожниками на станции Жлобин) и 4-й и 8-й ударные батальоны Западного фронта (прорывались с боями и потерями через революционный Минск), а также 1-й ударный батальон (батальон смерти) Финляндской стрелковой дивизии³⁰¹. Таким образом, в Могилеве сосредоточилось некоторое количество ударных войск, которые приказом Н.Н. Духонина от 17 ноября 1917 г. были сведены в отряд под командованием полковника Л.А. Янкевского³⁰². На стороне Октябрьской революции здесь не выступила ни одна ударная часть, однако перевес сил был явно не в пользу волонтеров. Поскольку к городу приближались советские отряды, на совещании в Ставке 18 ноября генерал Н.Н. Духонин принял решение сдаться им, а ударникам отдал приказ пробиваться по направлению на Гомель с дальнейшей целью перехода на Дон в г. Новочеркасск³⁰³. Ранним утром 20 ноября ударные части покинули Могилев³⁰⁴, в который через несколько часов вступил отряд революционных войск под командованием нового Верховного главнокомандующего русской армией прапорщика Н.В. Крыленко. Генерал Н.Н. Духонин, как известно, погиб.

Для преследования ушедших ударников были сформированы специальные отряды, которыми руководил созданный при советизированной Ставке Революционный Полевой штаб во главе с членом Петроградского Военно-Революционного Комитета прапорщиком М.К. Тер-Арутюнянцем. Отряд Л.А. Янкевского был достигнут 25 ноября 1917 г. под Белгородом и в результате 12-дневных боев уничтожен «как организованная боевая величина»³⁰⁵.

³⁰¹ Некоторые ударные части командование не смогло передислоцировать, так как «из-за этого чуть не весь фронт всколыхнулся» (Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 167).

³⁰² Там же. С. 167,169; Лазарев М.С. Указ. соч. С. 246.

³⁰³ Интересно отметить, что представители ударников были вызваны на заседание Могилевского Совета, где им предложили не оказывать сопротивление революционным отрядам. После полученного отказа было принято решение немедленно удалить ударников из Ставки (Лазарев М.С. Указ. соч. С. 293-294).

³⁰⁴ Кибовский А. Указ. соч. С. 35-36.

³⁰⁵ Лазарев М.С. Указ. соч. С. 295; Поликарпов В.Д. Разгром белогвардейских ударных батальонов. С. 107,105; Он же. Пролог гражданской войны в России (октябрь 1917 г. — февраль 1918 г.) (далее — Пролог гражданской войны в России). М., 1976. С. 231, 232, 236, 243-248, 267-269, 282-299.

На Юге страны события развивались в том же ключе. Корниловский ударный полк, переименованный к этому времени в Славянский (в его личном составе были представлены помимо граждан России чехи, словаки и южные славяне)³⁰⁶, вошел в сентябре 1917 г. в состав 1-й Чехословацкой дивизии. Как только руководство Чехословацкого Национального Совета в России, находившееся в Киеве, получило известие о победе Советской власти в Петрограде, оно заявило о безоговорочной поддержке Временного правительства и заключило соглашение с командованием Киевского военного округа и Юго-Западного фронта о порядке использования чехословацких частей, которое, с одной стороны, подтверждало невмешательство последних в вооруженную борьбу внутри России на стороне какой-либо политической партии, а с другой провозглашало их стремление «содействовать всеми средствами сохранению всего, что способствует продолжению ведения войны против нашего врага австро-германцев». 27 октября это соглашение было доведено до сведения командования 1-й и 2-й Чехословацких дивизий, а помощник комиссара Временного правительства Юго-Западного фронта Н.С. Григорьев распорядился отправить указанные соединения в Киев³⁰⁷. 28 октября они совместно с юнкерами киевских военных училищ уже участвовали в уличных боях в городе против рабочих и солдат — сторонников Киевского Совета. Противостояние продолжалось до заключения 31 октября враждующими сторонами пере-

³⁰⁶ При формировании Корниловского ударного отряда команда пеших разведчиков была сразу укомплектована военнопленными чехами и словаками. 10 августа 1917 г. председатель Чехословацкого Национального Совета в России Т. Масарик отдал распоряжение командиру Чехословацкой бригады отправить в Корниловский полк еще 400 добровольцев с тем, чтобы они были распределены по 50 человек в каждую роту и «служили примером лучшим элементам среди русских солдат... своей храбростью и правильным пониманием дисциплины». Накануне корниловского мятежа Масарик пообещал командиру полка капитану Неженцеву новое пополнение в 1500–2000 человек. Была достигнута договоренность о том, что чехи и словаки составят половину личного состава полка, среди которого будет проведена чистка, и «все ненадежные, большевистские элементы» изгнаны. На момент передачи Корниловского полка в оперативное подчинение командованию Чехословацкого корпуса в нем было две чехословацкие роты (Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 100). В этот же полк перешел на службу ряд военнослужащих 1-го Добровольческого корпуса сербов, хорватов и словенцев (РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 942 от 15 октября 1917 г.).

³⁰⁷ Корниловский ударный полк. С. 52.

мирия³⁰⁸. После этого Славянский (Жорниловский) полк вернулся в место своего прежнего пребывания. 12 ноября 1917 г. Ставкой был отдан приказ о переводе полка на Кавказский фронт, на основании которого его личный состав группами и в одиночку бежал на Дон, чтобы влиться в формируемую там белую Добровольческую армию³⁰⁹.

Ударным батальонам из волонтеров тыла, которые остались в старой армии, войсковые организации и армейские форумы явочным порядком начали предлагать расформирование и пополнение обычных частей, «в которых нуждаются людьми»³¹⁰. В ряде мест также явочным порядком такое расформирование было осуществлено на основании решений местных солдатских комитетов или командования, как например, это произошло с 1-4-м ударными батальонами Северного фронта³¹¹.

Черту под историей ударных частей 1917 года всех типов подвел приказ революционного Главковерха Крыленко № 979 от 9 декабря 1917 г.: «Ввиду производимой ныне демократизации армии, при которой все части приобретают совершенно одинаковый облик, существование впредь частей “смерти”, всех видов “ударных” и “штурмовых” частей является излишним... В соответствии с этим:

а) волонтеров формирующихся ныне ударных революционных батальонов, которые не обязаны службой, обратить в первобытное (дослужбное. — С.С.) состояние, а военнообязанных направить в ближайшие запасные части;

б) волонтеров таких же батальонов, находящихся на фронте, использовать для надобности фронта по усмотрению главнокомандующих (фронтами. — С.С.)» (отметим достаточно лояльный по отношению к ударникам характер приказа).

Подводя общий итог проблеме ударничества в старой армии при Временном правительстве, отметим, что в 1917 году оно стало одним из категорических императивов момента ввиду падения боеспособности войск. Идея «революционного» волонтерства выкристаллизовалась и начала реализовываться в недрах армии, об-

³⁰⁸ Клеванский А.Х. Указ. соч. С. 100,129–131.

³⁰⁹ Корниловский ударный полк. С. 52.

³¹⁰ Войсковые комитеты действующей армии. С. 465; ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. II. 9.4. Ед. хр. 39209.

³¹¹ Кибовский А. Указ. соч. С. 35.

реть форму стремления к созданию принципиально новой, Добровольческой Революционной армии, которая была бы проникнута духом нового, республиканского государственного патриотизма и корпоративного единства, спаяна сознательной дисциплиной, комплектовалась добровольцами без различия классов и сословий и была высокопрофессиональной. Существенным явлением можно считать включение в движение военного ударничества женщин, что наряду с наделением их избирательным правом устанавливало политическое равенство граждан России обоего пола и составляло несомненное завоевание революции.

Тем не менее известная хаотичность процесса формирования ударных частей, многообразие их типов, которые только начали сводиться к единому стандарту, позволили генералу Деникину небезосновательно назвать их суррогатами армии³¹², а московскому общественно-литературному журналу «Искры» пророчески — «одной из последних, отчаянных попыток государства, которому грозит неизбежное разрушение»³¹³.

³¹² Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 390.

³¹³ Искры. 1917. № 26. С. 207.

СТРУКТУРЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ И КОНТРОЛЯ В АРМИИ

Стремление государства повысить боеспособность армии и гарантировать себя от ее использования в целях контрреволюции помимо процесса реорганизации самой армии вызвало к жизни новые — политические структуры: институт военных комиссаров и внутривойсковых органов политического влияния на военный социум. Впрочем, несмотря на то, что появились они только в 1917 г. под воздействием Февральской революции, идеи создания подобных учреждений возникли ранее.

ИНСТИТУТ ВОЕННЫХ КОМИССАРОВ¹

В 1900 г. в русских оккупационных войсках в Маньчжурии были учреждены должности военных комиссаров при резиденциях китайских правителей провинций. Их деятельность регламентировалась «Положением о военных комиссарах», утвержденным императором Николаем II, и заключалась в наблюдении за численностью и степенью вооруженности китайских военных формирований и осуществлении контактов между русскими войсками и местными властями. Предметом особой заботы царских военкомов являлось недопущение враждебной деятельности китайцев по отношению к России, поэтому без санкции комиссаров ни одно распоряжение китайских правителей не имело силы. Кроме того, комиссары разбирали претензии местного населения к русским войскам. Все военкомы имели чин полковника Генерального штаба². Как мы увидим в дальнейшем, в определенной степени их статус, а также ряд полномочий будут воспроизведены после Февральской революции в новой армейской структуре. Первая попытка создания специального правительственного органа надзора за деятельностью

¹ Commissare (*франц.*) — уполномоченный.

² Военная энциклопедия. СПб., 1912. Т.6. С. 563; Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке. 1897-1903. М., 1998. С. 148.

командования, связанная с его относительной автономностью на театре военных действий в деле управления подконтрольной территорией, была предпринята в июле 1915 г. Члены Совета министров высказались за учреждение в структуре Ставки Верховного главнокомандующего должности правительственного комиссара, в компетенцию которого входил бы контроль за деятельностью военных властей в области гражданского управления. Однако ввиду того, что 23 августа 1915 г. пост Главковерха занял сам император, вопрос был снят³.

Новое время, начавшее свой отсчет в феврале-марте 1917 г., ознаменовалось новыми политическими запросами. Уже в ходе февральских событий в столице в части петроградского гарнизона отпавились с агитационно-пропагандистскими заданиями представители только что образованных Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и Временного комитета Государственной Думы. Вскоре начались их выезды на фронт. Так, 23 марта в распоряжение частей 7-й армии Юго-Западного фронта было командировано несколько членов Государственной Думы «для разъяснения солдатам смысла и значения совершившегося переворота»⁴. Подобные поездки дополнительно санкционировались Временным правительством⁵, оговорившим, что никто не может обращаться к солдатам и офицерам от его имени, «кроме лиц, которые получают на то от правительства особые полномочия, обеспечивающие им содействие военных начальников»⁶.

Необходимость посещения войск представителями новой власти была вызвана возникшими после свержения самодержавия подозрениями солдат в контрреволюционности офицеров и начавшимися эксцессами по отношению к ним, а также растерянностью и непониманием самими войсковыми начальниками сути свершившихся событий. Это побудило ряд командиров просить прислать в армию комиссаров от «революционного» правительства для «восстановле-

³ Военная энциклопедия. 2003. Т.7. С. 634–635; Ганелин Р.Ш., Флоринский М.Ф. Российская государственность и Первая мировая война // Февральская революция. С. 18.

⁴ Красный архив. 1925. Т. 2(9). С. 126.

⁵ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 72–75.

⁶ Комаров Н.А. Указ. соч. С. 31–32. Указанное исследование опирается преимущественно на правительственные источники.

ния при их посредстве офицерского авторитета и дисциплины»⁷. Такую меру предложил, например, главнокомандующий Северным фронтом генерал от инфантерии Н.В. Рузский, объясняя свою просьбу тем, что офицеры слишком взволнованы и сбиты с толку, чтобы спокойно и объективно разъяснить солдатам ситуацию в стране. В своем запросе генерал подчеркивал, что «раз все офицерство подчинилось новому правительству, то нет оснований его подозревать в стремлении ему изменить». 6 марта Рузский направил начальнику штаба Верховного главнокомандующего генералу М.В. Алексееву, военному министру А.И. Гучкову, министру юстиции А.Ф. Керенскому и министру-председателю Временного правительства князю Г.Н. Львову телеграмму, требуя немедленного и авторитетного разъяснения центральной властью недопустимости арестов и разоружения офицеров, без чего неизбежен развал армии⁸. Аналогичные предложения поступали и от других войсковых начальников. 24 марта генерал Алексеев уже в ранге Главковерха официально обратился к председателю Государственной Думы М.В. Родзянко с просьбой делегировать наиболее влиятельных представителей общественности для выступления в частях с разъяснением сути текущих событий, на что им был получен положительный ответ⁹. Т. о., первыми из будущих направлений деятельности комиссаров были востребованы агитационно-пропагандистское и отчасти посредническое между солдатами и командным составом.

В тесной связи с предыдущим наметилась еще одна сфера деятельности будущих военкомов — контрольно-представительская. 6 марта Исполнительный комитет Петроградского Совета признал «желательным иметь своих комиссаров при всех воинских частях и при военных властях» для контроля за деятельностью войсковых начальников и прикомандировал представителя Совета к штабу Петроградского военного округа¹⁰, чем де-факто положил начало формированию института военных комиссаров как официальной войсковой структуры. Интересно отметить, что в тот момент представители командования отнеслись к данному шагу новой власти

⁷ Большая советская энциклопедия. М., 1928. Т. 12. С. 324.

⁸ Рузский Н.В. Пребывание Николая II в Пскове 1 и 2 марта 1917 г. (беседа с генералом С.Н. Вильчковским) // Отречение Николая II. С. 163.

⁹ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 19. Л. 243.

¹⁰ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 3: Семнадцатый год. С. 44.

положительно: накануне, 5 марта, в исполкоме побывал только что назначенный главнокомандующим Петроградским военным округом генерал Л.Г. Корнилов, который выразил желание работать в полном контакте с новым органом¹¹.

16 марта, после доклада одной из групп демократически настроенных офицеров, предлагавших учредить такой орган для руководства всей политической работой в войсках¹², Исполком постановил направить «комиссаров к военному министру, в Ставку и командующим фронтами, которые (военкомы. — С.С.) будут руководить комиссарами и агитаторами, посылаемыми на фронт»¹³, а 19 марта принял к обсуждению аналогичное предложение солдатской секции Петроградского Совета. Оно было выдвинуто в связи с настойчивыми требованиями многочисленных делегаций фронтовиков, посещавших столичный Совет, прислать его представителей в действующую армию.

Была разработана инструкция, которая определяла структуру и регламентировала функции военкомов. В ее преамбуле декларировалось: «В целях установления прочной и постоянной связи между войсками и их органами и Советами рабочих и солдатских депутатов, быстрого и планомерного разрешения возникающих в области внутренней и политической жизни в армии вопросов и незамедлительной передачи директив, равно как и в целях предупреждения каких-либо ошибочных шагов со стороны руководящих ныне жизнью армии органов исполнительный комитет назначает по соглашению с Временным правительством комиссаров...», которые должны были действовать на основании специального наказа, утвержденного Петроградским Советом. Военному министерству предписывалось обеспечить военкомам всемерную поддержку со стороны военных властей.

Полномочия комиссаров охватывали бы всю сферу «внутренней и политической жизни армии и местного населения в пределах вверенного их ведению региона». Никакие распоряжения, приказы, воззвания и т. п. не могли быть изданы «без согласия с ними комиссара и Совета рабочих и солдатских депутатов».

Военкомам вменялось в обязанности «участие в разборе всех заявлений, требований, жалоб и т. п., касающихся внутренней жизни

¹¹ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.2. С. 344–345.

¹² Там же. С. 463.

¹³ Там же. Т.3. С. 441.

войсковых частей, их продовольствия и расквартирования, равно как отношение между войсками и местным населением (вспомним царских комиссаров в Маньчжурии. — С.С.); устранение «трений между офицерским и солдатским составом»; разъяснение «войсковым частям происходящих событий» и быстрое удовлетворение «войсковых нужд, поскольку в этом могут оказать помощь Совет рабочих и солдатских депутатов и связанные с ним организации». Таким образом, к функциям комиссаров добавлялась еще одна — административная. Военкомам предлагалось придавать помощников из числа лиц, командированных Петросоветом, которые привлекались им по соглашению с местными Советами¹⁴. Проект инструкции был передан в правительство, но «сочувствия» ни там, ни у высшего командного состава по понятным причинам не нашел. Поэтому 11 апреля наказ комиссарам было решено переработать, что и было сделано, но уже без участия Исполкома столичного Совета.

Вместе с тем предложения об учреждении в войсках постов комиссаров-представителей правительства или военного министра исходили и от лиц начальствующего состава, которые, как, например, командующий тогда 10-й пехотной дивизией, в будущем известный белый генерал С.Л. Марков желали, чтобы комиссар мог убеждать сам и подтверждать официально лояльность войсковых начальников новому режиму¹⁵. А 27 апреля министр-председатель князь Г.Е. Львов со своей стороны направил в Ставку правительственный проект введения института военкомов на уровне фронтов и армий. Комиссары должны были «входить в обсуждение всех вопросов, возникающих как у командного состава, так и у всех военных и общественных организаций по поводу распоряжений Временного правительства». Военком фронта утверждался в качестве высшей инстанции для комиссаров армий и губерний, объединяющей и руководящей их деятельностью (относительно представителей правительства на местах — губернских комиссаров — в сфере взаимоотношений военных и гражданских властей), а также общественных и ведомственных организаций, работавших на данном фронте. К нему переходили все права и обязанности начальника снабжений фронта «в части, касающейся вышеназванных организаций». Все действия военкома могли быть обжалованы в админи-

¹⁴ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т.2. С. 185–187.

¹⁵ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 290.

стративном порядке в правительстве, а в судебном — в Правительственном Сенате. Нетрудно заметить, что Временное правительство преследовало цель поставить под свой контроль главным образом административную деятельность командного состава на театре военных действий, что продолжало и развивало тенденцию, наметившуюся во взаимоотношениях государственной власти и армии еще до революции. А Петроградский Совет стремился изменить саму армию в соответствии с духом времени.

Проект правительства, как и проект Совета не нашел понимания у военных. Верховный главнокомандующий генерал Алексеев переслал его на рассмотрение командующим фронтами, сопроводив указанием, что в тексте их заключения необходимо оговорить «обязательное невмешательство комиссаров в сферы военного характера», а в своем личном отзыве допустил возможность создания института военкомов «лишь при условии полного их подчинения подлежащим (соответствующим. — С.С.) главнокомандующим армиями (командующим фронтами. — С.С.), так как вне этой зависимости нельзя требовать от представителей гражданской власти никаких исполнительных действий, что по условиям военного времени недопустимо». В противном случае, считал генерал, можно «поставить военный командный состав в зависимое от них (комиссаров. — С.С) положение, что в корне нарушает организацию армии и порядок подчинения». Позиция армейского командования, попытавшегося превратить независимых от него комиссаров в подчиненных войсковым начальникам помощников, с этого момента оставалась неизменной в течение всего рассматриваемого нами периода. При условии подчинения военкомов армейскому командованию Алексеев полагал возможным передать им права главных начальников военных округов на театре военных действий в области гражданского управления, но не согласился на передачу комиссарам функций начальников снабжений и распорядителей деятельностью общественных и ведомственных организаций на фронте¹⁶. Т. о., в целом проект введения в войсках административно-контрольного органа Временного правительства был Ставкой отвергнут как «предположение, окончательно вырывавшее из рук командного состава важнейшие военно-административные функции»¹⁷.

¹⁶ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 3. С. 442–444.

¹⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 290.

В Петроградском Совете продолжалась работа по созданию института своих представителей в армии. В конце апреля туда поступило очередное предложение — на этот раз от совещания делегатов фронта, проходившего в столице, — об учреждении института военкомов для противодействия самовольному смещению солдатами с должностей офицеров и совершению самосудов над ними. По мнению участников совещания, в войска следовало направлять одновременно трех комиссаров: от правительства, от Петросовета и от войсковых комитетов, наделив их полномочиями рассматривать все вопросы, относящиеся к компетенции командующих армиями и фронтами; скреплять своими подписями все приказы и производить расследование деятельности представителей командного состава с правом их отвода.

Переговоры Совета с правительством привели к соглашению о назначении в армии по два комиссара — своего и от правительства, но продержалось оно недолго. После того, как А.Ф. Керенский занял в начале мая пост военного министра, Исполком Петросовета разработал новое «Положение об армейских комиссарах». Керенский утвердил его и передал в Главную Квартиру уже для исполнения. В Положении торжественно заявлялось: «...Для содействия реорганизации армии на демократических началах и в революционном духе, в соответствии с платформой Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и укрепления боеспособности ее в каждую армию посылается по одному ответственному комиссару, назначенному исполнительным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по соглашению с военным министром». В обязанности военкомам вменялись: «борьба со всякими контрреволюционными попытками»; содействие «установлению в армии революционной дисциплины, разъяснение с этой целью недоразумений, возникающих в военной среде, урегулирование взаимоотношений между солдатами и командным составом»; координирование деятельности солдатских комитетов разных уровней как между собой, так и с центральными организациями рабочих и солдатских депутатов.

Комиссары армий одного фронта объединялись в коллегию. Им полагались помощники, выбранные по их усмотрению, но с обязательным утверждением Исполкомом Петроградского Совета. Специально оговаривалось, что, «не вмешиваясь в оперативные распоряжения командного состава, комиссар должен быть осведомлен

о подготовке и ходе операций; комиссары, их помощники и ответственные агитаторы должны быть во всякое время готовы развивать свою деятельность в условиях боевой обстановки, принимая, в случае необходимости, личное участие в боевых действиях в решающие моменты». Военкомы были подотчетны только Исполнительному комитету Петросовета, но имели право направлять в Военное министерство копии своих отчетов. В качестве их головной организации создавалась особая Комиссия при Иногородном отделе Исполкома, позже развернутая во Фронтовой комиссариат фронтového подотдела Иногородного отдела. Денежное содержание назначалось военкомам от Совета, и они должны были получать его, минуя армейские структуры. Так состоялось учреждение института представителей Петроградского Совета в войсках. В конце апреля — начале мая 1917 г. Исполком Совета произвел первые назначения комиссаров, причем не только на уровне армий: штабс-капитан Э.П. Тизенгаузен стал, например, военкомом Совета на Румынском фронте. В 7-ю армию Юго-Западного фронта был направлен Б.В. Савинков. И т. д.

Одновременно были предприняты попытки перевести только что созданный комиссариат под иное управление. Одна из них исходила от военного министра А.Ф. Керенского, который во время поездки в действующую армию в июне 1917 г. телеграфировал Временному правительству о желательности назначения комиссаров при командующих не только армиями, но и фронтами и настаивал на переводе их из ведения Петроградского Совета в распоряжение правительства. 23 июня он направил в правительство повторное обращение с просьбой назначить в войска правительственных комиссаров и просил наделить их правом непосредственных контактов с правительством, военным министром и Ставкой. Руководить деятельностью комиссаров стал бы специальный военно-политический отдел при Военном министерстве, создать который предложил Б.В. Савинков¹⁸.

Другая попытка была предпринята армейским командованием. Она заключалась в стремлении заменить независимую от командного состава политическую структуру институтом помощников командиров по организационной и политической работе. В конце мая 1917 г. последовало примечательное разъяснение тогдашнего Главковерха генерала от кавалерии А.А. Брусилова о том, что «во-

¹⁸ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 3. С. 444. О создании этого органа см. во 2-м параграфе главы.

енные комиссары при фронтах и армиях состоят не при штабах, а при соответствующих главнокомандующих (фронтами. — С.С.) и командующих армиями и являются их помощниками по осуществлению бытовых и военно-политических мероприятий»¹⁹.

Усилия военных в целом не дали желаемого результата, чего нельзя сказать о Временном правительстве: в июне оно назначило своего первого комиссара при Верховном главнокомандующем²⁰. Им стал председатель организации Всероссийского Земского Союза на Румынском фронте Е.А. Елачич²¹. А 15 июля, вскоре после событий 3–5 июля в Петрограде, вышло правительственное постановление «Об утверждении должности военных комиссаров при главнокомандующем армиями фронтов (стилистика оригинала. — С.С.)» для «содействия реорганизации армии на демократических началах и укрепления ее боеспособности, равно для борьбы со всякими контрреволюционными попытками». Отныне назначением военкомов «с ведома Центрального Исполнительного Комитета Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов, Всероссийского Совета крестьянских депутатов и Верховного главнокомандующего» занималось исключительно правительство, которому они теперь и подчинялись. В своей деятельности комиссары должны были руководствоваться указаниями военного министра и ему же представлять доклады о положении в войсках на фронте, а также еженедельно сообщать о своей работе Главковерху и ЦИК Советов²².

Военный министр Керенский издал инструкцию, определявшую круг основных обязанностей комиссаров: служить посредниками между высшим командным составом и войсками, сглаживая трения между ними; руководить политической жизнью армии; заботиться об улучшении материального положения солдат и их морального состояния, а также о культурном развитии военнослужащих, что в значительной степени перекликалось с функциями военкомов Петроградского Совета. Негласной обязанностью комиссаров продолжало оставаться наблюдение за политической благонадежностью командного состава. Военкомам предписывалось

¹⁹ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 382 от 31 мая 1917 г.

²⁰ Там же. Приказ № 563 от 4 июля 1917 г.

²¹ См.: Брусилов А.А. Указ. соч. С. 436.

²² Войсковые комитеты действующей армии. С. 241–242.

действовать в тесном контакте с войсковыми комитетами всех уровней, способствуя «единообразному разрешению всех политических вопросов, возникающих в пределах армий и тыла фронта», что можно, по мнению автора, рассматривать как признание в тот момент паритета влияния и полномочий комиссаров и комитетов в области политической жизни войск. Штабы фронтов обязаны были «осведомлять» комиссаров о подготовке и ходе войсковых операций, что, как представляется, открывало военкомам возможность вмешиваться в решение оперативных вопросов. В пределах каждого фронта комиссары армий и фронтовой составляли «общую коллегию, руководящую и объединяющую» их работу²³.

Штатное расписание создававшихся при военкоммах управлений и финансирование их деятельности находились теперь в ведении соответствующих армейских структур, что теоретически давало военным возможность оказывать на новые органы давление. Однако общая политическая ситуация вряд ли способствовала ее реализации. В дневнике командующего 7-й армией Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта В.И. Селивачева 2 августа 1917 г. была сделана следующая запись: «...Наглость... (войскового. — С.С.) комитета и комиссариата доходит до того, что, требуя от штаба армии авансы, они из них назначают себе суточные, пособия, авансы, жалованье писарям и т.п., и все это безо всяких штатов, табелей и распоряжений. Попытка штаба протестовать приводит к скандалу: немедленно летят телеграммы военному министру, Верховному главнокомандующему и главнокомандующему фронтом. И тогда начинается со всех сторон трезвон и вопль»²⁴.

Помимо официально установленных видов деятельности военкомам приходилось осваивать и другие: разбирать обращения офицеров, связанные с их переводами из части в часть и командировками; выдавать документы на различные воинские перевозки²⁵ и пр., что законодательно было отнесено к компетенции командиров. Приказом № 31 от 15 июля 1917 г. армии и флоту военный министр обязал также комиссаров вместе с командованием всех уровней «тщательно следить за распространяемыми в армии повременными (периодическими. — С.С.) изданиями» и в случае появления

²³ Деникии А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 291-292.

²⁴ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 168.

²⁵ Там же. С. 157,159,155.

газет антиправительственного направления, призывающих к неповиновению властям, немедленно делать представления в соответствующие инстанции об их закрытии²⁶.

Военкомы принимали активное участие во всероссийских политических мероприятиях, затрагивавших армию. Так, с началом выборов в Учредительное Собрание Верховный главнокомандующий издал 8 ноября 1917 г. приказ № 949, призывавший в том числе и комиссаров²⁷ «к самой деятельной работе по облегчению войскам производства выборов». В ходе предвыборной кампании ими или с их участием разрабатывались различные документы, регламентирующие порядок проведения предвыборных мероприятий. Например, в «Правилах о собраниях» в 4-й армии Румынского фронта, написанных военкомом армии, в частности, говорилось: «В случае протеста со стороны начальника против созыва собрания последнее отменяется, о чем составляется протокол за подписями членов полкового комитета — инициаторов собрания, и таковой пересылается комиссару корпуса, а где его нет, то комиссару армии... Причины неразрешения собрания начальник доводит до сведения соответствующего комиссара в срочном порядке»²⁸.

Военкомы выступали с различными инициативами, касавшимися войск. Так, в июле 1917 г. комиссары Юго-Западного фронта призвали власть ввести в действующей армии смертную казнь «для изменников и предателей Родины»²⁹, причем они имели в виду не только нижних чинов, но и «реакционный» комсостав. По свидетельству генерала В.И. Селивачева, военком Юго-Западного фронта Б.В. Савинков тогда заявил ему: «Теперь, слава богу, введена смертная казнь и не только для одних солдат»³⁰. В те же дни с согласия комиссаров главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Л.Г. Корнилов отдал приказ открывать огонь по военным служащим, дезертирующим с поля боя.

²⁶ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1690. Л. 79.

²⁷ После победы большевистского вооруженного восстания в Петрограде военкомы Временного правительства еще некоторое время сохраняли свои посты, пока их не сместили солдаты, местные военно-революционные комитеты или прибывшие на фронт комиссары центральной Советской власти.

²⁸ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 496.

²⁹ Там же. Л. 370.

³⁰ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 148.

Ряд предложений подал военком Северного фронта, а затем комиссар при Верховном главнокомандующем В.Б. Станкевич. В августе 1917 г. он вошел в правительство с проектом организации исправительных батальонов в тылу фронта. В эти батальоны, по его замыслу, «распоряжением командующих армиями или начальников округов по соглашению с комиссарами и высшими войсковыми комитетами» следовало направлять военнотружущих, доказавших «систематическим рядом проступков свою недостаточную подготовленность к несению высоких обязанностей воина свободной армии». Условия службы в таких батальонах должны были быть более «трудными и стесненными», чем в обычных частях³¹. Осенью 1917 г. В.Б. Станкевич направил исполняющему обязанности Главковерха генералу Н.Н. Духонину записку, в которой наряду с большим повышением окладов солдатам предлагал ввести денежные премии за взятые трофеи для достижения победы над врагом. «...Армия, прельстившись этими премиями, захватит миллион пленных, расход определится в один миллиард, но война будет победоносно закончена», — писал он³².

Летом 1917 г. военкомы были наделены правом ареста любого офицера и генерала «для поддержания идей революции и закрепления ее основ»³³, а также решающим голосом при конфирмации приговоров военно-революционных судов о предании военнотружущих смертной казни. Постановление Временного правительства по этому поводу гласило: «... 14) Приговор военно-революционного суда, присуждающий к смертной казни, препровождается на утверждение командующему армией и состоящему при ней комиссару Временного правительства, после какового утверждения вступает в силу и безотлагательно приводится в исполнение. 15) Если между командующим армией и комиссаром произойдет разногласие по вопросу об утверждении смертного приговора или если они признают нужным смягчить назначенное судом наказание, то приговор с их заключением представляется на окончательное разрешение комиссара при Верховном главнокомандующем».

³¹ Разложение армии в 1917 году. С. 62–63. Подробно об участии Вооруженных Сил в подготовке и проведении Учредительного собрания см. статью автора «Мы, солдаты-окопники, приветствуем Учредительное Собрание...» // Военно-исторический журнал. 2001. № 3.

³² Керсновский А.А. Указ. соч. С. 292.

³³ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 144.

В русских войсках, действовавших в составе союзных армий, право конфирмации смертных приговоров принадлежало «высшему представителю русской военной власти в этих войсках совместно с комиссаром при нем», а в случае отсутствия военкома — только «единолично первому из них»³⁴. Правда, вскоре утверждение смертных приговоров было передано целиком на усмотрение строевых командиров, но спустя непродолжительное время — опять на совместное решение командующих и комиссаров армий, однако уже при решающем слове командующих фронтами³⁵.

В середине августа 1917 г. в Москве состоялось совещание представителей всех фронтовых и армейских комитетов, которое приняло резолюцию, требующую вмешательства «высшей революционной власти через ее уполномоченных представителей при действующей армии» в вопросы повышения боеспособности войск. Военкомам предлагалось всемерно содействовать деятельности войсковых комитетов и поддерживать с ними тесные рабочие контакты, а также решительно обновлять командный состав и наблюдать «в духе революционных законоположений за деятельностью всех органов военного управления», пресекая проявление контрреволюции в войсках.

Совещание высказалось за предоставление комиссарам исключительного права «надзора, с точки зрения законности, за всей общественно-политической жизнью армии и деятельностью войсковых организаций». В случае разногласий между комитетами и военкоматами окончательное решение должен был принимать военный министр и организованный при нем выборный орган из представителей армии (высший войсковой комитет). Прерогативу назначений комиссаров, по мнению участников совещания, следовало оставить за правительством, но, как и прежде, — с согласованием их кандидатур с ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов (туда же направлялись бы рекомендации на военкомов и их мотивированные отводы из соответствующих войсковых комитетов)³⁶.

После подавления корниловского мятежа Временное правительство сделало еще один шаг к укреплению института своих представителей в армии. 30 августа управляющий делами Военного министерства Б.В. Савинков утвердил «Основные положения

³⁴ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 602.

³⁵ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 172.

³⁶ Войсковые комитеты действующей армии. С. 283–284.

о военных комиссарах и войсковых организациях», в которых без обиняков говорилось, что военкомы являются органами правительства для надзора за законностью и укреплением «единообразного революционного порядка в армии в целях поднятия ее боеспособности в связи с демократизацией». Иерархически комиссариат был дополнен должностями военкомов корпусов, а также военных округов и бригад во фронтовом тылу. Главный (высший) и фронтовые комиссары назначались правительством, причем первый — теперь по согласованию с Верховным главнокомандующим, а не с ЦИК Советов; армейские и окружные — военным министром по представлению главного и фронтовых военкомов, а корпусные и бригадные — военкомками фронтов. Снять их с постов можно было по представлению комиссара более высокого ранга.

Официально устанавливалась ответственность военкомов за преступления служебного характера: злоупотребление властью, бездействие власти, превышение власти. Были уточнены их полномочия относительно войсковых комитетов: последние ставились под жесткий комиссарский контроль. Военкомы имели право в крайнем случае даже их распустить и назначить новые выборы. Подтверждалась обязанность комиссаров осуществлять надзор «За устной агитацией вплоть до приостановления деятельности органов печати и запрещения митингов на определенный срок в войсковом районе». Им также было теперь предоставлено право аттестации лиц командного состава в дополнение к аттестации последних их начальниками и ходатайства об отводе командиров, явно несоответствующих занимаемой должности. Вместе с тем вводилась уголовная ответственность военкомов за возможные неверные отзывы об офицерах. Комиссары могли также приостанавливать распоряжения командования, «идушие вразрез с действующими законоположениями и указаниями Временного правительства». Только военкомы имели теперь право отдать приказ о применении вооруженной силы «вне боевой обстановки». При их участии следовало проводить расформирование провинившихся частей. Наконец, на комиссаров была возложена «реорганизация совместно со штабами контрразведывательного и военно-цензурного дела на началах, обеспечивающих интересы обороны государства и укрепления нового порядка»³⁷. «Основные положения» предлагались

³⁷ Войсковые комитеты действующей армии. С. 296–301.

в качестве временного руководства практической деятельностью комиссаров до выработки развернутого «Положения» и знаменова-ли собой попытку одного из центров власти в стране — Временного правительства, на волне антикорниловских настроений поставить армию исключительно под свой контроль.

16 октября 1917 г. вступило в силу очередное, и последнее в рассмат-риваемый период, «Положение о военных комиссарах». В его вводной части подчеркивался временный характер комиссариата как учреждения, призванного восстановить нормальные взаимоотношения между солдатами и офицерами и поднять авторитет начальствующего состава, подорванный за время революции. Новый документ опирался на «Основные положения» Савинкова, однако под влиянием протестов со стороны войсковых комитетов все пункты о последних были в нем смягчены: комиссары теперь не могли распускать комитеты, хотя и сохранили право надзора за их деятельностью и опротестования их решений³⁸.

20 октября 1917 г. вышло постановление Временного правитель-ства о мерах по поддержанию дисциплины в армии, предусма-тривавшее перевод частей с расшатанной дисциплиной в разряд штрафных. Решение в этом случае должно было приниматься ко-мандующим армией (главным начальником военного округа) или командующим фронтом по согласованию с соответствующими войсковыми комиссарами и комитетами³⁹, что явилось хроноло-гически последним дополнением функций представителей Вре-менного правительства в войсках.

Между тем армия восприняла военкомов в целом «в штыки». Ярким примером может служить демарш главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала Брусилова. Не успело состояться официальное решение о направлении в войска первых комиссаров, как он 26 апреля телеграфировал Верховному главнокомандующе-му и военному министру: «...по соглашению Временного прави-тельства с Советом рабочих и солдатских депутатов решено назна-чить при каждом штабе фронта и армии специальных комиссаров. Уверен, что в военное время главнокомандующий армией на театре военных действий должен пользоваться полным доверием прави-тельства и народа и обладать полною властью, определенною “Поло-

³⁸ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 3. С. 456–457.

³⁹ Исторический архив. 1961. № 4. С. 110.

жением о полевом управлении войсками”, и что подобная мера будет во всех отношениях пагубно влиять на боевые действия войск. Одновременно с осуществлением этой меры настоятельно прошу об увольнении меня от должности главнокомандующего (фронтом. — С.С.), так как по долгу чести и любви к Отечеству не считаю себя вправе нести ответственность при подобных условиях... Считаю такую меру в принципе недопустимой и явно вредной по существу на боевом фронте...»⁴⁰ Генерал Селивачев, упоминавшийся выше, тоже записал в своем дневнике: «Вмешательство комиссариата во все дела безо всяких знаний делает невозможным положение начальников... Старшие нач[альни]ки становятся игрушками в руках комиссаров... Комиссары поставлены от правительства... от кого же, спрашивается, поставлен старший командный состав и кто отнимал от него предоставленные ему “Положением о полевом управлении” права? Это не жизнь и не работа, а вечные каторжные работы...»⁴¹

Поэтому неудивительно, что, когда 16 июля 1917 г. на совещании в Главной Квартире представителей верховного командования и Временного правительства первыми была предложена программа мер по оздоровлению армии, в ней содержались рекомендации: «...5) Уничтожить... комиссаров, которых Керенский считает “глазами и ушами Временного правительства”... 6) ...Скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников. Вернуть то доверие свыше, без которого старший ответственный начальник не может отдать все силы духа и ума на выполнение боевой задачи: нельзя допускать, чтобы начальника смущали торчащие сзади “глаза и уши” человека, часто не имеющего никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешиваться и кроме “глаз и ушей” совать всюду и свой “нос”»⁴².

Впрочем, некоторые участники совещания посчитали целесообразным временно сохранить институт комиссаров⁴³, а генерал Корнилов, командовавший тогда Юго-Западным фронтом, прислал телеграмму, в которой предлагал учредить должности военкомов корпусов и предоставить комиссарам право утверждения приго-

⁴⁰ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 6. Д. 1. Л. 82.

⁴¹ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 166.

⁴² Красный архив. 1925. Т. 5. С. 237-238.

⁴³ Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 546.

воров военно-революционных судов⁴⁴, что, как мы видели, было в дальнейшем воплощено в жизнь. Правда, накануне путча, уже являясь Верховным главнокомандующим, Корнилов на совещании военкомов всех фронтов и армий и председателей фронтовых и армейских комитетов, созванном им в Ставке, высказался за сокращение прав комиссаров⁴⁵, а один из пунктов его знаменитой программы провозглашал: «... 4) создание боеспособной армии и организованного тыла ... без вмешательства комитетов и комиссаров...»⁴⁶

В солдатской среде, как писал впоследствии в мемуарах генерал Деникин, военкомы тоже «как орган принуждения, иногда усмирения... уже тем самым не могли найти популярности, а отсутствие прямой, разящей власти не могло сделать им авторитета силы»⁴⁷. Кроме того, комиссары представляли правящие социалистические партии эсеров и меньшевиков, популярность которых в течение 1917 года падала, что не добавляло популярности и военкомам. А социальная принадлежность последних главным образом к интеллигенции (военкомами становились офицеры военного времени, врачи, адвокаты, публицисты, бывшие ссыльнопоселенцы, политические эмигранты⁴⁸ и пр.) приводила к тому, что солдаты в массе своей воспринимали комиссаров наряду с офицерами как социально чуждых себе, что сводило на нет усилия военкомов по улучшению обстановки в армии. Так, личным составом 9-го броневое автомобильного дивизиона на военкома 8-й армии Юго-Западного фронта штабс-капитана М.М. Филоненко, ранее служившего в дивизионе, был послан отвод в Петроградский Совет, ЦИК Советов и военному министру. В документе говорилось: «...Вся предыдущая деятельность Филоненко в бытность его офицером в дивизионе выражалась в систематическом издевательстве над солдатами, для которых у него не было иного названия как “болван”, “дурак” и т.п., в сечении розгами... причем, будучи адъютантом (дивизиона. — С.С.), применял порку без разрешения командира дивизио-

⁴⁴ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 441.

⁴⁵ См.: Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 627; Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 288.

⁴⁶ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 2. С. 98.

⁴⁷ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 294.

⁴⁸ Там же. С. 292. Например, помощником комиссара 8-й армии Юго-Западного фронта в 1917 г. был В. Б. Шкловский, будущий выдающийся писатель и литературовед (Приказы по военному ведомству, 1917. С. 639).

на, исключительно опираясь на свое положение, что ему никто не смел перечить в мордобитии, которым он всегда грозил и цинично проповедовал, и самом невозможном оскорбительном отношении к солдатам, на которых он смотрел как на низшие существа, а потому... считаем, что Филоненко не может занимать пост комиссара революционного правительства»⁴⁹.

Нередко военкомы становились объектами оскорблений и насилия со стороны нижних чинов. Вот как, например, происходило общение на передовой с солдатами, отказывавшимися идти в наступление, военкома 11-й армии Юго-Западного фронта полковника И.И. Кириенко: он «стал им толковать о долге, о чести, о присяге и т. д., но из рядов стрелков начали раздаваться возгласы: “Буржуй, убирайся вон, нас не надуешь, никуда мы не пойдём!” И сколько ни старался говорить... комиссар, его все время перебивали, все резче, все громче. Видя бесполезность своих уговариваний и доводов и окончательно изведясь, Кириенко снял фуражку и, бросив ее оземь, закричал стрелкам: “Это я-то буржуй! Я, который сидел на каторге из-за того, что добивался для вас свободы! Ну вас всех к черту!” С этими словами он сел в автомобиль и уехал»⁵⁰. Не получился «контакт» с солдатами и у военкома 4-й армии Румынского фронта поручика В.А. Алексеевского, пытавшегося оказать воздействие на часть, которая в знак протеста против выступления генерала Корнилова отказалась выйти на укрепление позиций. «Когда подразделения были построены ...Алексеевский заявил, что если часть не выйдет на укрепление позиции, то будет применено оружие. Сол-

⁴⁹ Цит. по: История гражданской войны в СССР. Т.1. С. 194. Довольно едкую характеристику Филоненко дал в своих мемуарах и представитель тогдашнего командования армии генерал П. Н. Врангель: «В кабинет вошел среднего роста молодой человек в модном френче и английской кепке... С большим апломбом Филоненко стал высказывать свое мнение о последних операциях, о необходимости немедленного принятия мер, дабы помешать противнику использовать опасно выдвинутое положение 8-ой армии. Обратившись ко мне, Филоненко стал говорить, что он, как бывший офицер, признает необходимость проведения немедленных мер для укрепления подорванной дисциплины; что он всячески поддерживал генерала Корнилова в его усилиях поднять дисциплину в 8-ой армии... За обедом Филоненко продолжал с прежним апломбом говорить о военном и политическом нашем положении. Он очень любезно предложил мне помочь удалению из войсковых комитетов моей дивизии тех офицеров и солдат, которые, по моему мнению, оказались нежелательными» (Врангель П.Н. Указ. соч. Кн.1. С. 33).

⁵⁰ Шиллинг Н.Н. Из моих воспоминаний с 3 марта 1917 г. по 1 января 1919 г. // Февральская революция. С. 338.

даты держались стойко. Тогда Алексеевский приказал стрелять, но солдаты соседней части не сдвинулись с места. Тогда комиссар Временного правительства поспешно удалился»⁵¹. Военком же Особой армии Юго-Западного фронта Ф.Ф. Линде вообще был убит нижними чинами за то, что поддержал попытку расправы командования с одним из полков⁵². Случаи насилия над комиссарами, причем исключительно со стороны солдат, происходили на разных фронтах. Так, сводка военно-политического отдела штаба Верховного главнокомандующего об эксцессах в армии с 1 по 30 октября 1917 г. зафиксировала восемь случаев оскорбления военкомов Временного правительства и членов войсковых комитетов с насилием над ними⁵³.

Т. о., армия стремилась отторгнуть новую структуру, инкорпорированную в нее революцией. Однако, не имея для этого достаточных возможностей, она должна была пойти по пути выражения внешней лояльности комиссарам и, соответственно, новому режиму, не оставляя попыток приспособить нововведение к своим собственным потребностям. Поэтому, следуя политической моде, командование не забывало упоминать военкомов наряду с командирами в приказах по войскам. Так, в приказе № 628 от 18 июля 1917 г. Главкомверх генерал Брусилов указывал: «...Отдавая должное командному составу и офицерскому корпусу, я не могу не отметить полезную, самоотверженную деятельность комиссаров... Даже наступивший перелом в операции показал ту огромную работу, которую несли и несут комиссары... самоотверженно отдавая все силы тяжелому и ответственному делу оздоровления армии... Считаю своим долгом выразить благодарность комиссарам... Я призываю комиссаров... к дружной работе в представленной им сфере в тесном единении с командным составом, помогая ему спасти армию от разложения и гибели». В приказе № 629, изданном им в тот же день, говорилось: «...Г.г. комиссаров прошу помочь и поддержать командный состав. Все, что есть в армии разумного и интеллигентного, должно сплотиться воедино и работать для спасения ее». А.А. Брусилов даже удалил с должности главноко-

⁵¹ ЦМВС РФ. Ф. 4. Оп. III.1.1. Ед. хр. Б-1726. Л. 7 а-8.

⁵² См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. Разгром корниловского мятежа (далее — Революционное движение в России в августе 1917 г.). М., 1959. С. 619.

⁵³ История гражданской войны в СССР. Т. 1. С. 250.

мандующего Юго-Западным фронтом генерал-лейтенанта А.Е. Гутора после того, как тот отправил ему телеграмму с протестом по поводу вмешательства военкомов Б.В. Савинкова и М.М. Филоненко в оперативные вопросы, причем для смещения генерала Верховный главнокомандующий прибыл лично⁵⁴.

Помощник командующего Румынским фронтом генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев телеграммой в войска фронта сообщил в сентябре 1917 г.: «...Гражданская доблесть — в сохранении полного порядка, спокойствия и взаимного доверия солдат и офицеров. Последние тяжелые дни доказывают полное единение командного состава, военных комиссаров и воинских организаций и их взаимное доверие»⁵⁵. И даже генерал Корнилов, подняв мятеж, апеллировал в числе прочих к военкомам: «...Приказываю всему составу армии и флота от главнокомандующего до последнего солдата, всем комиссарам, всем выборным организациям сплотиться в эти роковые минуты жизни Отечества воедино и все силы свои, без мысли о себе отдать делу спасения Родины, а для этого в полном спокойствии оставаться на фронте и грудью противостоять предстоящему натиску врага»⁵⁶. Конечно, это было политическим маневром генерала, но сам факт включения института комиссаров в качестве составляющей в политические игры мятежного Верховного главнокомандующего доказывает, что новая структура приобрела определенный политический вес, иначе ее бы проигнорировали.

Примечательное в этом отношении событие произошло летом 1917 г. на Юго-Западном фронте. Назначенный туда в качестве главнокомандующего генерал А.И. Деникин и командующий 7-й армией фронта генерал В.И. Селивачев начали проводить политику оттеснения комиссаров и комитетов от власти в войсках, в связи с чем исполняющий обязанности военкома фронта В.П. Гобечия направил протесты военному министру А.Ф. Керенскому и Верховному главнокомандующему Л.Г. Корнилову. Ставка, т. е. Главковерх, призвала обоих командующих, «учитывая момент», «воздержаться от резких мер в отношении комиссаров и комитетов»⁵⁷.

⁵⁴ Красный архив. 1925. Т. 3 (10). С. 150–151.

⁵⁵ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 2. Д. 68. Л. 454 об.

⁵⁶ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 900 от 29 августа 1917 г.

⁵⁷ Минц И.И. Указ. соч. Т. 2. С. 626.

В сентябре 1917 г. в Главной Квартире под руководством начальника штаба Верховного главнокомандующего генерала Н.Н. Духонина была разработана программа мероприятий по повышению боеспособности русской армии к весне 1918 г. Несмотря на то, что документ создавался тремя «старорежимными» генералами (Н.Н. Духониным, А.И. Деникиным и М.К. Дитерихсом), он содержал целое «Положение о комиссарах и комитетах». Согласно проекту институт военкомов сохранялся в виде структуры помощников войсковых начальников «по части проведения в армии начал гражданственности в тесной связи с основаниями воинской дисциплины и с духом внутренней политики правительства» (напомним, что эту же мысль проводил в мае 1917 г. генерал А.А. Брусилов). Представителями правительства в войсках считались бы не комиссары, а командиры. В проекте подчеркивалось, что «права и обязанности комиссара ограничиваются сферой его деятельности и работы с войсковыми комитетами и воспитания воина-гражданина. Являясь ближайшим сотрудником начальника части по укреплению гражданственности, он имеет право опротестовать выборы в комитеты, организовывать пропаганду в войсках и давать заключения о направлении политической деятельности того или другого лица начальнику, при котором он состоит». Правда, в случае явной антиправительственной деятельности командира комиссар имел бы право немедленно доносить об этом высшему начальству, а в исключительных случаях даже «принимать решительные меры в данной части». Кроме того, за военкомом признавались функции высшего арбитра в решении политических разногласий в среде личного состава⁵⁸.

Как видим, войсковые комитеты, хотя и были сохранены в генеральской программе, ставились в армейской политической иерархии ниже комиссаров. Таким путем командование пыталось решить сразу две задачи: переподчинить себе военкомов и поставить под свой контроль деятельность комитетов. Программа трех генералов реализована не была, но 1 октября 1917 г. Верховный главнокомандующий Керенский издал приказ № 935 о создании войскового (общееармейского) комитета при Ставке, согласно которому доступ последнего к информации о деятельности всех учреждений и управлений штаба Главковерха и доведение до Комитета различных сведений предоставлялись ему исключительно через комисса-

⁵⁸ Исторический архив. 1961. № 4. С. 98-100.

ра при Верховном главнокомандующем, что отражало факт укоренения и усиления института военкомов в войсках.

Вместе с тем слабым местом последнего была неустоявшаяся кадровая политика. Часто в войска посылались люди, не представлявшие себе специфику армии как одного из государственных институтов и не имевшие никакого понятия о военном деле. Так, один из комиссаров Северного фронта В.С. Войтинский впоследствии писал в воспоминаниях, что его отъезд в действующую армию не был для него неожиданностью, т. к. в течение предыдущих четырех месяцев он работал по линии Центрального Исполнительного Комитета Советов преимущественно среди солдат и в известной мере приобрел репутацию «специалиста по военным вопросам». «Впрочем, — честно добавлял он, — сам я в полной мере сознавал свою некомпетентность в этих вопросах. Поехал я на новую работу потому, что деятельность в ЦИК в последнее время стала для меня невыносимо тяжела — угнетало сознание ее бесполезности. А с фронтом были связаны еще кое-какие надежды»⁵⁹. Кроме того, как справедливо отмечал позже А.И. Деникин, комиссары «ходили в партийных шорах и зачастую не проводили общей политической линии правительства, считая себя связанными советской и партийной дисциплиной»⁶⁰. Так, в связи с созывом Учредительного Собрания правительственные комиссары приняли участие в предвыборной кампании в качестве общественных деятелей — кандидатов в депутаты Собрания. Например, на Румынском фронте фамилии военкомов и их помощников присутствовали в кандидатских списках эсеров и объединенных социал-демократов⁶¹.

С победой большевистского вооруженного восстания в Петрограде военкомы прежней власти превратились в представителей низложенного правительства и должны были, говоря словами комиссара Румынского фронта Э.П. Тизенгаузена, действовать «за свой страх»⁶². Правда, формально существовал приказ Верховного главнокомандующего Керенского, бежавшего в Псков: «Наступившая смута... ставит государство наше на край гибели и требует напряжения всей воли, мужества и исполнения долга каждым для вы-

⁵⁹ Войтинский В.С. Указ. соч. С. 187.

⁶⁰ Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 292.

⁶¹ РГВИА. Ф. 2620. Оп. 1. Д. 7. Л. 54.

⁶² Красный архив. 1925. Т. 1(8). С. 158.

хода из переживаемого Родиной нашей смертельного испытания... Приказываю всем начальникам и комиссарам во имя спасения Родины сохранить свои посты, как и я сохраняю свой пост Верховного главнокомандующего, впредь до изъявления воли Временного правительства Республики»⁶³. Многие военкомы действительно продолжили в тот период свою деятельность в русле противодействия установлению советского строя. Тот же Тизенгаузен вместе со своим помощником вошел в образовавшийся местный комитет спасения Родины и революции⁶⁴. Аналогично поступил комиссар Западного фронта В.А. Жданов, с согласия которого Минский комитет спасения Родины и революции и был создан⁶⁵. Военком Юго-Западного фронта Н.И. Иорданский опубликовал от своего имени объявление о том, что военная власть в крае принадлежит только военным начальникам и губернским комиссарам Временного правительства и что никакие попытки захватов или политических соглашений недопустимы. Всякие «самочинные» организации вроде военно-революционных комитетов объявлялись излишними. Войсковые комитеты сохранялись лишь «как формы сотрудничества и содействия законным представителям власти на фронте и прилегающих губерниях». Население и политические партии призывались «сосредоточить силы на выборах в Учредительное Собрание и на обеспечении его созыва в назначенный срок»⁶⁶. Комиссар 10-й армии Западного фронта И.О. Пасечный распространил в частях

⁶³ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 313 от 25 октября 1917 г.

⁶⁴ Красный архив. 1925. Т. 1 (8). С. 160.

⁶⁵ Там же. С. 160, 166.

⁶⁶ Там же. С. 156. Интересно отметить, что в момент выступления генерала Корнилова Иорданский, пребывая в той же должности, принял на себя полномочия военной власти, произвел в Житомире аресты среди старших чинов Главного управления снабжения Юго-Западного фронта и от своего имени, а также от имени революционных организаций и губернского комиссара выпустил воззвание, в котором обвинил командующего фронтом генерала Деникина в намерении «возвратить старый режим и лишить русский народ земли и воли» (Деникин А.И. Указ. соч. Т. 1. С. 471). После же Октябрьской революции Н. И. Иорданский был редактором советской газеты «Путь» в Гельсингфорсе, затем работником Народного Комиссариата по иностранным делам и Госиздата. В качестве полномочного представителя СССР в Италии он заключил торговый договор, по которому Италия признала Советский Союз де-юре (Энциклопедический Словарь Русского Библиографического Института Гранат: 7-е перераб. изд. М, [1926]. Т. 41-1. С. 151).

своей армии заявление о том, что считает восстание в столице авантюрой и не признает власть большевиков «как самочинную и гибельную для Родины». Он также пытался вместе с войсковым комитетом наладить в армии «правильное» освещение и разъяснение происходившего⁶⁷. Комиссар 4-го кавалерийского корпуса Юго-Западного фронта Башмаков совместно с председателем корпусного комитета Тарасовым 27 октября предложил помощь корпуса «для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией»⁶⁸. Примеры можно продолжить.

Любопытно, что и командование со своей стороны в тот момент поддержало деятельность старого комиссариата. Так, 9 ноября военному Временного правительства при Верховном главнокомандующем было выделено 10 тыс. рублей на расходы по его управлению⁶⁹.

Но послеоктябрьская деятельность прежних комиссаров продолжалась недолго: в конце октября — начале ноября их сменили комиссары Советской власти. Например, созданный 26 октября Военно-революционный комитет 5-й армии Северного фронта сразу же предписал военкомам Временного правительства сдать полномочия своим комиссарам⁷⁰, военком 42-го отдельного армейского корпуса подпоручик К.М. Соколов был отстранен от должности 2 ноября⁷¹, военком Западного фронта В.А. Жданов — 4 ноября⁷² и т.д. Этими актами была подведена черта под короткой, но насыщенной событиями историей института военных комиссаров Петроградского Совета и Временного правительства в русской революционной армии.

Как элемент социальной модернизации последней в условиях постмонархических преобразований структур власти в России данный институт воплотил в себе потребность государства в органе прямого контроля за одним из своих столпов — армией. Эта потребность обозначилась еще в предшествующие годы Первой мировой войны, свидетельствуя о разбалансировке государственного организма. За восемь месяцев своего существования от Февральской

⁶⁷ Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 169.

⁶⁸ Там же. Т. 1 (8). С. 170.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 3. Л. 420.

⁷⁰ Базанов С.Н. Борьба за власть в действующей российской армии (октябрь 1917 — февраль 1918 гг.). М., 2003. С. 177.

⁷¹ Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 448.

⁷² Базанов С.Н. Указ. соч. С. 56.

до Октябрьской революции комиссариат, учрежденный в войсках, успел пройти несколько этапов развития:

1) в феврале — апреле 1917 г. практиковалось командирование в части представителей высших органов власти с разовыми поручениями, в основном агитационно-пропагандистского характера; 2) в конце апреля — июне 1917 г. существовал институт представителей (комиссаров) Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в армии; 3) в июле — ноябре 1917 г. военкомы находились под полной юрисдикцией Временного правительства и являлись правительственными комиссарами.

Очевидно, что возникшее в стране после свержения царизма двоевластие и наличие двух центров революционной власти не могло не отразиться на становлении комиссариата, превратив его в поле соперничества между Советами и Временным правительством за право руководить его деятельностью, а следовательно, контролировать и направлять политический процесс в армии. В силу сложившейся в стране политической ситуации, после неудавшихся попыток освободиться от военкомовской структуры к названным выше соперникам присоединилось армейское командование, которое было не прочь само встать у руля государственного управления, и поэтому нуждалось во внутренней консолидации армии и, соответственно, аппарате такой консолидации. Это привело к попыткам командного состава переподчинить военкомов себе, изменив их статус на помощников командиров по политико-воспитательной работе.

Все перечисленные факторы, а также сама фаза становления, из который новый институт не успел выйти в силу краткости своего существования, не позволили ему в достаточной степени окрепнуть и основательно укорениться в войсках. Военный социум на всем протяжении существования комиссарской структуры воспринимал ее как инородный, искусственно инкорпорированный элемент. Поэтому из четырех основных задач, решить которые были призваны военные комиссары (пресечение в армии попыток контрреволюции, восстановление воинской дисциплины путем возрождения уставных взаимоотношений между солдатами и офицерами и укрепления авторитета начальствующего состава, демократизация армии и повышение ее боеспособности), отчасти была решена только одна — та, что касалась демократизации, да и то в значительной мере усилиями не комиссаров, а самих солдат и органов их политического самовыражения, а также Советами. По

ряду же вопросов военные комиссары поддерживали войсковых начальников, чью контрреволюционность призваны были контролировать.

Следует отметить, что структура постепенно разрасталась не только иерархически, но и численно. Так, в период подчинения комиссаров Петроградскому Совету их количество не превышало 30 человек, правительственных же военкомов насчитывалось уже около 100⁷³, хотя боеспособность армии и ее внутренняя стабильность продолжали катастрофически падать. Таким образом, численность комиссариата и результативность его работы были обратно пропорциональны друг другу, что позволяет дать определение институту военных комиссаров как индикатору ослабления института самого государства: сильный государственный механизм в такой структуре не нуждается; появление контрольного органа сигнализирует о начавшейся разбалансировке, а его разрастание — об углублении указанного процесса.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ

При учреждении политического представительства Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в армии создание при комиссарах делопроизводственного аппарата не предусматривалось. Военкомам полагалось иметь несколько помощников, количество которых не регламентировалось, а также ответственных агитаторов и секретарей (как правило, у военкомов было по два помощника и по одному агитатору и секретарю). Когда некоторые комиссары запросили себе штат канцелярий для ведения текущих дел, Фронтовой комиссариат Исполнительного комитета Петросовета, являвшийся в тот момент высшим органом для военкомов, воспротивился: «Громоздкая канцелярия из нескольких писарей комиссия (Фронтовой комиссариат. — С.С.) считает лишними, так как работа комиссара должна быть главным образом политической, а не бюрократической. Комиссары должны находиться в тесном единении с армейскими организациями (войсковыми комитетами. — С.С.), и в случае нужды у них всегда можно переписать

⁷³ Исследователь Кутузов В. В. говорит о 126 таких комиссарах и их помощниках (Кутузов В.В. Указ. соч. С. 163).

какую-нибудь бумагу»⁷⁴. Т.о., никаких военно-политических структур, ни подчиненных комиссарам, ни независимых от них, на первом этапе функционирования комиссариата создано не было.

Положение дел изменилось, когда Временное правительство учредило 5 июня 1917 г. Кабинет военного министра на правах Главного управления Военного министерства. В задачи нового органа входило выполнение «предуказаний военного министра по объединению деятельности Главных управлений Военного министерства и направлении всей жизни войск на новых началах». Одним из подразделений Кабинета стало политическое делопроизводство (отдел), призванное заниматься «всеми вопросами, относящимися до политической жизни войск», и согласованием «деятельности военного ведомства с общей политикой Временного правительства», возглавлял которое помощник начальника Кабинета военмина по политической части. Одновременно он руководил и работой делопроизводств: по сношению с войсками и осведомительным⁷⁵.

В июле 1917 г. одновременно с учреждением постов правительственных комиссаров при командующих армиями и фронтами, при военкоммах были созданы военно-политические отделы. Они состояли из отделений: по введению новых условий жизни в армии; по ликвидации недоразумений и конфликтов и остатков полицейского режима; общих дел и печати⁷⁶, — повторяя организационную структуру политической части Кабинета военного министра. В начале августа 1917 г. политическая часть Кабинета была развернута в Политическое управление Военного министерства, подчиненное непосредственно военному министру А.Ф. Керенскому и ставшему к тому времени управляющим делами Военного министерства Б.В. Савинкову, который, напомним, и являлся инициатором создания подобного органа. Управление состояло из пяти бюро (отделов): о комиссариате; войсковых организаций; общих вопросов по реорганизации армии; культурно-просветительного; осведомительного

⁷⁴ Шляпников А.Г. Указ. соч. Т. 3. С. 445, 448, 449.

⁷⁵ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 349–351. Главным начальником политического делопроизводства Кабинета военного министра стал подпоручик В. Б. Станкевич, будущий военный комиссар Временного правительства при Верховном главнокомандующем. В конце июля 1917 г. его сменил поручик Ф. А. Степун, вскоре назначенный на должность и.о. начальника только что созданного Политического управления Военного министерства (Комаров Н.А. Указ. соч. С. 57–58).

⁷⁶ Войсковые комитеты действующей армии. С. 242.

и печати. Первое из названных бюро занималось всеми вопросами, касавшимися организации и деятельности военкомов в Вооруженных Силах как на фронте, так и в тылу и, соответственно, военно-политических отделов или управлений при них⁷⁷. Оно включало отделения: личного состава; текущих дел; общих дел. Второе бюро ведало «всеми вопросами устройства выборных войсковых организаций, их взаимного отношения с командным составом и их компетенцией, содействуя объединению их деятельности», и состояло из отделений: фронтовых Советов; тыловых организаций; специальных комитетов. Прерогативой третьего бюро было объединение «в политическом отношении деятельности Главных управлений Военного министерства в части, касающейся устройства быта и службы чинов армии и вообще реорганизации армии». В его составе были отделения: призыва и отсрочек; национальных и добровольческих войск; материального положения и прохождения службы; реформ в армии. Четвертое бюро, соответственно, руководило «всей культурно-просветительной деятельностью в войсках фронта и тыла», состоя из отделений: библиотечного и издательского; лекторского; школьного и театрального⁷⁸. Наконец, пятое бюро занималось информированием руководства Военного министерства «О мнениях и суждениях печати», а средств массовой информации и различных общественных организаций — «о деятельности Военного министерства и о событиях, касающихся быта, службы и состояния войск». Кроме того, этому бюро предписывалось объединить «всю издательскую деятельность Военного министерства, не касающуюся военно-технических вопросов». Оно включало отделения: печати и информации; надзора за прессой и осведомления Военного министерства и управлений; снабжения прессой. Руководители всех бюро были приравнены по своим правам к начальникам отделов Главных управлений военного ведомства, а их подчиненные — к соответствующим чиновникам этих управлений. Сотрудниками всех бюро могли быть как военные, так и гражданские лица⁷⁹. Общий

⁷⁷ Возглавлялось в августе 1917 г. меньшевиком Кузьминым-Караваевым (Кутузов В.В. Указ. соч. С. 161).

⁷⁸ 12 октября 1917 г. в Политуправление были переданы издательский и кинематографический отделы Скобелевского комитета помощи увечным воинам, кинофабрика в Москве и склады кинолент (Комаров Н.А. Указ. соч. С. 62).

⁷⁹ Приказы по военному ведомству. 1917. С. 740; Рабинович С.Е. Указ. соч. С. 95.

штат Политического управления насчитывал 133 сотрудника⁸⁰, из них в бюро о комиссариате работало 5 человек (начальник, 3 делопроизводителя и младший помощник делопроизводителя)⁸¹.

Формирование штатного расписания политических структур при военных комиссарах Временного правительства и финансирование их деятельности осуществлялось соответствующими войсковыми органами, в частности, в действующей армии — 1-м организационным отделением организационного отдела Управления дежурного генерала штаба Верховного главнокомандующего⁸². Так, 5 июля 1917 г., за десять дней до выхода правительственного постановления об учреждении постов военных комиссаров при командующих фронтами приказом Главковерха № 569 был утвержден «Временный штат Управления комиссара Временного правительства при главнокомандующем фронте». Он включал девятнадцать человек: самого военкома, его помощника, трех начальников и трех делопроизводителей отделов, штаб-офицера и обер-офицера⁸³ для поручений и девять писарей. Спустя неделю также приказом Верховного главнокомандующего вступил в действие временный штат Управления комиссара при Верховном главнокомандующем в составе двадцати одного человека: военкома, четырех его уполномоченных, начальника канцелярии, трех чиновников для особых поручений и двадцати технических работников разного профиля⁸⁴. В конце июля в это управление была добавлена должность помощника комиссара⁸⁵, а в середине августа 1917 г. новый Главковерх генерал Корнилов расширил его штат до тридцати семи сотрудников (в частности, появился еще один помощник военкома и на одного человека увеличилось количество офицеров для поручений, зато вместо четырех уполномоченных комиссара осталось два). В составе управления было организовано четыре отдела⁸⁶.

⁸⁰ Сенин А.С. Политическое управление Военного министерства. С. 16.

⁸¹ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 740.

⁸² РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 570 от 22 сентября 1917 г.

⁸³ Штаб-офицеры — полковники и подполковники; обер-офицеры — капитаны, штабс-капитаны, поручики, подпоручики.

⁸⁴ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 616 от 12 июля 1917 г.

⁸⁵ Там же. Приказ № 697 от 25 июля 1917 г.

⁸⁶ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 839 от 17 августа 1917 г.

После ликвидации попытки корниловского мятежа очередной Верховный главнокомандующий, которым в тот момент стал сам министр-председатель А.Ф. Керенский, внес изменения в штаты управлений комиссаров при командующих армиями, командирах отдельно действующих корпусов и главных начальниках Одесского, Минского, Двинского, Киевского и Кавказского военных округов на театре военных действий, а также русских войск во Франции. Количество сотрудников этих управлений уменьшалось до одиннадцати человек за счет ликвидации деления управлений на отделы⁸⁷. 28 сентября ввиду того, что «в настоящее время политическая жизнь армии является вопросом особой государственной важности», был повышен статус начальника Политического Управления Военного министерства: из четвертого помощника военного министра он стал помощником министра по политической части⁸⁸.

Работники правительственных военно-политических органов, как и комиссары стремились играть активную роль в политической жизни России. Так, представитель Политического управления являлся членом Совета Центрального комитета социально-политического просвещения, начальник Политуправления стал членом делегации Военного министерства на Государственном совещании в Москве в августе 1917 г., а его сотрудники вошли в Комитет спасения Родины и революции, созданный 28 октября для противодействия установлению Советской власти⁸⁹. 18 ноября 1917 г. Политическое управление было официально упразднено⁹⁰, но один из его

⁸⁷ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 958 от 30 сентября 1917 г.

⁸⁸ Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 196. Должности начальника Политуправления последовательно занимали поручик Ф.А. Степун (исполняющий обязанности), бывший редактор политического отдела газеты «Русский инвалид», а затем руководитель политического делопроизводства Кабинета военного министра; с 20 сентября 1917 г. — член ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов подпоручик 194-го запасного пехотного полка В. В. Шер, бывший до этого помощником командующего Московским военным округом (Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 15-16; Комаров Н.А. Указ. соч. С. 58), а в послеоктябрьское время — прапорщик граф П. М. Толстой, являвшийся до этого помощником начальника Политуправления (Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. С. 150).

⁸⁹ Сенин А.С. Военное министерство Временного правительства. С. 194, 214, 215, 243, 244.

⁹⁰ Военно-революционные комитеты действующей армии. С. 75-76.

отделов — культурно-просветительный — не ликвидировался, а передавался в ведение Народного Комиссариата просвещения⁹¹, что свидетельствовало о признании новой властью его необходимости и восприятию наработанного предшественниками опыта.

Иначе сложилась судьба другой вертикали военно-политических органов, существовавшей параллельно с первой, но формировавшейся армейским командованием и подчинявшейся исключительно ему. Еще в первые месяцы после Февральской революции при штабах Московского и Петроградского военных округов стихийно образовались военно-политические отделы⁹², причем первый из них был позже развернут в политическое управление округа⁹³. Через некоторое время подобные структуры появились в действующей армии⁹⁴. Начало было положено приказом Верховного главнокомандующего генерала Брусилова № 506 от 21 июня 1917 г., в котором объявлялось «Положение об особом отделении при Управлении генерал-квартирмейстера штаба главнокомандующего армиями фронта и армии, входящей в состав армий фронта». В соответствии с ним военно-цензурные отделения при указанных штабах следовало расформировать и образовать вместо них особые отделения, которые должны были заниматься «всеми вопросами, связанными с политической жизнью армий фронта и военных округов, подчиненных главнокомандующему, всеми вопросами по деятельности войсковых комитетов, съездов, а также прибывающими в штаб фронта делегациями», о чем было внесено соответствующее дополнение в ст. 126 «Положения о полевом управлении войск в военное время». При этом у особых отделений сохранялись и прежние военно-цензурные функции. Отметим, что «Положение об особом отделении» хронологически опередило «Положение о военных комиссарах» Временного правительства, учредившего военно-политические отделы при военкомах, почти на месяц позже. Более того, в июле военные попытались несколько откорректировать указанный правительственный акт, переименовав отделы при

⁹¹ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. С. 39.

⁹² Рабинович С.Е. Указ. соч. С. 94.

⁹³ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 4. С. 297.

⁹⁴ Автору встретилась брошюра «Приказы по армиям Первой французской республики (1793–1794 год)», изданная военно-политическим отделением штаба Северного фронта в июне 1917 г.

комиссарах в управления, возможно, с перспективой дальнейшего расширения их функций или увеличения численности персонала, поскольку, как мы отмечали выше, формирование штатов и финансирование деятельности этих отделов шло по армейским каналам.

Штаты особых отделений насчитывали одиннадцать человек в отделе генерал-квартирмейстера штаба армии и двенадцать — в Управлении генерал-квартирмейстера штаба фронта и подлежали укомплектованию исключительно военнослужащими. При этом оговаривалось, что три офицера отделения, включая начальника, обязаны иметь высшее юридическое образование. 18 июля 1917 г. особые отделения были сформированы в Управлениях обер-квартирмейстеров отдельных корпусов. На них возлагалось «ведение всеми вопросами, связанными с политической жизнью частей корпуса и всеми вопросами по деятельности войсковых комитетов и съездов, а также заведование военной цензурой в районе корпуса»⁹⁵. Было создано особое делопроизводство (отдел) в Управлении 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего с задачами разработки и редактирования проектов воззваний, обращений, приказов, телеграмм и пр., сбора сведений о политических настроениях в войсках и выработке рекомендаций Главковерху по борьбе с революционными выступлениями солдат⁹⁶. 19 июля при этом же Управлении было учреждено Бюро печати с задачами опровержения «не соответствующих действительности сведений, появляющихся в печати от имени Ставки», и ежедневного информирования верховного командования «о всем, заслуживающем внимания, в столичных, провинциальных и фронтовых газетах, а также и главнейших органах иностранной печати...»⁹⁷. 25 июля приказом Главковерха № 702 редакции армейских газет ввиду упразднения военно-цензурных отделений были переданы в ведение особых отделений штабов.

Таким образом, Главная Квартира, действуя с известным опережением Петрограда, создала целую систему подчиненных ей органов, за-

⁹⁵ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 639 от 18 июля 1917 г.

⁹⁶ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 626.

⁹⁷ РГВИА. Научная библиотека. Приказы Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 646 от 19 июля 1917 г.

нимавшихся политической жизнью войск наряду с правительственными военно-политическими структурами, причем на первом этапе своего существования вертикаль особых отделений была иерархически полнее последних, т. к. сразу охватила корпуса. Кроме того, особым отделениям, в отличие от аппарата при военкоматах, командование сразу отдало не вспомогательную, а самостоятельную роль.

Особые отделения рассматривались им, в отличие от комиссаров и военно-политических отделов при них, как необходимый и органичный элемент существования армии в условиях революции. Когда 23 августа 1917 г. управляющий делами Военного министерства Б.В. Савинков предложил Главковерху генералу Корнилову упразднить «во избежание недоразумений» особое делопроизводство Управления 2-го генерал-квартирмейстера при Ставке, тот воспротивился: «Политический отдел (указанное делопроизводство, — С.С.) мне нужен. Я должен знать о состоянии вверенных мне войск не только от комиссаров, но и от строевого начальства. Но, — успокоил он Савинкова, — Филоненко (в то время комиссар Временного правительства при Верховном главнокомандующем. — С.С.)... будет наблюдать за политической деятельностью отдела»⁹⁸. Примечательно, что Главковерх Л.Г. Корнилов своим приказом № 714 от 24 июля разрешил назначать на должности начальников особых отделов «не только штаб-офицеров с высшим юридическим образованием, но и штаб-офицеров Генерального штаба и штаб-офицеров всех родов войск, вполне знакомых с бытом и с условиями жизни армии и обладающих достаточным служебным опытом»⁹⁹, чем, по мнению автора, открыл набор в указанные органы офицеров, придерживавшихся вполне определенных политических взглядов, и, т. о., сделал один из организационных шагов по подготовке государственного переворота¹⁰⁰.

После некоторой заминки, связанной с ликвидацией последствий выступления генерала Корнилова, процесс развития и со-

⁹⁸ См.: Великая Октябрьская социалистическая революция. Документы и материалы. Революционное движение в России в августе 1917 г. С. 626.

⁹⁹ Приказы по военному ведомству, 1917. С. 650.

¹⁰⁰ В этой связи отметим, что и правительство пыталось использовать созданные им военно-политические структуры в политическом противоборстве. Так, министр-председатель Керенский провел 28 августа 1917 г., в день выступления генерала Корнилова, ряд приказов о штатных изменениях и назначениях в Петроградском военном округе именно по делопроизводству Политического управления Военного министерства.

вершенствования новой структуры продолжился. 22 сентября 1917 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего (наштаверх¹⁰¹) генерал Н.Н. Духонин (Верховным, напомним, в тот момент был министр-председатель А.Ф. Керенский) создал специальный Особый отдел Управления помощника начальника штаба Главковерха и передал в него из Управления 2-го генерал-квартирмейстера штаба Верховного главнокомандующего Бюро печати, что ознаменовало завершение процесса создания своеобразного Политического управления Ставки. Его штат включал восемнадцать человек. Отдел состоял из трех отделений, которые занимались вопросами: 1-е — «а) о комитетах (войсковых. — С.С.), б) о партийных организациях, в) о съездах, г) о союзах и т. п.», а также подготовкой выборов в Учредительное Собрание; 2-е — «а) о комиссариате, б) о военно-революционных судах, в) по судебными делам, г) составляет сводки о политическом настроении армии»; 3-е — «а) бюро печати (регистрация (регистрация. — С.С.) русских и иностранных газет, регистрация русских и иностранных корреспондентов, составление опровержений, информация русской и зарубежной печати, отзывы о литературе, идущей на фронт), б) о культурно-просветительной деятельности в войсках (грамотность, школы, народные университеты)»¹⁰². Если мы сравним область деятельности Особого отдела и Политического управления Военного министерства, то увидим не только совпадение, но и более широкий охват жизни войск первым, что, как представляется, свидетельствовало о нараставшем стремлении командования армии консолидировать ее внутренне.

16 октября 1917 г. приказом наштаверха Духонина № 729 Особый отдел был логично переименован в Военно-политический. К приказу прилагалось «Положение об отделе», в соответствии с которым последний становился высшим органом в системе военно-политических (особых) отделений штабов фронтов, армий и округов на театре военных действий и должен был возглавлять их работу. Деление отдела на три отделения сохранялось, но направления их деятельности были уточнены. Теперь первое отделение занималось сбором и изучением сведений о состоянии армии; перепиской

¹⁰¹ Официально употреблявшееся сокращение наименования должности «Начальник штаба Верховного главнокомандующего».

¹⁰² РГВИА. Научная библиотека. Приказы начальника штаба Верховного главнокомандующего за 1917 г. (подшивка). Приказ № 570 от 22 сентября 1917 г.

«о происшествиях и эксцессах в войсках, происходящих в связи с переживаемым революционным временем»; разработкой «мероприятий, направленных к оздоровлению армии и к поднятию и укреплению ее боевой мощи». Второму отделению вменялись в обязанности «сбор и изучение сведений о деятельности войсковых комитетов, съездов, Советов и других воинских организаций и военно-революционных судов», а также разработка «мероприятий, направленных к урегулированию и улучшению деятельности» войсковых комитетов, и контакты с армейскими комиссарами и комитетами «по вопросам политической жизни в войсках». Функции третьего были определены как «сбор и изучение сведений о войсковой... печати. Составление обзоров армейской печати. Регистратура русских и иностранных корреспондентов, составление опровержений, информация русской и иностранной печати, отзывы о литературе, идущей на фронт. Изучение вопросов о культурно-просветительной деятельности в войсках. Разработка мероприятий по вопросам, касающимся более правильной постановки в войсках газетного дела и культурно-просветительной деятельности». 16-го же октября приказом штабс-капитана Духонина № 739 создавались военно-политические отделения в штабах Двинского, Минского, Киевского, Одесского и Кавказского военных округов на театре военных действий. 13 ноября¹⁰³ его приказом № 884 в военно-политические были переименованы особые отделы при штабах фронтов.

Таким образом, к моменту Октябрьской революции в армии послефевральской России существовали две вертикали военно-политических структур — правительственная и войсковая: управления правительственных комиссаров, имевшиеся или находившиеся в стадии формирования на уровнях Ставки Верховного главнокомандующего, штабов фронтов, армий, корпусов, бригад в фронтовом тылу, военных округов и в русских войсках во Франции, работой которых руководило Политическое управление Военного министерства; и военно-политические и особые отделения (отделы) штабов фронтов, армий, отдельных корпусов (приравнивались к армиям), военных округов на театре военных действий, которые возглавлялись Военно-политическим отделом Управления помощника начальника штаба Верховного главнокомандующего. Если

¹⁰³ Ставка до занятия ее отрядом Н. В. Крыленко 20 ноября 1917 г. продолжала работать в прежнем режиме.

первая вертикаль ввиду прекращения 26 октября деятельности Временного правительства перестала существовать к середине ноября 1917 г., то вторая после проведения в ней Советской властью организационных и кадровых изменений фрагментарно сохранилась до полной демобилизации старой армии в марте 1918 г., что свидетельствовало о необходимости ее наличия в войсках.

Т. о., Февральская революция вызвала к жизни официальные структуры политического влияния и контроля в войсках в виде института военных комиссаров и военно-политических органов, которые в течение 1917 г. не были или не смогли быть отвергнуты армией, что говорит об их соответствии запросам революционного времени и расстановке политических сил в стране. Инициативы создания данных структур поступили как из гражданской, так и из военной частей русского общества. Основными целями их создания явились контроль за ходом политического процесса в армии и стремление к управлению им, а также повышение боеспособности войск, причем не только для достижения победы в войне, но и для возможного использования их в качестве главного аргумента во внутриполитической борьбе в России.

Вместе с тем краткость времени, отведенного существованию этих нововведений, нестабильность и противоречивость государственной власти и, как следствие, ее слабость, а также противоречия, раздиравшие саму армию, превратили и комиссариат, и военно-политические органы в подобие пожарной команды, призванной разрешать текущие, спонтанно возникающие проблемы. Это приводило к отвлечению от проведения ими своей главной линии. Кроме того, новые политические структуры, в сущности, не имели инструментария реального воздействия на войска. Поэтому в целом их история завершилась вместе с историей старой армии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1917-й — судьбоносный год в истории России — явился отправной точкой процесса социальной модернизации всей государственной системы страны. Одни институты старого государства были отторгнуты обществом, другие подверглись коренному переустройству. Среди последних была и Российско-императорская армия. Условия, в которых проводилось ее обновление, были сложными и в целом неблагоприятными. Во-первых, отведенный историей для этого срок исчислялся восемью месяцами, что является исчезающе малой величиной исторического времени. Во-вторых, выполнению указанной задачи не могла способствовать обстановка постоянной политической нестабильности в стране, вызванная развитием революционного процесса, которая дополнялась нараставшим экономическим кризисом. В-третьих, Россия продолжала быть воюющей державой, и основная часть войск находилась на фронте, где их главной задачей должно было бы быть эффективное ведение боевых действий, а не всякого рода реорганизации и изменения. Наконец, в-четвертых, несмотря на то, что крепостное право было отменено в России за 50 с лишним лет до Февральской революции, социально и психологически русское общество продолжало делиться на «бар» и «мужиков», которым, выражаясь словами Киплинга, было «не сойтись никогда» во взглядах на пути решения стоявших перед страной проблем. Все это придавало своеобразную тональность реформам, проводившимся как в государстве в целом, так и в армии в частности.

В качестве инициаторов преобразований выступали и официальная новая власть в лице Временного правительства и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, а позже — ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Всероссийского Совета крестьянских депутатов; и политические и общественные организации; и армейское командование, и войсковые низы, и гражданские лица. Так, правительство учредило почетные «красные знамена 18 июня» в войсках после того, как солдаты начали по собственному почину использовать «неуставные» революционные стяги в качестве боевых знамен; институт военных комиссаров был де-

тищем столичного Совета; батальоны смерти создавались по инициативе представителей начальствующего состава армии, а женские войсковые формирования — общественного Петроградского женского военного союза добровольцев. Следовательно, можно говорить о том, что в целом в обновлении армии принимало участие все общество. В этом был залог необратимости преобразований. Но вместе с тем здесь же коренились их противоречивость и дискретность, т. к. и социум России, и его истеблишмент были в 1917 г. крайне неоднородны.

Основные направления обновления Вооруженных Сил включали изменение их внешнего «облика»; новую военную кадровую политику; попытки формирования принципиально новой, революционной армии; создание и деятельность специальных структур, призванных обеспечить проведение и необратимость преобразований в войсках, — института военных комиссаров и военно-политических органов. Изменение внешнего «облика» войск после Февраля было представлено переприсягой на верность Временному правительству, что официально придало бывшей Российско-императорской армии статус революционной; а также процессами демонархизации, демократизации и революционизации уставных взаимоотношений военнослужащих, атрибутов военной символики, наград, принципов и процедуры награждений и т. д.

Войсковая среда чутко и быстро реагировала на революционные изменения в стране. Это находило внешнее выражение, например, в ношении массой солдат нагрудных красных бантов и розеток или появлении в официальном внутриармейском лексиконе обращений «гражданин» и «товарищ». Данное явление свидетельствовало о включении войск в общегражданский революционный процесс. В результате смены внешнего «облика» армии ее олицетворением вместо царя, одетого в военную форму, стал солдат с красным бантом на груди.

Однако очевидно, что внешние изменения были лишь верхушкой айсберга, в то время как требовалось глобальное обновление Вооруженных Сил на современных для своего времени началах. Внутренняя социальная модернизация армии осуществлялась по двум главным направлениям: улучшения старого и попыток создания принципиально нового. Первое направление развивалось в следующих основных руслах: улучшения профессионального «качества» командного состава всех уровней; восстановления уставных взаи-

моотношений солдат и офицеров, нарушившихся в ходе революции; демократизации офицерского корпуса; демократизации системы военного образования; выявления дополнительных источников восполнения убыли личного состава действующей армии.

Задача улучшения «качества» командования решалась двумя основными путями: удалением негодных (а нередко неугодных) войсковых начальников и назначением достойных, что соответствовало провозглашенному новой властью в армии лозунгу «Дорогу талантам!». Наиболее крупным мероприятием в этой области следует считать правительственную чистку офицерского корпуса, главной мишенью которой был избран генералитет. Помимо этого, был дан ход представлениям на повышение офицеров в чине, залежавшимся в органах военного управления вследствие бюрократической рутин, упразднены до окончания войны цензы знаний и опыта и принцип соответствия чина должности при назначении на войсковые посты. И так далее. Однако результативность подобных шагов вызывает большие сомнения в свете неудачного в целом для русской армии хода боевых действий в 1917 г.

Стремление восстановить уставные взаимоотношение между офицерами и солдатами диктовалось необходимостью повышения боеспособности армии для продолжения войны и доведения России до победы. Не признавая, что враждебность войсковых низов к командирам имеет в своей основе не профессиональную, а социальную природу, новая власть пыталась решить проблему в основном политическими и административными методами. Предпринимались попытки сблизить материальное и юридическое положение солдат и офицеров. Были учреждены органы армейского самоуправления — войсковые комитеты, а также военные суды присяжных заседателей, куда офицеры и солдаты избирались, а не назначались и где работали на равноправной основе. Но, будучи несомненно демократичными по своему характеру, такие шаги тем не менее не могли привести к положительным кардинальным переменам, поскольку нижние чины видели иные способы решения той же проблемы. А их способы были неприемлемы для постфевральской власти и командования. Например, в 1917 г. большой популярностью среди войсковых низов пользовалось требование об упразднении понятия «офицер» и установлении единого наименования «солдат» для всех военнослужащих. Пытаясь иметь в качестве своих начальников социально близких себе людей, солдаты

явочным порядком начали выбирать себе командиров. И прочее. Все это вызывало противодействие со стороны войскового начальства и правительства и лишь добавляло новые конфликты в армейскую среду. Правильные по сути, но совершенно недостаточные мероприятия новой власти не дали искомого результата в данной области.

То же произошло с социальной и политической демократизацией офицерского корпуса, являвшейся еще одной насущной задачей революции в армии. Наиболее крупным шагом в этой области стала отмена новой властью всех сословных, национальных и вероисповедных ограничений для получения военными служащими первого офицерского чина и дальнейшего продвижения по иерархической лестнице. Демократизации офицерства способствовала и чистка командного состава. Несомненным элементом демократизации явились прецеденты продвижения военными служащими в чинах и званиях методом революционного производства и за революционные заслуги. Кроме того, увеличился доступ в офицерский корпус солдат, право стать офицерами получили женщины. Наконец, было узаконено удаление с должностей командиров по требованию нижних чинов. Все вышеперечисленное существенно демократизировало офицерский корпус, но вместе с тем понижало его профессиональные характеристики, вело к расколу корпоративного единства, появлению противостояния внутри офицерской среды, что, конечно, не укрепляло, а, наоборот, ослабляло и само офицерство, и армию.

Не была решена задача демократизации системы военного образования, также ставшая актуальной после свержения самодержавия. Вследствие недостаточности времени реформирование средних и высших военно-учебных заведений дошло в основном только до стадии проектов, намечавших лишь общие контуры нового. Единственным осуществленным при Временном правительстве мероприятием в этой сфере явилось установление новых правил приема в кадетские корпуса на казенный счет, в соответствии с которыми формально уравнивались в праве поступления в них дети солдаты и офицеров — георгиевских кавалеров.

Несколько лучше обстояло дело с поиском дополнительных резервов пополнения личного состава действующей армии. В его ряды были привлечены бывшие жандармы и полицейские; офицеры, служившие в запасных частях и общественных организаци-

ях в тылу, а также прикомандированные к кадетским корпусам; представители других категорий военнослужащих и гражданских лиц. Очевидно однако, что указанное пополнение не могло оказать серьезного положительного воздействия на ситуацию в войсках на фронте.

Таким образом, внутреннее обновление старой армии шло по многим направлениям, меняя последнюю. Но часто нововведения приводили не к повышению ее боеспособности, а к возникновению в войсках новых проблем. Ряд же преобразований, накладываясь на противостояние солдат и офицеров, откровенно разрушал армейский организм, что в совокупности свидетельствовало о невозможности положительного обновления данного института бывшей монархии в новых условиях.

Поэтому одновременно с перечисленным шел поиск современных для 1917 г. форм и принципов организации армии: появился новый, «революционный» тип войсковых формирований — добровольческие ударные батальоны (батальоны смерти и ударные революционные батальоны из волонтеров тыла) и части смерти. Примечательно, что проекты организации ударных войск вышли преимущественно из военной среды, а не являлись инициативами власти ни в лице правительства, ни в лице Петроградского Совета, что указывает на стремление к самообновлению самой армии. Главной целью создания новых формирований было образование боеспособного ядра внутри старой армии и разворачивание впоследствии на его основе новой путем частичного перераспределения личного состава и затем демобилизации остатков старой. Помимо этого, ударники, в массе своей настроенные проправительственно и прокорниловски, рассматривались определенными политическими силами как главный аргумент в политическом противостоянии с большевиками и борьбе с солдатскими бунтами.

При организации ударных войск были применены новые принципы, несомненно, продиктованные революционным временем: добровольчество; революционная сознательность, проистекающая из революционного патриотизма, в качестве основы воинской дисциплины ударников; подбор командиров с учетом не только их боевого опыта, но и политических взглядов; назначение начальствующего состава ударных батальонов из волонтеров тыла комитетами по формированию таких батальонов, а не войсковым начальством и возможность смещения командиров на основе решения собра-

ния личного состава батальона или его подразделения; наконец, равенство военнослужащих-ударников между собой («Вне служебных отношений нет начальников и волонтеров, а есть братья и товарищи по оружию»). Для ударников была разработана новая символика и учреждены новые награды. Однако для создания целой армии Февраля не хватило исторического времени — процесс соединения воедино имевшихся и формирования «недостающих» ударных частей к моменту Октябрьской революции только начал разворачиваться и, соответственно, остался незавершенным, поскольку был официально прекращен Советской властью. Кроме того, ударные войска в ходе боевых действий несли большие потери, что на всем протяжении существования служило сдерживающим фактором их развития. А противопоставление ударников остальной армии в связи с использованием их в качестве заградительных отрядов и карательных команд в ближнем тылу фронта при лучшем, как правило, снабжении всеми видами довольствия, обмундированием и вооружением создало в войсках мощный дополнительный конфликт между «воинами-революционерами» и основной массой фронтовиков.

Победа Октября положила конец существованию ударных формирований Временного правительства. Армия постфевральской России не состоялась. Однако сам процесс, будучи не исчерпанным до конца, продолжился в других формах за рамками указанного периода.

Для обеспечения проведения коренных преобразований в армии и контроля за их ходом были созданы принципиально новые структуры: представительство высших органов государственной власти в армии в лице института военных комиссаров и военно-политические органы. Их становление, протекавшее в бурное время марта-октября 1917 г., как в капле воды отразило всю противоречивость указанного периода. Так, институт военных комиссаров, созданный Петроградским Советом, вскоре перешел под эгиду Временного правительства и превратился в институт представителей правительства в Вооруженных Силах, что определенным образом отразилось в его деятельности. Кроме того, в течение всего времени его существования со стороны армейского командования предпринимались активные попытки освободиться от этой структуры, либо изменить статус военных комиссаров как представителей государства, независимых от войсковых начальников, на статус

помощников командиров по политико-воспитательной работе. На протяжении восьми месяцев существования дооктябрьских военкомов их функции неоднократно уточнялись и дополнялись в соответствии с изменением общеполитической конъюнктуры и перемещением акцентов в политической жизни страны, но вместе с тем основными направлениями работы продолжали оставаться контроль за «контрреволюционным» командным составом и реализацией официальных нововведений в войсках, а также организация политической жизни последних.

Одним из слабых мест института военных комиссаров была его неустоявшаяся кадровая политика, которая часто приводила к командированию в армию людей, не представлявших специфики последней и не разбиравшихся в военном деле, что не способствовало укреплению авторитета комиссариата в войсках. Помимо этого, многие военкомы проводили в армии не столько правительственную (государственную) линию, сколько линию своих партий, что объективно делало комиссариат слабым внутренне. Поэтому, несмотря на свой непрерывный численный рост, институт военных комиссаров не смог выполнить возложенные на него постфевральской властью задачи. Само создание такой структуры сигнализировало о разбалансировке государственного механизма, ибо сильное государство в подобном органе не нуждается; а ее разрастание — об углублении процесса распада государства. Вместе с тем накопленный опыт работы представителей новой власти в армии был учтен после Октябрьской революции: в последний период существования старой армии и позже — в ходе создания и деятельности аналогичных учреждений, причем не только в Красной, но и в белых армиях.

В тесной связи с комиссариатом в войсках появилось еще одно революционное новшество — военно-политические органы, сформированные при армейских комиссарах Временного правительства как их рабочий аппарат. Войсковое командование прибегло к трем способам «взаимодействия» с этими органами: попыталось избавиться от них, а когда не получилось — приспособить для решения своих задач и, параллельно создало свой альтернативный аналог.

Если первые структуры стремились вместе с военкомами способствовать переустройству армии в том числе для обеспечения ее лояльности новому режиму, то вторые — провести внутреннюю консолидацию войск. Однако появление и тех и других как доста-

точно органичного в условиях революции элемента армейского организма символизировало причастность Вооруженных Сил к глобальным переменам в жизни России и являлось одним из проявлений этой причастности.

Таким образом, 1917 год оставил глубокий след в истории русской армии, которая вместе со страной переживала все перипетии бурных событий того времени. Рожденная и выпестованная в условиях абсолютизма, с его крахом она оказалась в прямом смысле «без царя в голове», что стало первым ударом Февральской революции по бывшей опоре трона. Второй был подготовлен предшествующим ходом Первой мировой войны, когда настоящая «царская» армия погибла на полях сражений, так и не добившись в силу неэффективных командования и снабжения поставленных перед ней целей. Она постепенно сменилась «вооруженным народом», в массе своей не имевшим никакого желания воевать. Наконец, третий, самый мощный удар, взорвавший войска изнутри, имел своим источником ту же основу, что породила и сам Февраль, — неразрешимые в условиях старой общественной системы социально-классовые противоречия, до предела обострившиеся в ходе войны.

Революция принесла с собой надежды на решение наболевших проблем, что применительно к армии объективно означало такое ее социально-политическое, структурное и прочее переустройство, которое быстро и существенно повысило бы боеспособность и наступательный порыв войск и привело бы Россию к победе над противником. Но народные массы не ассоциировали себя с новой государственной властью, тем более что она и ощущалась и сама называла себя временной, а условия разраставшегося экономического кризиса делали значительно более актуальными для людей совсем иные проблемы. Поэтому призывы к «революционной войне» с германскими захватчиками оставались в общем и целом «неуслышанными» народом либо вызвали нараставшее раздражение, в том числе в многомиллионной среде фронтовиков.

В такой ситуации выявилось два основных взгляда на задачи и пути обновления армии. Первый, выразителем которого были новые правящие круги, требовал ликвидации огрехов работы старого военного ведомства и обеспечения немедленной оптимизации всех структур Вооруженных Сил и их деятельности для достижения скорейшей победы в войне. Другой, исходивший от социальных низов, в том числе от солдат, видел главную задачу революции

для армии в полной демократизации ее внутреннего строя с целью политического уравнивания войсковых верхов и низов и, соответственно, установления социальной справедливости среди военнослужащих. Желание же продолжать войну до победного конца в этой среде отсутствовало. Наоборот, в ней постепенно набирал силу лозунг «мира во что бы то ни стало». Ясно, что эти два подхода имели не много точек соприкосновения.

Указанным контрастом интересов и определился весь ход военного строительства между Февралем и Октябрем, основными чертами которого стали противоречивость и непоследовательность. Имея разные, подчас противоположные источники инициатив и взглядов на цели и методы реформирования армии, процесс шел неровно, импульсивно. Проведение коренного обновления войск, являющееся трудной задачей само по себе, в 1917 г. осложнялось условиями продолжения участия России в войне и, следовательно, потребностью в высокой скорости его проведения, причем при сохранении фронта; углубляющимся экономическим кризисом, ставившим ощутимые пределы желаниям реформаторов всех мастей; а также развитием общегражданского революционного процесса в стране, имевшего свои всплески и спады, которые немедленно отражались на состоянии дел в войсках и часто вынуждали при проведении в них преобразований прибегать к импровизациям. Результатом данных обстоятельств стала прерывность многих линий социальной модернизации армии. Войска сравнительно легко и быстро приобрели внешне революционный вид, но сделать их новыми по сути так и не удалось, несмотря на многие прогрессивные шаги государства и общества, в том числе и самих военнослужащих в этом направлении. Небольшим островком воинской дисциплины и боеспособности в армейском океане стали рожденные Февральской революцией добровольческие ударные формирования. Однако приверженность Временному правительству и стремление воевать до победного конца противопоставили их остальному войсковому социуму, добавив к существовавшим внутри последнего конфликтам еще один, вместо изначально предназначавшейся ударникам роли примера для остальных войск и ядра новой армии.

Итак, очевидно, что неразрешение или половинчатое разрешение царизмом назревших в Вооруженных Силах проблем, а также сдерживание им реализации полезных общественных инициатив в этой области привели к накоплению критической массы

указанных проблем, их взрывоподобному выходу наружу в начале Февральской революции и лавинообразному нарастанию в дальнейшем, что поставило общество в целом и едва появившуюся на свет новую власть в частности перед необходимостью немедленного проведения всестороннего реформирования армии. Слабость политической системы государства при Временном правительстве не позволила выработать и осуществить единую стратегию и тактику реформирования Вооруженных Сил. Но главное препятствие заключалось в том, что без осуществления глобального преобразования самого социума задача коренного обновления армии не имела решений в принципе. Попытки ее решения неизбежно вели к появлению новых канонов организации Вооруженных Сил, адекватных вызовам времени, и, следовательно, к формированию общественной потребности в создании принципиально новой армии, а не обновления старой.

Вот почему все усилия по социальной модернизации Вооруженных Сил как одного из государственных институтов бывшей монархии не только не дали в 1917 г. желаемого результата, но, наоборот, ускорили их распад. Груз преобразований оказался для них непосильным. Российско-императорская армия, пережив монархию почти на год, была вынуждена покинуть вслед за ней историческую арену, а республиканская армия не состоялась. Россия, пребывая в состоянии войны, к концу года революции, по существу, осталась вообще без армии, что привело к тяжелейшим последствиям. Во-первых, несмотря на все понесенные людские потери и материальные затраты, стране пришлось, так и не добившись победы, сепаратно выйти из войны, потеряв часть территории и фактически признав свои предыдущие трехлетние усилия бесполезными, а возможность хотя бы частичного возмещения затрат на войну неосуществимой. Во-вторых, произошел политический распад России на ряд маломощных «разноцветных» государственных образований, что привело к утрате позиций страны на международной арене. В-третьих, граждане бывшей «единой и неделимой» оказались ввергнутыми в многолетнюю ожесточенную борьбу между собой, сопровождаемую иностранной интервенцией, что вело к дальнейшим людским и материальным потерям, сокращению национального богатства и продолжению попыток отторжения территорий от России. В результате такого развития событий после окончания гражданской войны потребовалось несколько десятилетий

тий невероятных усилий народа и его неисчислимы жертвы для восстановления, укрепления и защиты единства страны и возвращения достойного ее статуса великой державы.

Тем не менее можно констатировать, что рассмотренный период был полон разнообразных проектов и разработок, порой серьезных, порой наивных, которые явились олицетворением свободного социального творчества революционного народа. А опыт, накопленный в 1917 году в ходе их реализации, был активно использован через непродолжительное время в ходе строительства Вооруженных Сил как в Советской республике, так и в противостоявших ей государственных образованиях.

Научное издание

Солнцева Светлана Александровна

**БЕЗ ЦАРЯ В ГОЛОВЕ
СОЦИАЛЬНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ РУССКОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ
(февраль-ноябрь 1917 г.)**

Издано в авторской редакции

Ответственный редактор *Г. Пернавский*
Художественный редактор *М. Левыкин*
Верстка *А. Григорьев*
Технический редактор *Н. Атауллина*
Корректор *Д. Мельник*

ООО «Бестселлер», торговая марка «Издательство «Пятый Рим».
Адрес: 115419 г. Москва, Рошинский 2-й проезд, дом 8,
строение 5, этаж 1, пом III, ком 3
Все наши книги можно заказать на сайте www.5rim.ru

Подписано в печать 25.11.2020.
Формат 60x90^{1/16}. Гарнитура «Greta Text Pro». Печать офсетная.
Бум. офс. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 400 экз. Зак. №

Отпечатано в:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
АО «Первая Образцовая типография»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, секр. 8(495)988-63-41

16+ | Издание не рекомендуется детям младше 16 лет